

ВЕСТНИК ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные исследования.

Humanitates

TYUMEN STATE
UNIVERSITY

HERALD

Humanities research.

Humanitates

Журнал основан в 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Том 9. № 1 (33)

2023

Vol. 9. No. 1 (33)

Founded in 1998
A quarterly journal

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Главный редактор

И. М. Чубаров, Тюмень, Россия

Редакционная коллегия

Г. И. Баязитова, Тюмень, Россия
В. М. Костомаров, Тюмень, Россия
Вяч. С. Кулешов, Тюмень, Россия
А. В. Кононова, Тюмень, Россия
Н. В. Кузнецова, Тюмень, Россия
А. А. Медведев, Тюмень, Россия
Е. В. Михалькова, Тюмень, Россия
Е. В. Новокрещенных, Тюмень, Россия
Н. С. Чижов, Тюмень, Россия

Ответственный секретарь

И. Н. Пупышева, Тюмень, Россия

Редакционный совет

А. А. Арустамова, Пермь, Россия
Н. Н. Белозёрова, Тюмень, Россия
Т. В. Викторова, Страсбург, Франция
Д. Франческа Вирдис, Кальяри, Италия
Т. Вюни, Пассау, Германия
С. Гартон, Астон, Великобритания
Н. В. Дрожжащих, Тюмень, Россия
А. Г. Еманов, Тюмень, Россия
О. В. Зырянов, Екатеринбург, Россия
Р. Кинг, Сан-Диего, США
С. А. Комаров, Тюмень, Россия
А. В. Кононова, Тюмень, Россия
Н. В. Лабунец, Тюмень, Россия
П. Марийо, Тулуза, Франция
А. К. Нефёдкин, Белгород, Россия
Н. П. Парфентьев, Челябинск, Россия
С. С. Пашин, Тюмень, Россия
М. Саббатини, Пиза, Италия
Т. Н. Хомутова, Челябинск, Россия
Э. Хиановска-Ключевска, Краков, Польша
Р. Чая, Торунь, Польша
Е. Н. Эртнер, Тюмень, Россия

ISSN 2411-197X (Print)

ISSN 2500-0896 (Online)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72166 выдано 29 декабря 2017 г. (ранее: ПИ № ФС77-60411 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Издатель/редакция/типография

ТюмГУ-Press
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

Прием статей

vestnik-humanities-r@utmn.ru
Публикация статей для авторов бесплатна

Журнал распространяется

В открытом доступе <http://www.e-library.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>
По подписке Каталог Российской прессы (индекс ПА252)

Editor-in-chief

I. M. Chubarov, Tyumen, Russia

Editorial board

G. I. Bayazitova, Tyumen, Russia

V. M. Kostomarov, Tyumen, Russia

Vyach. S. Kuleshov, Tyumen, Russia

A. V. Kononova, Tyumen, Russia

N. V. Kuznetsova, Tyumen, Russia

A. A. Medvedev, Tyumen, Russia

E. V. Mikhalkova, Tyumen, Russia

E. V. Novokreshchenykh, Tyumen, Russia

N. S. Chizhov, Tyumen, Russia

Executive Secretary

I. N. Pupyshcheva, Tyumen, Russia

Editorial council

A. A. Arustamova, Perm, Russia

N. N. Belozerova, Tyumen, Russia

T. V. Victorova, Strasbourg, France

D. F. Viridis, Cagliari, Italy

T. Wunsch, Passau, Germany

S. Garton, Aston, UK

N. V. Drozhashchikh, Tyumen, Russia

A. G. Yemanov, Tyumen, Russia

O. V. Zyryanov, Yekaterinburg, Russia

R. King, San Diego, USA

S. A. Komarov, Tyumen, Russia

A. V. Kononova, Tyumen, Russia

N. V. Labunets, Tyumen, Russia

P. Marillaud, Toulouse, France

A. K. Nefedkin, Belgorod, Russia

N. P. Parfentiev, Chelyabinsk, Russia

S. S. Pashin, Tyumen, Russia

M. Sabbatini, Pisa, Italy

T. N. Khomutova, Chelyabinsk, Russia

E. Chrzanowska-Kluczevska, Krakow, Poland

R. Czaja, Toruń, Poland

E. N. Ertner, Tyumen, Russia

ISSN 2411-197X (Print)

ISSN 2500-0896 (Online)

Founded by

Published, edited and printed by

For article submission

The journal is distributed

University of Tyumen

UTMN-Press

6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

vestnik-humanities-r@utmn.ru

No publication charges

Accessed at

<http://www.e-library.ru>

<http://vestnik.utmn.ru>

Subscription to

Russian Post catalogue (No. ПИ252)

Содержание

Языкознание

- 6 Пилотный корпус текстов учебников немецкого языка для учащихся вторых классов
Нечаева П. О., Паршина В. В.
- 20 Сопоставительный анализ элементов текстовых миров в литературной сказке «Золушка»
Ш. Перро (в переводе на русский) и одноименном киносценарии Е. Шварца
Евсеев О. В., Кох А. Н., Михалькова Е. В.

Литературоведение

- 43 Функции аллюзий в поэтической книге «Популярная наука
о кошках, написанная Старым Опоссумом» Т. С. Элиота
Маршания К. М.
- 58 Экзистенциальная амбивалентность юного Лермонтова: Байрон или другой?
Мысовских Л. О.

История

- 78 Здравоохранение Тобольского Севера в середине XIX – начале XX века
Шуляк Е. В.
- 97 Образы кладбища в картине мира православного духовенства
и их влияние на народную культуру
(на материалах церковной публицистики конца XIX – начала XX века)
Бушueva А. А.
- 114 Микрорайон как элемент визуальной репрезентации
города на примере Тюменской области
Бубнов Д. О.
- 128 Содержание за 2022 год

Contents

Linguistics

- 7 The pilot corpus of German language textbooks for the second-grade students
Nechaeva, P. O. & Parshina, V. V.
- 21 A comparative analysis of text worlds' elements in the literary tale "Cinderella"
by Charles Perrault (translated into Russian) and its screenplay by Yevgeny Schwartz
Evseev, O. V., Koh, A. N., & Mikhalkova, E. V.

Literature Studies

- 44 The functions of literary allusions in Old Possum's Book
of Practical Cats by T. S. Eliot
Marshaniya, K. M.
- 59 The existential ambivalence of the young Lermontov: Byron or the other?
Mysovskikh, L. O.

History

- 79 Healthcare of the Tobolsk North in the middle 19th – early 20th century
Shulyak, E. V.
- 98 Images of the cemetery in the worldview of the Orthodox clergy
and their influence on folk culture
(the case of church journalism of the late 19th – early 20th c.)
Bushueva, A. A.
- 115 Microdistrict as an element of a city's visual representation the Tyumen region
Bubnov, D. O.
- 128 Contents for 2022

Пилотный корпус текстов учебников немецкого языка для учащихся вторых классов

Полина Олеговна Нечаева, Вероника Владимировна Паршина

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: parshinaveronika01@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению вопросов создания корпуса учебников и его применения для решения различных прикладных и исследовательских задач. В ходе исследования был проведен анализ работ зарубежных и отечественных лингвистов в сфере корпусной лингвистики, который позволил выделить характерные структурные и конструктивные особенности педагогических корпусов, и, в частности, корпусов учебников, а также описать различные способы применения корпусов учебников для проведения лингводидактических исследований. Особое внимание уделено проектированию и технологическому процессу создания корпуса учебников. В результате критического анализа рекомендуемых этапов создания корпуса был смоделирован и сконструирован корпус текстов учебников немецкого языка для начальной школы и проведена его апробация в виде сравнительного частотного анализа лексики из учебников. Основными методами, применёнными в ходе исследования, стали моделирование, частотно-ранговый метод и сравнительно-сопоставительный анализ.

Данная статья была представлена как доклад на восьмой молодёжной научно-практической конференции «Множественность интерпретаций: анализ данных в социальных и гуманитарных науках» (17 июля 2022 г., Институт социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета).

Ключевые слова: корпусная лингвистика, корпус учебников, принципы создания корпуса, частотный анализ, относительная частотность, списки частотных слов, немецкий язык

Цитирование: Нечаева П. О., Паршина В. В. 2023. Пилотный корпус текстов учебников немецкого языка для учащихся вторых классов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 1 (33). С. 6–19. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-6-19>

Поступила 29.08.2022; одобрена 27.10.2022; принята 04.02.2023

The pilot corpus of German language textbooks for the second-grade students

Polina O. Nechaeva, Veronika V. Parshina✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: parshinaveronika01@mail.ru ✉

Abstract. The article studies the issues of textbooks corpus creation and its application for solving various applied and research problems. The authors have analyzed the works of global and Russian linguists in the field of corpus linguistics. That made it possible to identify the characteristic structural and design features of pedagogical buildings, and, in particular, textbook buildings, as well as to describe various ways of using textbook buildings for conducting linguodidactic research. Special attention is paid to the design and technological process of creating a corpus of textbooks. Having critically analyzed the recommended stages of the corpus creation, the authors have modeled and constructed a corpus of texts of German textbooks for elementary schools, which was tested in a comparative frequency analysis of vocabulary from textbooks. That required using the methods of modeling, frequency-rank method, and comparative analysis.

This article was presented as a paper at the 8th Research Conference “Conference on Text Interpretation: Data Analysis in the Social Sciences and Humanities” (17 July 2022, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen).

Keywords: corpus linguistics, corpus of textbooks, principles of creating a corpus, frequency analysis, relative frequency, frequent words lists, the German language

Citation: Nechaeva P. O., Parshina V. V. (2023). The pilot corpus of German language textbooks for the second-grade students. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, 9(1), 6–19. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-6-19>

Received August 29, 2022; Reviewed Oct. 27, 2022; Accepted Feb. 4, 2023

Введение

С появлением вычислительной техники и сети Интернет в XX в. стремительно развивается корпусная лингвистика как раздел компьютерной лингвистики. В этой области проводится большое количество научных исследований, создаются многочисленные национальные и пользовательские корпуса. С начала XXI в. стали распространяться педагогические корпуса и корпуса учебников. Однако большинство из них были созданы на материале

учебников по английскому и русскому языку. В целях обучения немецкому языку на сегодняшний день проведено сравнительно незначительное количество исследований с использованием педагогических корпусов. Стоит отметить, что известные нам подобные исследования нацелены в основном на студентов или взрослых, изучающих немецкий язык. В то время как корпусы текстов российских учебников по немецкому языку, целевой аудиторией которых являются учащиеся начальных классов, практически отсутствуют. В связи с этим создание такого корпуса является актуальным.

Настоящее исследование нацелено на создание пилотного корпуса на материале учебников немецкого языка для учащихся вторых классов и проведение на его базе частотного анализа лексики. Его новизна заключается в уточнении критериев отбора языкового материала и экстралингвистической разметки в связи со специфическим материалом исследования.

Объектом исследования является корпус учебников, а предметом — принципы и этапы создания корпуса учебных текстов.

В качестве материала исследования были выбраны тексты учебников по немецкому языку «Wunderkinder» и «Spektrum» для 2 класса российского издательства «Просвещение», входящих в Федеральный перечень учебников, рекомендованных к использованию организациями, осуществляющими образовательную деятельность [Об утверждении федерального перечня..., 2020].

В ходе нашего исследования были применены такие методы, как моделирование, корпусный метод анализа текста, частотно-ранговый метод, сравнительно-сопоставительный анализ.

Обзор литературы

В настоящее время корпус играет важную роль при проведении лингвистических исследований. Исследователи В. П. Захаров и С. Ю. Богданова определяют корпус как

«большой, представленный в машиночитаемом формате, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» [Захаров, Богданова, 2013].

В зависимости от того, какие тексты входят в состав корпуса, различают лингвистические корпуса различных видов. Одним из них является педагогический корпус. Педагогический корпус, согласно определению А. Н. Лапошиной — это корпус письменной и устной речи, с которой сталкивается обучающийся иностранному языку в классе либо самостоятельно [Лапошина, 2020]. А. С. Карамнов уточняет, что основой педагогического корпуса является язык, используемый в учебном процессе либо окружающий учащихся в образовательной среде [Карамнов, 2013]. Стоит отметить, что под понятием «педагогический корпус» оба исследователя понимают собрание не только текстов учебников, но и любых видеозаписей, книг, подкастов на иностранном языке. Поэтому корпус текстов учебников является разновидностью, частным случаем педагогического исследовательского корпуса [Карамнов, 2013; Лапошина, 2020]. Еще одной причиной того, почему термины «педагогический корпус» и «корпус учебников» следует разли-

чать, может служить то обстоятельство, что собрать весь письменный и устный учебный материал в виде текстов, упражнений, аудиозаписей и видеозаписей на изучаемом языке практически невозможно.

Корпус текстов учебников как разновидность педагогического корпуса может иметь как стандартную разметку, характерную для корпусов любых текстов, так и специальную педагогическую разметку, при которой текстам присваивается тег в зависимости от задания, которое предшествует этому тексту и которое учащимся необходимо выполнить. Единственным известным нам корпусом учебников, при создании которого был применен такой тип разметки, является корпус учебников английского языка TeMa 1, о котором пишут Ф. Мёньер и С. Гувернёр [Meunier, Gouverneur, 2009].

Анализ отечественных и зарубежных работ в сфере педагогических корпусов позволил выявить многочисленные возможности использования корпусов учебников для проведения лингвистических исследований. Чаще всего с помощью корпусов учебников иностранного (или даже родного) языка изучается, насколько язык, представленный в учебнике, соответствует реальному, живому языку носителей [Meunier, Gouverneur, 2009; Лапошина, 2020; Лебедева, 2020]. Такие исследования описаны А. Н. Лапошиной, Т. С. Веселовской, М. Ю. Лебедевой, О. Ф. Купрещенко и посвящены корпусам учебников русского языка для младшей школы. При использовании корпуса учебников русского языка авторам удалось наглядно представить распределение уникальной лексики в учебниках и скорость прироста лексики от первого к четвертому классу [Лебедева и др., 2019].

Похожая исследовательская задача была решена в ходе анализа частотности лексического состава учебников, вошедших в корпус учебников по немецкому языку. Однако в отличие от отечественных исследователей, Н. Бубенхофер (Швейцария) рассматривает распределение по урокам частотной лексики, опровергая предположение о том, что в первых уроках учебников представлена высокочастотная лексика, а в последних — низкочастотная [Bubenhof, 2012]. Исследователем также была определена тематическая принадлежность наиболее часто встречающихся в учебных текстах слов.

В рамках другого корпусного исследования А. Н. Лапошина и О. Ф. Купрещенко провели анализ формулировок заданий учебников русского языка для младшеклассников — носителей русского языка. Одним из результатов анализа стало распределение глаголов в повелительном наклонении, встретившихся в учебниках русского языка, по нескольким семантическим группам («говорение», «чтение», «интеллектуальные действия», «мнемонические действия» и др.). Такое распределение позволило исследователям определить количественное соотношение заданий, направленных на те или иные языковые компетенции, и частично выявить направленность заданий на ту или иную психическую деятельность обучающегося (перцептивную, мыслительную, мнемическую и т. д.) [Купрещенко, Лапошина, 2019].

---

¹ «The subcorpus of vocabulary exercises in TeMa has been tagged according to the pedagogical tasks the learners have to perform when doing the exercises» [Meunier, Gouverneur, 2009].

Подобное исследование возможно также реализовать посредством использования корпуса учебников иностранного языка. Так, Ф. Мёньер предполагает, что на основе анализа формулировок к упражнениям можно определить, задания какого когнитивного типа представлены в том или ином пособии [Meunier, Gouverneur, 2009]. Другими словами, корпуса текстов учебников иностранного языка позволяют исследовать следующие вопросы:

- Какие типы упражнений предлагают авторы учебника и в какой пропорции?
- На какую аудиторию рассчитаны задания?
- Какие типы упражнений более характерны для того или иного уровня владения языком?
- Развитию каких когнитивных процессов способствуют упражнения учебника?

Помимо изучения вышеперечисленных вопросов предлагается также использовать корпус учебников иностранного языка для того, чтобы определить, каким подбором лексики характеризуется тот или иной уровень владения языком [Meunier, Gouverneur, 2009]. С этим вопросом тесно связаны задачи исследования А. С. Карамнова, заключающиеся в количественной оценке корпуса учебника английского языка для уровня А1 по трем различным направлениям анализа. В результате частотного анализа лексики, анализа плотности новых слов в учебнике и анализа индекса повторяемости слов удалось выяснить, что рассматриваемый А. С. Карамновым учебник не соответствует заявленному уровню А1 по ёлексическому составу [Карамнов, 2014].

Рассмотренные выше примеры показывают ценность и значимость корпуса текстов учебников в современных лингвистических исследованиях. Однако существуют способы применения корпуса учебников непосредственно в преподавании иностранного языка. Например, М. Ю. Лебедева предлагает составить на основе педагогического корпуса список всех слов и коллокаций, которые встретились учащимся в учебном процессе [Лебедева, 2020]. Как предполагают Ф. Мёньер и С. Гувернёр, корпус текстов учебников может быть применен для иллюстрации использования того или иного иностранного слова в большем количестве разнообразных контекстов [Meunier, Gouverneur, 2009]. В данном случае, вероятно, педагогическому корпусу отдается большее предпочтение по той причине, что он, составленный, как правило, на основе УМК для определенного уровня владения языком, предоставляет учащемуся более понятные примеры контекстов с новой лексикой, чем национальный корпус изучаемого языка.

Инструменты и методология

Исходя из вышесказанного, следует подчеркнуть, что различные исследовательские задачи, которые предполагается решить с помощью корпуса учебников, обуславливают особенности в создании корпуса такого типа. Поэтому этапы конструирования лингвистического корпуса, предлагаемые отечественными исследователями В. П. Захаровым и С. Ю. Богдановой, требуют уточнения [Захаров, Богданова, 2013].

Предварительное моделирование корпуса и решение вопросов о включении или невключении в его состав тех или иных текстов на подготовительном этапе может

значительно облегчить ход дальнейшей работы и повысить степень объективности исследования, а также обеспечить необходимую репрезентативность и сбалансированность корпуса, как отмечают В. П. Захаров и С. Ю. Богданова [Захаров, Богданова, 2013]. На данном этапе исследователи предлагают удалять из текста элементы, не представляющие собой языковой материал (например, картинки).

На одном из этапов В. П. Захаров и С. Ю. Богданова рекомендуют провести лингвистическую и экстралингвистическую разметку, которая затем будет интегрирована в систему корпус-менеджера. Однако данный шаг видится нам опциональным. Если задачи исследования не предполагают создания особой авторской системы разметки, можно воспользоваться существующими токенизаторами¹ и корпус-менеджерами.

Так, при конструировании корпуса учебников по русскому языку для младшеклассников TIRTEC (Text-Image Russian Textbook Corpus) был использован инструмент со встроенным корпус-менеджером — Sketch Engine [Лебедева, Веселовская, Жильцова, 2020]. Sketch Engine² — это одновременно и инструмент для создания собственного лингвистического корпуса, и портал, предоставляющий доступ примерно к 600 готовым корпусам на более чем 145 языках. Важной особенностью портала является наличие большого количества токенизаторов, уникальных для того или иного языка.

Процесс создания корпуса

Руководствуясь рекомендуемыми В. П. Захаровым и С. Ю. Богдановой этапами технологического процесса [Захаров, Богданова, 2013, с. 27–28] и учитывая цель нашего исследования и особенности используемых инструментов, мы приступили к проектированию собственного корпуса текстов учебников немецкого языка как иностранного. Процесс его создания происходил в семь этапов.

Этап 1. Выбор материала в соответствии с целями эмпирического исследования.

В качестве материала нашего исследования были выбраны учебники 2 класса «Wunderkinder» [Захарова, Цойнер, 2019, ч. 1, 2] и «Spektrum» [Артемова, Гаврилова, 2021].

Выбранные нами учебники немецкого языка имели ряд отличий, как в структуре, так и в содержании. К примеру, учебник «Wunderkinder» под редакцией О. Л. Захаровой и К. Р. Цойнер включает в себя 5 глав, в то время как учебник Н. А. Артемовой и Т. А. Гавриловой «Spektrum» состоит из вводного и основного курса, последний из которых охватывает три большие темы, подразделяющиеся на четыре подтемы.

Причем по содержанию лексические темы, рассматриваемые в учебниках «Wunderkinder» и «Spektrum», были в основном схожи: семья, друзья, школа, возраст, увлечения, расписание (или распорядок дня), празднование дня рождения. Однако в учебнике

---

¹ Токенизатор — это инструмент, позволяющий в автоматическом режиме разделить тексты на минимальные линейные единицы — токены.

² Доступен по адресу <https://www.sketchengine.eu/>.

«Wunderkinder» также рассматривались темы, связанные с путешествиями, одеждой и животными.

Выявленные в ходе анализа содержательные и структурные особенности учебников обнаружили необходимость в определении критериев, по которым в дальнейшем осуществлялся отбор языкового материала для корпуса.

Этап 2. Определение критериев отбора языкового материала.

При отборе языкового материала мы руководствовались содержательными принципами А. С. Карамнова — принципами целостности, соответствия проблемной области и структурной направленности [Карамнов, 2013].

Сообразно принципу целостности, под которым понимается ориентация на определенную категорию учебников, для наполнения пилотного корпуса было решено использовать два учебника для 2 класса из двух разных линеек — «Wunderkinder» и «Spektrum».

Согласно принципу соответствия проблемной области в состав корпуса учебников были включены все тексты, кроме заданий, сформулированных в форме повелительного наклонения — грамматической темы, которую не изучают во 2 классе.

В соответствии с принципом структурной направленности в пилотный корпус был включен не только основной текст учебника, но также дополнительные и пояснительные тексты, потому что, как показал предварительный анализ учебников, такие тексты зачастую также содержат изучаемую в той или иной главе лексику.

После анализа учебников мы определили дополнительные критерии отбора текстов в базу данных. Например, было решено включать в состав корпуса текстовый материал из картинок и грамматических таблиц. Кроме того, учитывая особенность содержания учебников для начинающих, на этапе отбора текстов предполагалось игнорировать встречающиеся в учебниках отдельные буквы и буквосочетания, так как они не являются словами.

Этап 3. Отбор текстового материала.

На данном этапе был проведен отбор текстового материала из учебников. Текст из рисунков набирался вручную в соответствии с изображением.

Этап 4. Анализ и предварительная обработка текстов.

Четвертый этап предполагал анализ языкового материала и предварительную обработку текстов: добавление пробелов на границе двух предложений, замену нераспознанных букв из текстов, написанных шрифтом в учебниках.

Следует отметить, что на данном этапе нужно было выполнить упражнения из учебника. В противном случае токенизатор не распознал бы эти слова и объективность результатов анализа на базе созданного корпуса была бы снижена.

В связи с тем, что корпус-менеджер в Sketch Engine, который предполагалось использовать в дальнейшем, не различает слова, знаки препинания и цифры, было решено удалить в текстах все знаки препинания с помощью инструмента *Texter*, а цифры заменить словами, чтобы указанная выше особенность используемого инструмента не повлияла на частотность числительных в готовом корпусе.

Этап 5. Экстралингвистическая разметка текстов.

После анализа и предварительной обработки текстов мы провели экстралингвистическую разметку текстов в корпусе согласно рекомендациям В. П. Захарова и С. Ю. Богдановой [Захаров, Богданова, 2013]. Всего в корпус было включено 487 текстов (таблица 1).

Таблица 1. Пример экстралингвистической разметки текстов в корпусе

Table 1. An example of extralinguistic markup of texts in the corpus

Учебник	Wunderkinder, часть 1
Автор текста	О. Л. Захарова, К. Р. Цойнер
Год	2019
Место издания	Москва
Название текста	Hallo!
Количество слов	41
Жанр текста	Диалог
Тип текста	Повествование
Хронотоп текста	Настоящее время
Стиль	Разговорный
Целевая группа	2 класс 7–9 лет Начальная школа
Страница	8
Текст	Hallo Ich bin Elli Und das ist Mascha Guten Tag...

Этап 6. Создание корпуса в системе Sketch Engine.

Очищенный и размеченный языковой материал предварительно был размещен в отдельном для каждого учебника текстовом документе формата .txt, чтобы затем было легче распределить тексты из учебников в разные подкорпусы и провести их сравнение ввиду того, что одна из задач нашего исследования — сравнение учебников по спискам наиболее часто встречающихся в них слов. Для конструирования корпуса на портале Sketch Engine требовалось только выбрать нужный токенизатор/лемматизатор, затем система сама произвела токенизацию и лингвистическую разметку текстов. Отметим, что результаты разметки в Sketch Engine нельзя отредактировать.

Этап 7. Создание документации.

На заключительном этапе был описан процесс создания и использования корпуса для проведения частотного анализа. Приведем его характеристики. Созданный пилотный корпус текстов учебников немецкого языка для второго класса начальной школы содержит 13 068 токенов. Стоит отметить, что около 68% всех токенов приходится на учебник О. Л. Захаровой и К. Р. Цойнер «Wunderkinder» и только 32% — на учебник Н. А. Артемовой и Т. А. Гавриловой «Spektrum».

По нашему мнению, это может быть связано с двумя причинами. Во-первых, учебник «Wunderkinder» состоит из двух частей, в то время как учебник «Spektrum» — только из од-

ной. Однако в учебнике под редакцией О. Л. Захаровой и К. Р. Цойнер тексты большого размера встречались редко, а в учебнике под редакцией Н. А. Артемовой и Т. А. Гавриловой объем текстов увеличивался ближе к концу. Но, несмотря на это, объем лексики из «Spektrum», вошедшей в состав корпуса, всё равно оказался намного меньше.

Во-вторых, причиной такого неравенства в доле языкового наполнения корпуса можно считать наличие в учебнике «Spektrum» целого вводного курса, посвященного преимущественно изучению алфавита, в то время как в учебнике «Wunderkinder» на это выделялась только одна тема. Для проведения сравнительного анализа лексики учебников была использована функция Wordlist Lemma в Sketch Engine.

Результаты и обсуждение

В результате были сформированы отдельные для каждого учебника списки частотных слов, а именно лемм (таблица 2).

Таблица 2. Фрагмент списка частотных слов в учебниках по немецкому языку для 2 класса «Spektrum» и «Wunderkinder»

Table 2. Comparative analysis fragment of the frequent words list in German textbooks for the 2nd grade “Spektrum” and “Wunderkinder”

Spektrum			Wunderkinder		
Лемма	Абсолют. частотность	Относит. частотность	Лемма	Абсолют. частотность	Относит. частотность
sie	429	104	sie	1 034	116
die	354	86	die	837	94
sein	191	46	sein	599	67
sofie	93	23	eine	247	28
und	91	22	und	197	22
eine	80	19	können	178	20
in	70	17	in	111	13
haben	65	16	elli	109	12
gern	63	15	haben	104	12
an	54	13	meine	102	12
tim	41	10	mascha	98	11
nicht	36	9	julian	91	10
können	33	8	machen	90	10
tom	32	8	waschi	84	9
gut	31	8	spielen	83	9
lesen	30	7	an	70	8
was	29	7	schwimmen	70	8
kommen	29	7	phoni	69	8
mutter	27	7	schreiben	68	8

Учитывая, что учебники имеют разный лексический объем, представляется целесообразным проводить сравнение только с использованием показателей относительной частотности лемм. Руководствуясь формулой расчета относительной частотности ipm (instances per million words) для больших корпусов, мы вычислили относительную частотность для нашего небольшого корпуса по формуле (1).

$$\text{Относительная частотность} = \frac{\text{абсолютная частотность}}{\text{объем корпуса}} \times 1000 \quad (1)$$

Для удобства сравнения результаты были округлены до целого числа. Далее в сравнительном анализе будут указаны только значения относительной частотности.

Из таблицы 2 видно, что три самые употребительные в обоих учебниках леммы «sie», «die» и «sein» в учебнике «Wunderkinder» встречаются немного чаще, чем в другом учебнике. Отсюда можно сделать вывод о том, что в учебнике «Wunderkinder» в большей степени прорабатывается тема склонения и употребления неопределённых артиклей, чем в учебнике «Spektrum».

Причина высокой частотности леммы «sie» лежит, скорее всего, в омонимии. Поскольку словарные формы для местоимения единственного числа «sie» и для местоимения множественного числа «sie» совпадают, то лемматизатор определил эти два местоимения как одну лемму.

Относительно включения служебных слов в частотный список возможны различные точки зрения. Н. Бубенхофер в своем исследовании при проведении частотного анализа слов игнорировал определенные артикли ввиду того, что частотность их употребления вполне очевидна [Bubenhofner, 2012]. Однако определенные и неопределенные артикли как средство обозначения грамматического рода имеют важное значение при изучении немецкого языка как первого иностранного из-за различий в категориях определенности/неопределенности и в системе склонений немецкого и русского языков. Поскольку в русском языке падеж обозначается тем или иным окончанием, а в немецком — в основном посредством склонения артиклей, что на начальном этапе представляет особую сложность для русскоговорящих учащихся, то их было решено включить в состав корпуса.

Высокие значения относительной частотности глагола «sein» в учебниках «Wunderkinder» и «Spektrum» можно объяснить преобладанием в учебниках для начального этапа обучения простых предложений с составным именным сказуемым. Высокая частотность местоимения «ich» в учебнике «Wunderkinder» обосновывается еще и наличием отдельных тем «Ich bin groß und du bist klein» и «Ich und meine Welt», предполагающих многократное употребление этого слова.

Кроме того, анализ показал, что имена главных героев учебника «Wunderkinder» Elli (12), Mascha (11), Julian (10), Waschi (9), Phoni (8) располагаются среди 20 самых часто встречаемых слов корпуса. Имена домовых из мифологии Северной Европы в учебнике «Spektrum», наоборот, упоминаются реже: Tim (10), Tom (8), Mimi (5), Lisa (5), Uli (5). На наш взгляд, имена собственные играют важную роль в обоих учебниках, они встречаются во многих заданиях, изображаются на картинках с героями. Поэтому они не были исключены из настоящего корпуса.

Если проанализировать содержание частотных списков в целом, то можно заметить, что относительная частотность большинства встречающихся в обоих учебниках лемм в «Wunderkinder» выше, чем в «Spektrum». Но, хотя объем учебника под редакцией О. Л. Захаровой и К. Р. Цойнер более чем в два раза превышает объем учебника под редакцией Н. А. Артемовой и Т. А. Гавриловой, разница в значениях относительной частотности лемм редко составляет более 10 единиц, а в иных случаях равна 0.

Заключение

Таким образом, определив критерии отбора языкового материала и выполнив самостоятельно экстралингвистическую разметку, мы создали в ходе исследования пилотный корпус текстов учебников немецкого языка для русскоязычных учащихся второго класса, в котором содержатся 487 текстов и 13 068 токенов. Большая часть корпуса приходится на учебник «Wunderkinder», потому что он представлен в двух частях, а «Spektrum» — в одной. Кроме того, такой дисбаланс можно объяснить наличием и/или отсутствием определенных тем в этих двух учебниках. Но, несмотря на значительную разницу в объеме учебников, сравнительный анализ сформированных на базе созданного корпуса частотных списков слов показал, что значения относительной частотности большинства лемм из учебника «Wunderkinder» не существенно отличается от значений относительной частотности лемм из учебника «Spektrum».

Настоящий корпус позволяет получить объективные данные о текстовом наполнении учебников «Spektrum» и «Wunderkinder». С его помощью можно произвести не только частотный анализ учебной лексики, но и, например, анализ на соответствие лексики и грамматики из учебника тому или иному уровню владения иностранным языком. Корпус текстов учебников немецкого языка может быть использован также для создания грамматических и лексических упражнений или для иллюстрации употребления изучаемого слова в разнообразных контекстах.

В качестве перспективных направлений работы представляется включение в состав корпуса текстов учебников «Spektrum» и «Wunderkinder» для учащихся 3 и 4 классов.

Список источников

- Артемова Н. А., Гаврилова Т. А. 2021. Немецкий язык. Spektrum. 2 класс. Москва: Просвещение. 112 с.
- Захаров В. П., Богданова С. Ю. 2013. Корпусная лингвистика. Санкт-Петербург: СПбГУ. РИО. Филологический факультет. 148 с.
- Захарова О. Л., Цойнер К. Р. 2019. Немецкий язык. 2 класс. Вундеркинды Плюс. Москва: Просвещение. Ч. 2. 128 с.
- Захарова О. Л., Цойнер К. Р. 2019. Немецкий язык. 2 класс. Вундеркинды Плюс. Москва: Просвещение. Ч. 1. 128 с.
- Карамнов А. С. 2013. Модель создания корпуса учебника английского языка // Научный диалог. № 2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-sozdaniya-korpusa-uchebnika-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 14.02.2022).

- Карамнов А. С. 2014. Квантитативный анализ лексического охвата, плотности и повторяемости в корпусе учебника английского языка // Вестник ЮУрГГПУ, № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvantitativnyu-analiz-leksicheskogo-ohvata-plotnosti-i-povtorgyaemosti-v-korpuse-uchebnika-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 16.03.2022).
- Купрещенко О. Ф., Лапошина А. Н. 2019. Формулировки заданий в учебнике русского языка для начальной школы как отражение методических особенностей пособия: корпусное исследование // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции (в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур) / гл. ред. М. Н. Русецкая. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. С. 366–372. URL: https://www.researchgate.net/publication/341670254_Formuliroki_zadaniy_v_ucebnike_russkogo_azyka_dla_nacalnoj_skoly_kak_otrazenie_metodiceskih_osobennostej_posobia_korpusnoe_issledovanie (дата обращения: 02.03.2022)
- Лапошина А. Н. 2020. Корпус текстов учебников РКИ как инструмент анализа учебных материалов // Русский язык за рубежом. № 6 (283). С. 22–28.
- Лебедева М. Ю. 2020. Дано мне тело — что мне делать с ним? Применение корпусных технологий в лингводидактике РКИ // Русский язык за рубежом. № 6 (283). С. 4–13.
- Лебедева М. Ю., Веселовская Т. С., Купрещенко О. Ф. 2019. Лексический состав текстов учебников русского языка для младшей школы: корпусное исследование // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: сб. науч. ст. Москва: Издательство РГГУ. С. 1–14.
- Лебедева М. Ю., Веселовская Т. С., Жильцова А. Ю. 2020. Лексический состав учебников по русскому языку для носителей и инофонов: сопоставительный корпусный анализ // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: сб. науч. ст. Москва: Издательство РГГУ. С. 1036–1048.
- Об утверждении федерального перечня учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность: приказ Министерства Просвещения Российской Федерации № 254: от 20 мая 2020 г.: по состоянию на 16.02.2022. Москва: 2020. 290 с.
- Bubenhofner N. 2012. Lehrwerke und Referenzwortschätze. Der Nutzen frequenzbasierter Grundwortschätze // Grundwortschatz Deutsch: lexikografische und fremdsprachendidaktische Perspektiven, Studienreihe der Japanischen Gesellschaft für Germanistik (SrJGG) / Saburo Okamura, L. Willi, J. Scharloth (Hrsg.). Tokyo. С. 13–27.
- Meunier F., Gouverneur C. 2009. New types of corpora for new educational challenges: Collecting, annotating and exploiting a corpus of textbook material // Corpora and Language Teaching. Amsterdam. С. 179–201.

References

- Artemova, N. A. & Gavrilova, T. A. (2019). *The German Language. Spektrum. 2 grade*. Prosveshcheniye. [In Russian and German]
- Zakharov, V. P. & Bogdanova, S. Yu. (2013). *Corpus linguistics*. SPBU. RIO. Philological faculty. [In Russian]

- Zakharova, O. L. & Zeuner, K. R. (2019). *The German Language. 2 grade. Wunderkinder Plus*. Vol. 1. Prosveshcheniye. [In Russian and German]
- Zakharova O. L. & Zeuner K. R. (2019). *The German Language. 2 grade. Wunderkinder Plus*. Vol. 2. Prosveshcheniye. [In Russian and German]
- Karamnov, A. S. (2013). Model of English Textbook Corpus Creation. *Scientific dialogue (Pedagogy)*, (2), 59–69. <https://cyberleninka.ru/article/n/model-sozdaniya-korporusa-uchebnika-angliyskogo-yazyka> [In Russian]
- Karamnov, A. S. (2014). Quantitative analysis of lexical coverage, density and recycling in an English textbook corpus. *Vestnik SUSHPU*, (3), 248–254 <https://cyberleninka.ru/article/n/kvantitativnyy-analiz-leksicheskogo-ohvata-plotnosti-i-povtoryaemosti-v-korpuse-uchebnika-angliyskogo-yazyka> [In Russian]
- Kupreshchenko, O. F. & Laposhina, A. N. (2019). Task instructions in Russian language textbooks for primary school as a reflection of methodological properties: corpus-based study. *Proceedings of the International Research Conference “Slavyanskaya kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeystvie. XKh Kirillo-Mefodievskie chteniya”, Russia*, 366–372. https://www.researchgate.net/publication/341670254_Formuliroki_zadaniy_v_ucebnike_russkogo_azyka_dla_nacalnoj_skoly_kak_otrazhenie_metodicheskikh_osobennostej_posobia_korpusnoe_issledovanie [In Russian]
- Laposhina, A. N. (2020). A corpus of Russian textbook materials for foreign students as an instrument of an educational content analysis. *The Russian Language Abroad*, (6), 22–28 [In Russian]
- Lebedeva, M. Yu. (2020). I'm given a corpus — what to do with it? Corpus technologies in Russian language teaching and learning. *The Russian Language Abroad*, (6), 4–13 [In Russian]
- Lebedeva, M. Yu., Veselovskaya, T. S., & Kupreshchenko, O. F. (2019). Lexical analysis of the Russian language textbooks for primary school: corpus study. *Computational linguistics and intelligent technologies: based on the materials of the international conference “Dialogue 2019”, Russia*, 1–14 [In Russian]
- Lebedeva, M. Yu., Veselovskaya, T. S., & Zhiltsova, L. Yu. (2020). Lexical profiles of Russian textbooks for L1 and L2 learners: comparative corpus study. *Computational linguistics and intelligent technologies: based on the materials of the international conference “Dialogue 2020”, Russia*, 1036–1048. [In Russian]
- On Approval of the Federal list of textbooks approved for Use in the Implementation of state-accredited educational programs of primary general, basic general, secondary general education by organizations engaged in educational activities* Order of the RF Ministry of Education No. 254 of May 20, 2020, as of Feb. 16, 2022. (2020). [In Russian]
- Bubenhof, N. (2012). Lehrwerke und Referenzwortschätze. Der Nutzen frequenzbasierter Grundwortschätze. In Saburo Okamura, L. Willi, J. Scharloth (Hrsg.). *Grundwortschatz Deutsch: lexikografische und fremdsprachendidaktische Perspektiven, Studienreihe der Japanischen Gesellschaft für Germanistik (SrJGG)*, Japan, 13–27.
- Meunier, F. & Gouverneur, C. (2009). New types of corpora for new educational challenges: Collecting, annotating and exploiting a corpus of textbook material. *Corpora and Language Teaching*, 179–201.

Информация об авторах

Полина Олеговна Нечаева, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
nechaevap.722@mail.ru

Вероника Владимировна Паршина, Тюменский государственный университет, Тюмень,
Россия
parshinaveronika01@mail.ru

Information about the authors

Polina O. Nechaeva, University of Tyumen, Tyumen, Russia
nechaevap.722@mail.ru

Veronika V. Parshina, University of Tyumen, Tyumen, Russia
parshinaveronika01@mail.ru

Сопоставительный анализ элементов текстовых миров в литературной сказке «Золушка» Ш. Перро (в переводе на русский) и одноименном киносценарии Е. Шварца

Олег Владимирович Евсеев, Александра Николаевна Кох,
Елена Владимировна Михалькова✉

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
E-mail для переписки: e.v.mikhalkova@utmn.ru✉

Аннотация. Трудности в формальном сопоставлении художественных текстов часто обусловлены скрытыми смыслами, иносказательностью, идиостилем. В качестве решения этой проблемы лингвисты предлагают *теорию текстовых миров* (Text World Theory, TWT), согласно которой каждый текст состоит из основных элементов: персонажей, времени и места действия — и их изменений, которые вызывают переключение с одного текстового мира на другой. TWT хорошо подходит для изучения различных версий одного сюжета, т. к. она формализует повествовательную сторону текста.

В настоящем исследовании представлен сравнительный анализ элементов текстовых миров в сказке Шарля Перро «Золушка, или Хрустальная туфелька», переведённой на русский язык Тamarой Габбе, и киносценарии Евгения Шварца «Золушка», в основу которого легла сказка Перро. Чтобы лучше понять возможные различия в элементах текстовых миров в литературной сказке и её сценарной адаптации, два текста были аннотированы с помощью XML-разметки. Затем для анализа автоматически были извлечены такие элементы текстовых миров, как персонажи и указания места.

Промежуточные результаты показывают, что, хотя элементы текстовых миров в обоих текстах во многом схожи, существуют заметные различия в частоте их появления и в окружающих их элементах. Различия объясняются принадлежностью литературной сказки Перро к эпосу, а киносценария Шварца — к драме, а также художественным стилем и индивидуальным восприятием авторами истории Золушки. Жанровые особенности требуют от Шварца большей детализации

персонажей и локаций. Анализ показывает, что Шварц стремится сохранить и даже расширить романтическое представление сюжета, созданное у Перро, даже идя на определённый риск (например, оставляя номинацию «крестная» для феи). При этом сдвиг акцента с принца на персонажа в сценарии свидетельствует о большем психологизме.

Планируется расширение исследований за счёт добавления в корпус новых литературных произведений.

Данная статья была представлена как доклад на восьмой молодёжной научно-практической конференции «Множественность интерпретаций: анализ данных в социальных и гуманитарных науках» (17 июля 2022 г., Институт социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета).

Ключевые слова: теория текстовых миров, текстовый мир, персонаж, хронотоп, повествование, эпос, драма, литературная сказка, киносценарий, сценарная адаптация, Шарль Перро, Евгений Шварц, Золушка

Цитирование: Евсеев О. В., Кох А. Н., Михалькова Е. В. 2023. Сопоставительный анализ элементов текстовых миров в литературной сказке «Золушка» Ш. Перро (в переводе на русский) и одноименном киносценарии Е. Шварца // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 1 (33). С. 20–42. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-20-42>

Поступила 21.10.2022; одобрена 05.12.2022; принята 03.02.2023

A comparative analysis of text worlds' elements in the literary tale "Cinderella" by Charles Perrault (translated into Russian) and its screenplay by Yevgeny Schwartz

Oleg V. Evseev, Aleksandra N. Koh, Elena V. Mikhalkova

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: e.v.mikhalkova@utmn.ru

Abstract. Formal comparison of literary texts often seems difficult due to hidden meanings, allegories, and the authorial style. As a solution to this problem, linguists propose the Text World Theory (TWT), according to which each text consists of text-world elements (characters, time, and place of action) and changes within them

that cause switching from one text world (TW) to another. TWT is well suited for studying versions of a single plot, as it formalizes the narrative structure of the text. This study presents a comparative analysis of the elements of text worlds in Charles Perrault's fairy tale "Cinderella, or the Glass Slipper", translated into Russian by Tamara Gabbe, and the film script *Cinderella* by Yevgeny Schwartz, based on Perrault's fairy tale. To better understand differences in the elements of TWs in a literary tale and its screen adaptation, the two texts were annotated using an XML markup. For analysis, such elements of text worlds as characters and markers of place were automatically extracted.

Intermediate results show that, although the elements of the text worlds in both texts are largely similar, there are marked differences in the ranged frequency of their occurrence and elements that surround them. The differences are explained by the fact that Perrault's literary fairy tale belongs to the epic genre, and Schwartz's film script — to the drama, as well as the artistic style and individual perception of the story by the two authors. The genre features require Schwartz to provide more detail on characters and locations. The analysis shows that he seeks to preserve and even expand the romantic presentation of Perrault's plot, even taking certain risks (e. g., calling the fairy with a religious, Christian naming: "godmother"). At the same time, the shift in focus from the prince to the king father in the script indicates a deeper psychologism.

It is planned to expand the research by adding new literary works to the corpus.

This article was presented as a paper at the 8th Research Conference "Conference on Text Interpretation: Data Analysis in the Social Sciences and Humanities" (17 July 2022, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen).

Keywords: Text World Theory, text world, character, chronotope, narrative, epic, drama, literary tale, film script, screen adaptation, Charles Perrault, Evgeny Schwartz, Cinderella

Citation: Evseev O. V., Koh A. N., Mikhalkova E. V. (2023). A comparative analysis of text worlds' elements in the literary tale "Cinderella" by Charles Perrault (translated into Russian) and its screenplay by Yevgeny Schwartz. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9(1), 20–42. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-20-42>

Received Oct. 21, 2022; Reviewed Dec. 5, 2022.; Accepted Feb. 3, 2023

Введение

Исследования в области формализованной теории нарратива интересуют не только лингвистов, но и психологов, онтоинженеров, криминалистов и программистов. Например, в криминалистике есть запрос на инструменты сравнения свидетельских показаний и их схематичное обобщение [Wang и др., 2016; Somaraki, Xu, 2016]. Для компьютерных лингвистов представляют интерес способы обучения системы отделению повествования от, например, рассуждения, вычленению элементов повествования (персонажей, время и место), запоминанию того, что, когда и с кем происходило и сравнению двух текстов [Reiter и др., 2014; Srivatsa, Srinivasa, 2018]. Лингвистов и драматургов интересует, чем отличается сценарная адаптация от оригинала [Мартьянова, 2016], а исследователей литературы фан-фикшн — как возникают версии одной художественной вселенной [Drozdova, Petrov, 2020, 2021].

Теория текстовых миров (Text World Theory, TWT) в комбинации с компьютерной лингвистикой даёт инструментарий для формального сравнения версий сюжета, представленных в разных текстах. Далее мы сравним TWT с теориями, к которым она близка, а именно с русским формализмом и нарратологией. При этом в нашем исследовании мы хотим опереться именно на метод TWT, т. к. он уже не раз применялся для выявления общих черт сюжетов и зарекомендовал себя в этой задаче. Однако TWT до этого не использовалась для исследования взаимосвязи между книжным текстом и его адаптацией — сценарием.

Цель данного исследования заключается в сопоставлении двух версий сюжета сказки «Золушка», используя методологию TWT. В качестве материала мы выбрали сказку Шарля Перро в переводе Тамары Габбе [Габбе, Любарская, 1989] и сценарий Евгения Шварца [Шварц, 2008]. Обращение к русскоязычным текстам обусловлено тем, что необходимо снять вопрос о межъязыковых различиях, изучение которых не входит в задачи исследования.

В нашем исследовании мы попытаемся представить, как TWT позволяет формально описать различия между вариантами одного сюжета, представленными в различных жанрах и созданными двумя разными авторами. Чтобы быть уверенными, что это именно один и тот же сюжет, мы выбрали литературную сказку и ее признанную сценарную адаптацию. Наша гипотеза касательно применения метода TWT заключается в том, что количественное сравнение элементов текстовых миров покажет качественные особенности в трактовке сюжета. Шварц при переработке сюжета Перро был вынужден детализировать текстовые миры сказки, поэтому он не только упоминает все элементы миров из сказки Перро чаще. Он также меняет фокусы с одних персонажей и локаций на другие, что вызывает сдвиг в частоте самых упоминаемых элементов, демонстрируя разницу в жанре, стиле и авторском восприятии сюжета даже в рамках схожих со сказкой Перро сцен.

Мы надеемся, что выбранный метод TWT укажет на особенности презентации сюжета в литературной сказке и киносценарии и расширит представление о его авторской трактовке.

Методология

Теория текстовых миров

Основные положения TWT были изложены в ряде лингвистических работ в 1990–2000-е гг. [Gavins 2005; Werth 1999; Semino 1997; Hildago-Downing, 2000].

В компьютерной лингвистике Елена Михалькова и др. [Mikhalkova и др., 2019, с. 102] определяют *текстовый мир* как

«отрезок текста, который воспринимается читателем как цельная часть нарратива и характеризуется единством мирообразующих элементов, т. е. ограничен периодом времени и пространством, в котором находятся все его участники (или персонажи в литературном тексте)»¹

(«a stretch of text perceived by a reader as a whole part of a narrative and characterized by a union of world-building elements, i. e., limited by a time period and space that holds all of its participants (or characters, in literary texts)»).

Понятие «текстовый мир» тесно связано с такими терминами, как нарратив, хроно-топ, дискурсивная модальность, но не тавтологично им. Рассмотрим более подробно особенности текстовых миров, которые отличают их от близких понятий.

Ю-Фанг Хо (Yufang Ho) и соавторы на более абстрактном уровне называют текстовые миры ментальными репрезентациями, мысленными представлениями: «мысленные представления, созданные участниками на основе языка, используемого в конкретном рассматриваемом контексте» («the mental representations constructed by the participants from the language used in the particular context in question») [Ho и др., 2018, с. 7]. Участники речевой ситуации (которой поступил один и тот же текст) конструируют свой субъективный текстовый мир. Тем не менее единичность текста указывает на то, что и у всех сконструированных миров будет что-то общее, обусловленное этим текстом.

В повествовании текстовые миры образуют последовательность. Лингвист Светлана Кушнерук, опираясь на работы Елены Семино, утверждает, что «большинство текстов подразумевают создание множества текстовых миров, и любое изменение времени, пространства и модальности указывает на смену мира и создание нового текстового мира» («most texts involve the creation of multiple worlds, and any change of time, location, and modality indicates a world-switch and the creation of new text-world») [Kushneruk и др., 2017, с. 18]. Таким образом, перед читателем/слушателем как бы проносится ряд картин, сцен, в каждой из которых происходят изменения до тех пор, пока не наступит момент сменить саму сцену.

Текстовые миры состоят в триаде дискурсивный мир — текстовый мир — смена мира (свитч). Хо и соавторы выделяют «три управляемых уровня концептуальной деятельности. Их можно охарактеризовать следующим образом: дискурсивный мир, текстовый мир и смена мира» («three manageable levels of conceptual activity. These are

---

¹ Здесь и далее перевод наш. — О. В., А. Н., Е. В.

characterized as follows: discourse-world, text-world, and world-switch») [Но и др., 2018, с. 7]. Под дискурсивным миром они понимают

«непосредственный ситуативный контекст, в котором происходит языковое событие; это контекст, совместно созданный и совместно используемый участниками дискурса (например, говорящий/слушатель в разговоре или писатель/читатель в письменном общении)» («immediate situational context in which the language event takes place; it is a context co-constructed and shared by the discourse participants (for example, speaker/listener in a conversation or writer/reader in written communication)») [Но и др., 2018, с. 3].

Дискурсивный мир (discourse world, DW) связан с контекстом, в котором в данный момент времени находятся участники. Дискурсивные миры возникают тогда, когда возникает акт коммуникации.

Текстовые миры (text world, TW) создаются участниками дискурсивного мира и являются ментальными репрезентациями дискурса. Хо и соавторы считают, что текстовые миры состоят из мирообразующих элементов: участники, указания места, указания времени (people, location, time) [Но и др., 2018]. В первой категории выделяются такие понятия, как «участник (дискурсивного мира), исполнитель (текстового мира) / действующее лицо» («(DW) participant, (TW) enactor»). Вторая категория не имеет подразделений, а третья — временная, в свою очередь, имеет характеристики «тип, величина» («type, value») [Но и др., 2018, с. 7]. Тип времени имеет следующие виды: часы (час/минута/секунда), дата (год/месяц/день), длительность/период, частота/промежуток, временное дейктическое выражение («clock (hour/minute/second), date (year/month/day), duration/period, frequency/interval, temporal deictic expression») [Но и др., 2018, с. 10].

Рассматривая третий уровень концептуальной деятельности — *смену мира* — Джоанна Гэвинс (Joanna Gavins) приходит к выводу о том, что её основная функция — «уловить динамичный характер дискурсивного процесса» («to capture the dynamic nature of the discourse process») [Gavins, 2007]. Через неё читатель/слушатель должен осознать, что произошла смена сцены, переключиться на следующий этап повествования. Переход от одного мира к другому (смена мира) может быть вызван переключением модальности (например, от воспроизведения событий в физическом мире к мыслям или чувствам персонажа) или маркирован так называемым «свитчем» (от англ. switch — «переключатель»; в TWT он называется world-switch — «переключатель мира»). Хо и соавторы выделяют три вида смен мира:

«переключатель мира (дейктический — на основе изменений во времени/пространстве), модальный мир (знания, убеждения или гипотетические выражения), дополнительный текст (не-последовательное, привычное действие/событие или обобщение)» («world-switch (deictic world-switch based on changes in temporal/spatial references), modal world (knowledge, belief or hypothetical expressions), unframed text (un-sequenced, habitual action/event or generalization)») [Но и др., 2018, с. 3].

Описанная выше терминосистема TWT отражена на схеме (рис. 1).

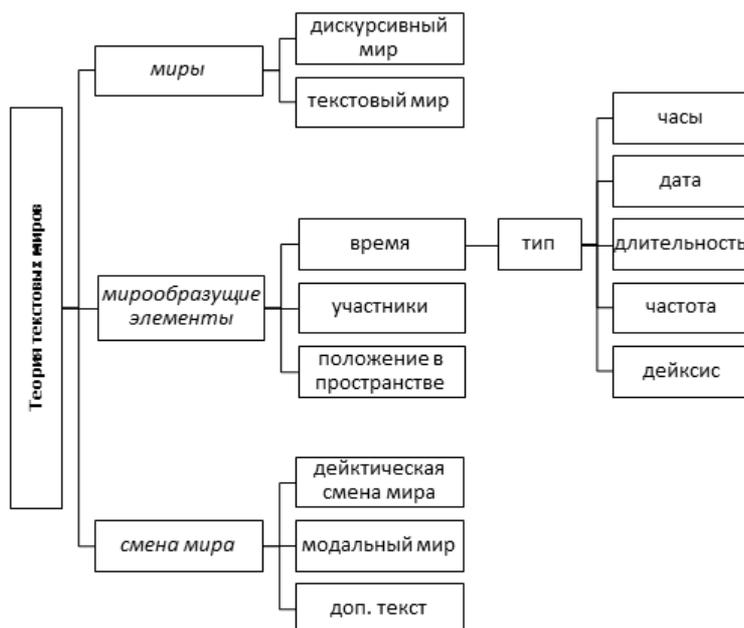

Рис. 1. Теория текстовых миров: категории и подкатегории

Fig. 1. Text World Theory: categories and subcategories

Стоит заметить, что TWT не первая теория, которая пытается формализовать нарратацию, рассказывание историй. Русский учёный Михаил Бахтин ввёл в литературоведение термин «хронотоп», обозначающий «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин, 1975, с. 234]. Хронотоп определяет жанр и сюжет произведения, а время в нём имеет главное значение. Отметим, что текстовый мир отличается от хронотопа тем, что миры включают персонажей и сменяются линейно (по ходу развития сюжета) при помощи свитчей (переключателей), в то время как хронотоп включает только место и время и не предусматривает переключателей. Предшественниками Бахтина являются русские формалисты, такие как Виктор Шкловский, Борис Эйхенбаум, Владимир Пропп. Формалисты желали вывести научный метод анализа поэтического языка, что в некоторой степени совпадает с изначальной задачей TWT.

Как с формализмом, так и с TWT связана нарративная теория. Согласно определению профессора университета Пердью Дино Феллуга (Dino Felluga), нарративная теория (также иногда называемая нарратологией) «обычно анализирует синхронные нарративные структуры, которые упорядочивают наше восприятие культурных артефактов и мира вокруг нас» («tends to analyze the synchronic narrative structures that order our perception of both cultural artifacts and the world around us») [Felluga, 2015, с. 184]. Среди основателей нарратологии до появления самого термина называют уже упомянутого Бахтина и русских формалистов, например, Проппа. Близость TWT к нарратологии обусловлена тем, что она рассматривает текст в динамике, ей важна смена миров.

Сказка о Золушке: фольклорный сюжет, литературная версия и киносценарий

Переходя к вопросу об изучении адаптаций известных сюжетов, отметим, что предметом нашего исследования стало переложение литературной сказки в киносценарий. В сказке «Золушка» фольклорный сюжет обладает определённым набором мотивов. Указатель сюжетов фольклорной сказки Аарне-Томпсона-Утера классифицирует «Золушку» как тип 510А: преследуемая героиня. В «Указателе сказочных сюжетов по системе Аарне» Николая Андреева этот тип описан так: «покойная мать или животные помогают девушке; она посещает дворец в роскошных платьях и оставляет на крыльце свой башмачок; по башмачку ее находят (сводные сестры обрубают себе пальцы)» [Андреев, 1929, с. 39]. Владимир Пропп выделяет в «Золушке» «следующие нарративные сегменты: состояние неблагополучия, приготовление к узнаванию, узнавание и состояние благополучия» [Пропп, 1998, с. 472]. В «Золушке» также есть все семь типов персонажей, встречающихся в волшебной сказке, и все они получают, что заслужили, в результате восстановления справедливости. Вредителем является мачеха, дарителем/помощником — фея, волшебный орешник, голуби, искомым персонажем — Принц, отправителем — настоящие родители Золушки, героем — сама Золушка, ложным героем — дочери мачехи [Пропп, 1998, с. 472].

«Золушка, или Хрустальная туфелька» (*Cendrillon ou la petite pantoufle de verre*) Ш. Перро является одной из наиболее известных версий. Она была впервые издана в 1697 г. в сборнике «Рассказы, или Сказки былых времён, с моралите: сказки матушки Гусыни» (*Histoires ou contes du temps passé, avec des moralités: contes de ma mère l'Oye*) [Perrault, 1989]. Именно благодаря произведению Перро сюжет о Золушке получил широкое распространение в Европе. Помимо пересказа фольклорного сюжета, Перро преследовал воспитательную цель: за текстом сказки следовало моралите¹. В версии Перро впервые появляются карета из тыквы, фея-крёстная в роли помощника и хрустальные туфельки. Поскольку все эти элементы сейчас ассоциируются с историей Золушки и присутствуют практически во всех её адаптациях (в том числе в киносценарии Евгения Шварца), именно эту сказку в переводе на русский язык мы выбрали для сопоставления.

Драматург Е. Шварц создал сценарий для фильма «Золушка» по просьбе режиссёра Надежды Кошеверовой. Текст был написан в 1944 г. и был представлен худсовету киностудии в 1945 г. Начальник главного управления по производству художественных фильмов Михаил Калатозов и старший редактор Людмила Погожева дали такую оценку: «Изящный и острый диалог, лёгкая ирония в трактовке образов — короля, феи, принца и др. — всё это является большим достоинством сценария прежде всего как литературного произведения» [Биневич, 2008].

Киносценарий Шварца, хоть и основан на версии Перро, имеет несколько особенностей. Некоторые из них обусловлены различиями между эпосом (к которому можно отнести текст изначальной сказки Перро) и драмой (сценарий Шварца). В драме часто

¹ Моралите — «сентенция, предшествующая или следующая басне, притче» («*sentence morale qui précède ou suit un apologue, une fable*») [Dubois и др., 1994].

экспозиция проводится через диалог между персонажами. Это и происходит у Шварца: информацию о жизни Золушки и её семьи, которую у Перро от третьего лица нам передаёт повествователь, в киносценарии Шварца от первого лица дают король, отец Золушки и сама Золушка в разговорах друг с другом. Есть и авторские дополнения к сказке. Например, у отца Золушки появляется определённая профессия — лесничий, а у феи-крёстной есть паж, который вместе с ней играет роль персонажа-помощника.

Сценарий с точки зрения TWT

В нашем исследовании мы используем метод разметки, предложенный Михальковой и др. [Mikhalkova и др., 2019, с. 102]. Этот метод применяется в основном к литературным жанрам, относящимся к эпосу (рассказам, сказкам), и очень редко — к драме. В связи с этим в данном параграфе мы рассмотрим, как можно изучать сценарии в рамках TWT.

Дмитрий Лихачёв отмечал недостаток лингвистических исследований на тему отношений между киносценарием и предшествовавшим ему или следующим за ним повествованием:

«...я удивляюсь, как мало пишется научных исследований о законах того или иного жанра, того или иного искусства, вынуждающих к определённым изменениям в тексте, в содержании, в теме литературного „первоисточника“. До какой степени это допустимо, до какой — нет. Когда можно тот или иной текст связывать с первоначальным автором, а когда нужно говорить о другом, новом произведении» [Лихачёв, 1986, с. 92].

В настоящее время эти отношения нередко интерпретируются как диалог, специфика и закономерности которого диктуются в большинстве своём необходимостью (или её отсутствием) в новых интерпретациях и формах воспроизведения. Смысл экранизации заключается не в повторении классики, а во вступлении в «зону риска» — в вышеупомянутый диалог. Как утверждает Юрий Богомолов, спор с автором и его произведением — единственный способ оказаться на уровне его создания [Богомолов, 1987].

Любая интерпретация, будь то литературная или киносценарная, подразумевает внутренние изменения, а отсутствие таковых, уход к шаблонам, отказ от творческой деятельности — это признак тиражирования. Леонид Лиходеев считал, что даже буквальное «следование классике есть следование чужому самовыражению» [цит. по: Мартьянова, 2016]. Юрий Лотман считал литературный текст и кинотекст непересекающимися пространствами: «общность языка художественной прозы и кино — мнимая. Трудности здесь не уменьшаются, а возрастают» [Лотман, 1992, с. 15]. Киносценарию диктуются особые условия: от обязательного изменения объёма текста до необходимости развития большей динамики и риторики и модификации дейктической системы.

Современные тренды в изучении стилистики кино и телевидения демонстрируют актуальность нашего исследования: «исследование различных жанров кино и телевидения... расширение качественных и количественных методов за счёт множества лингвистических дисциплин» («investigation of different film and television genres... broadening of qualitative and quantitative methods from a wide array of linguistic disciplines») [Hoffmann, Kirner-Ludwig, 2020, с. 3].

Применение TWT к готовому фильму потребовало бы скорректировать методологию, как это делается, например, в [Gibbons, Whiteley, 2021]. Мы рассмотрим применение TWT к сценариям. Из-за малого количества работ, где TWT применяется к драматургическим произведениям, мы не будем специально фокусироваться на том, что в нашей работе мы анализируем именно *киносценарий*. TWT ранее использовалась при анализе драматургических произведений в совместной работе профессора Утрехтского университета Эрнестины Лэхи (Ernestine Lahey) и профессора университета Де Монтфорт Трейси Крикшэнк (Tracy Cruickshank) [Cruickshank, Lahey, 2010]. Они применяют TWT к пьесе «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Тома Стоппарда как к уникальному виду дискурса.

Среди особенностей сценариев вообще, имеющих значение для TWT, Лэхи и Крикшэнк выделяют следующее: они состоят большей частью из диалогов; и они написаны (за редким исключением) в настоящем времени. Для сценариев диалог в настоящем времени является основным режимом повествования, поэтому при переходе от ремарок к репликам персонажей временные параметры не меняются. Тем не менее, между ремарками и репликами есть явное отличие: ремарки написаны от третьего лица, реплики же — от первого. При переходе от ремарки к реплике и наоборот происходит так называемый *перцепционный сдвиг* — смена точки зрения, переход от «голоса, контролирующего пьесу», сценарного эквивалента рассказчика, к голосам персонажей. Диалог между персонажами создаёт эпистемический подмир¹, и именно на нём концентрируется внимание пьесы, а не на изначальном текстовом мире. Впрочем, к последнему всегда будут возвращаться ремарки.

Само наличие ремарок также оказывает сильное влияние на создание текстовых миров, поскольку читающий пьесу человек использует их, чтобы представить её постановку на сцене. Таким образом, строятся сразу два текстовых мира: мир, в котором обитают персонажи пьесы, и мир сцены. Чтобы TWT могла правильно рассматривать оба, Крикшэнк и Лэхи предлагают ввести в теорию сценические миры и художественные миры:

«Художественные миры — это продукты вовлечения в художественную обстановку внутри драмы; сценические миры появляются через активацию знаний участника о потенциале пьесы, который можно реализовать в постановке»

(«fictional worlds are the products of engagement with the fictional circumstances of drama, staged worlds are cued through activation of participant knowledge of a play's potential for performative enactment») [Cruickshank, 2010, с. 88].

В процессе чтения сценария читатель должен переключаться между художественным и сценическим миром, когда текст подаёт ему необходимый «театральный» или «художественный сигнал», говоря терминами исследователя драмы Ричарда Хосли (Richard Hosley). Театральным сигналом может являться упоминание любого элемента сцены: театральные сигналы «обычно относятся не к художественному содержанию пьесы, а к сценическим конструкциям и оборудованию: на сцене, у противоположной двери» («[theatrical signals] usually refer not to dramatic fiction but rather to theatrical structure

¹ Другими исследователями используется термин «переход» (world-switch).

or equipment: upon the stage, at another door») [Hosley, 1956, с. 16]. Художественные сигналы относятся к «художественному содержанию пьесы: на стенах, перед воротами, внутри тюрьмы» («dramatic fiction: upon the walls, before the gates, within the prison») [Hosley, 1956, с. 16]. Театральные и художественные сигналы являются элементами построения мира. Художественный сигнал может подаваться как репликами, так и ремарками. Театральный сигнал в большинстве пьес подают ремарки (реплики могут упоминать, например, костюм персонажа).

XML-разметка

Как было упомянуто, для исследования мы выбрали две русскоязычные версии сюжета о Золушке: сказку «Золушка» Ш. Перро в переводе Т. Габбе [Габбе, Любарская, 1989] и киносценарий «Золушка» Е. Шварца [Шварц, 2008]. Для того, чтобы выявить отличия в распределении элементов текстовых миров, киносценарий был сокращён до тех сцен, которые присутствуют в литературной сказке. Например, были опущены следующие эпизоды: разговор короля с привратниками, игра на балу, встреча Золушки и принца в лесу. Если бы мы оставили эти сцены в разметке, то в сопоставление добавились бы текстовые миры из сценария, которые отсутствуют или не имеют аналога в литературной сказке, что противоречит самой идее сопоставления. Но даже при таком подходе киносценарий превышает по объёму сказку: текст Перро составил 13 689 знаков с пробелами; сценарий Шварца — 24 235 знаков с пробелами.

На основе TWT Михалькова и соавторы [Mikhalkova и др., 2019, с. 102] предлагают метод XML-разметки текста на следующие элементы: персонаж, указание места, указание времени, смена текстового мира. XML-разметка основана на тэгах, которые ставятся вокруг элемента, например слова, фразы или предложения, тэг заключается в треугольные скобки и содержит информацию об элементе внутри него. Для персонажей используется тэг <cN> (для групп персонажей — <cgN>), для указаний места — <pN>. В тэгах «с» означает character (персонаж), «cg» — character group, «p» — place, «N» в тэге заменяется порядковым номером элемента (в порядке появления персонажей и других элементов в тексте). Персонажи и места, появляющиеся в текстах единично либо не взаимодействующие напрямую с основными персонажами, отмечены тэгами <cx> (<cgx>) и <rx> соответственно, т. е. отдельный номер им не присваивается, а заменяется латинской буквой «x».

Также были размечены смены текстовых миров. Текстовый мир меняется, когда значительно меняется время или место. Смена времени обозначается тэгом <ts> (time shift), смена места — <ps> (place shift). Смена обоих элементов обозначается тэгом <ms> (miscellaneous shift).

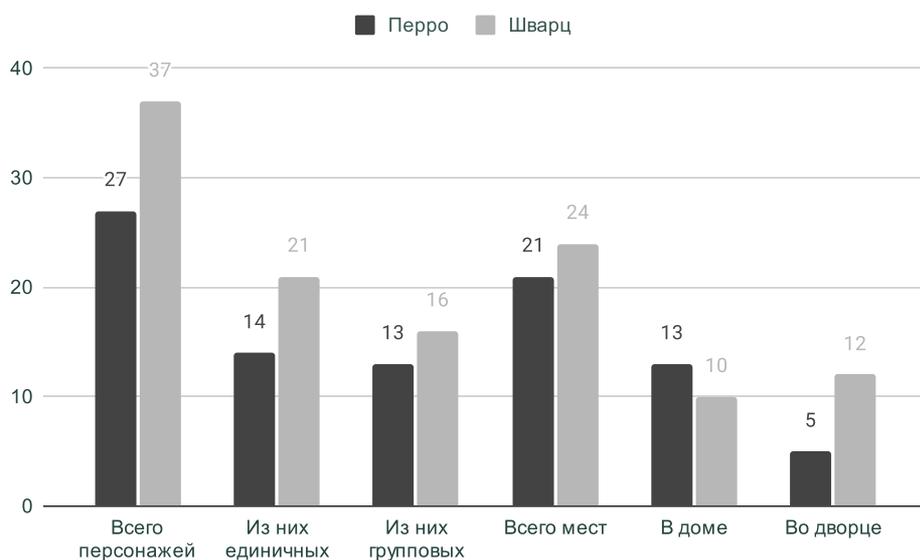
Размеченные тексты можно посмотреть в репозитории проекта¹.

¹ Доступен по адресу <https://github.com/evrog/TextWorlds>.

Результаты

Мы разметили текст сказки и сценария в программе Sublime Text Editor. В связи с ограничением объёма статьи мы рассмотрим только два мирообразующих элемента: персонажи и указания места. Из текстов мы автоматически собрали все токены (цельные самостоятельные элементы текста), указывающие на персонажа (или группу персонажей) или место. Заметим, что правила разметки требуют отмечать всех носителей действия как персонажей: животных, например, ящериц и коней, а также лиц и группы, которые явно не будут играть значимую роль в повествовании, но, тем не менее, упоминаются в тексте. Также последовательно размечаются указания места: каждое указание должно быть отмечено тэгом, даже если оно незначительно. Стоит отметить, что в тексте Шварца элементов всегда немного больше (это отражено на диаграммах), потому что объём выбранных для анализа фрагментов больше и сам киносценарий длиннее сказки. Мы просим читателя обращать внимание на соотношение типов элементов (например, единичные персонажи — группы персонажей) и на их позиции в списке, ранжированном по частоте (кто или что на первом месте, втором и так далее) на диаграммах (рис. 2–5, таблицы 1–4).

В переводе Перро присутствуют 27 персонажей, 14 из которых единичные и 13 — группы. Мест в том же тексте 21, из которых 13 в доме Золушки, 5 — во дворце, а 3 оставшихся — это карета, запятки кареты и город. В тексте Шварца порядка 37 персонажей, из которых единичных — 21, групп — 16. Из 24 указаний места 10 находятся в доме Золушки, 12 — во дворце и 2 — это леса и карета Золушки (рис. 2, таблица 1).

Рис. 2. Распределение персонажей и указаний места в текстах Перро и Шварца

Fig. 2. Distribution of characters and places in Perrault's and Schwartz's texts

Таблица 1. Распределение персонажей и указаний места в текстах Перро и Шварца**Table 1.** Distribution of characters and places in Perrault's and Schwartz's texts

тексты	всего персонажей	из них единичных	из них групповых	всего мест	в доме	во дворце
Перро	27	14	13	21	13	5
Шварц	37	21	16	24	10	12

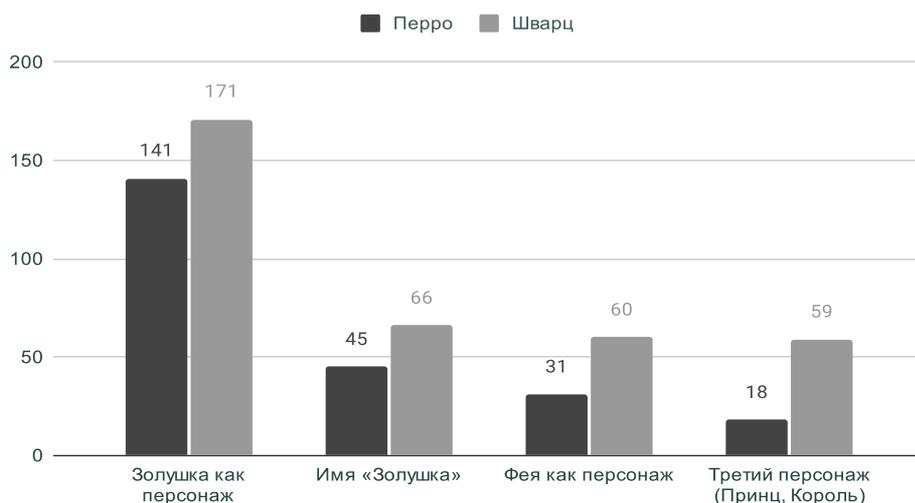
В обоих текстах наиболее упоминаемый персонаж — сама Золушка. У Перро она упоминается 141 раз через своё прозвище и местоимения «она» и «ты», а также слова «красавица», «девушка», «дочка», «падчерица», «принцесса», «гостья», «дама», «сударыня», «дитя», «замарашка». Среди полных названий наиболее часто употребляются «Золушка» (45 раз), «принцесса» (7 раз), «красавица» (4 раза). В богатом репликами тексте Шварца персонажи упоминают главную героиню 171 раз. Помимо имени и местоимений, её также маркируют слова «девочка», «девушка», «крестница», «дорогая», «солнышко», «звёздочка», «крошечка», «дочка», «падчерица», «барышня», «незнакомка». Наиболее часто употребляются слова «Золушка» (66 раз), «девушка» (9 раз) и «девочка» (5 раз). Золушку чаще всех остальных персонажей называют не по имени, а именами нарицательными. Помимо повествователя, в сказке Перро её упоминают сёстры и фея-крёстная, чаще всего используя местоимения «она» и «ты» и реже используя её имя. Поскольку по сравнению с драмой в эпосе объём прямой речи обычно меньше, сама Золушка у Перро говорит о себе довольно редко. У Шварца, напротив, Золушка часто говорит сама о себе, а также о ней говорят её отец, мачеха, фея-крёстная, паж феи-крёстной и другие персонажи.

Второй наиболее упоминаемый персонаж в обоих текстах — фея-крёстная. В тексте Перро, где она упоминается 31 раз, чаще всего (14 раз) её называют «фея», «крёстная» (5 раз) и «волшебница» (2 раза). У Шварца её упоминают 60 раз; из них 14 раз её называют «фея», затем «крёстная» (13 раз) и «дама» (3 раза).

У авторов есть и расхождения касательно третьего наиболее упоминаемого персонажа. У Перро это принц, который упоминается 18 раз; из них 14 раз он назван «принцем» и 1 раз — «сыном короля». В тексте Шварца это король, который упоминается 59 раз: 28 раз он назван «королём», 9 раз — «государем» и 7 раз — «вашим величеством».

Таблица 2. Распределение главных персонажей в текстах Перро и Шварца**Table 2.** Distribution of main characters in Perrault's and Schwartz's texts

тексты	Золушка		фея	третий персонаж (Принц/Король)
	все упоминания	включая имя «Золушка»		
Перро	141	45	31	18
Шварц	171	66	60	59

Рис. 3. Распределение главных персонажей в текстах Перро и Шварца

Fig. 3. Distribution of main characters in Perrault's and Schwartz's texts

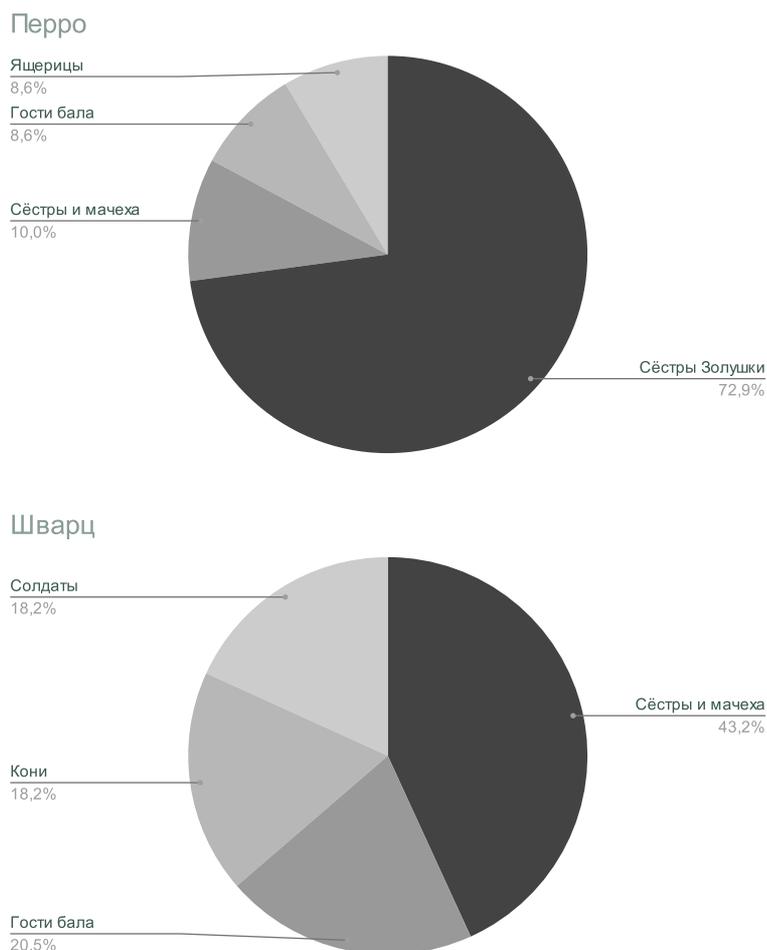
Среди групп персонажей в тексте Перро наиболее часто упоминаются сёстры Золушки, а именно 51 раз; 10 раз их называют «сёстрами», 10 раз — «сестрицами», по одному случаю приходится на «дочки», «дочери», «барышни». На втором месте по частоте упоминаний среди групп персонажей также сёстры Золушки, но уже вместе с мачехой. Так, из 7 упоминаний 3 раза они названы «мачеха и сёстры», а все остальные случаи — местоимения. Третье место в тексте Перро делят две группы персонажей, а именно гости бала и ящерицы, упоминающиеся по 6 раз.

Говоря о наиболее частых группах персонажей у Шварца, стоит отметить мачеху и сестёр Золушки, встречающихся 19 раз; 4 раза их называют «мачехой и сёстрами», ещё 4 раза — «дамами». На втором месте по частоте упоминаний среди групп персонажей находятся гости бала (9 раз), а третье место делят кони и солдаты (обе группы упоминаются 8 раз).

Таблица 3. Распределение групп персонажей в текстах Перро и Шварца

Table 3. Distribution of groups of characters in Perrault's and Schwartz's texts

персонажи	Перро		Шварц	
	упоминания	%	упоминания	%
Сёстры Золушки	51	72,9	—	—
Сёстры и мачеха	7	10,0	19	43,2
Гости бала	6	8,6	9	20,5
Ящерицы	6	8,6	—	—
Кони	—	—	8	18,2
Солдаты	—	—	8	18,2

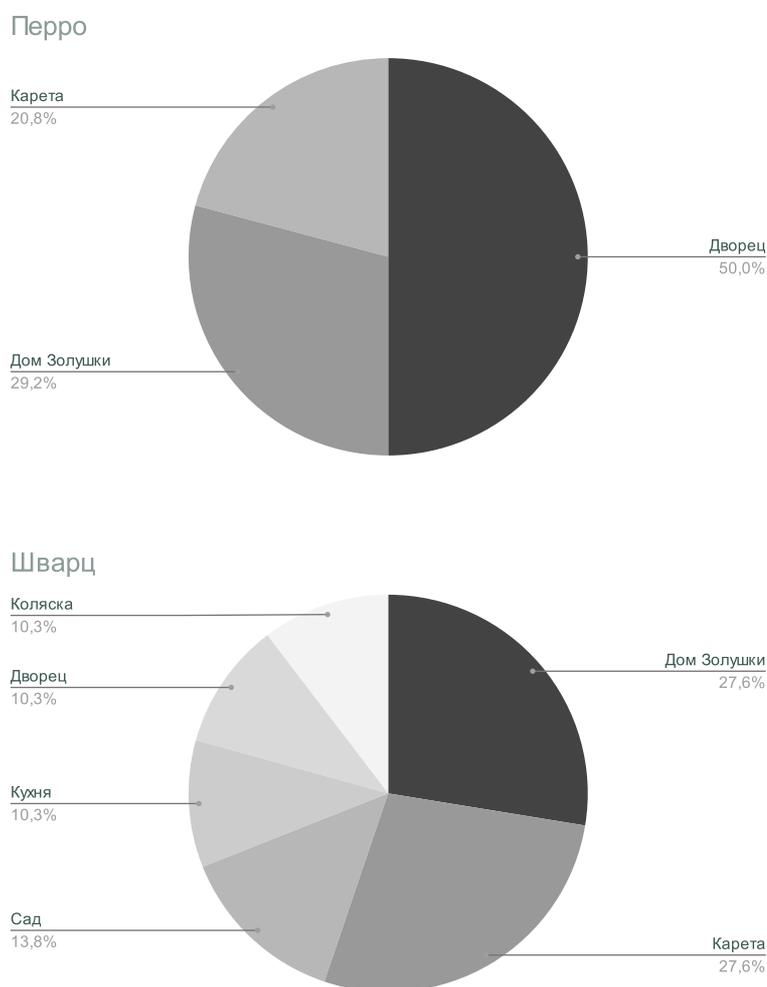
Рис. 4. Распределение групп персонажей в текстах Перро и Шварца
Fig. 4. Distribution of groups of characters in Perrault's and Schwartz's texts

Говоря о семье Золушки, стоит отметить, что в двух текстах они по-разному объединяются в группы персонажей. У Перро есть такие группы, как «сёстры Золушки», «сёстры и мачеха Золушки» и «все в доме Золушки». У Шварца — «сёстры Золушки», «сёстры и мачеха Золушки», «отец Золушки и Золушка» и «вся семья, кроме Золушки». Примечательно, что у Перро мачеха появляется только с дочерьми. В киносценарии Шварца ситуация обратная: мачеха появляется в одиночку гораздо чаще, а сёстры не появляются без неё и не имеют реплик в тех сценах, которые мы анализировали. По отдельности сёстры упоминаются всего несколько раз: три раза Анна и дважды Марианна.

Касательно остальных персонажей, отметим, что в тексте Перро, благодаря обильному использованию неопределённо-личных конструкций, у читателя есть больший

простор для воображения — например, не ясно, кто примеряет всем девушкам королевства туфельку. У Шварца текст более детален — например, мы точно знаем, что туфельку Золушке примеряет маркиз. Также в тексте Шварца в целом упомянуто гораздо больше персонажей: ими являются, в том числе, неодушевлённые предметы, с которыми беседует Золушка.

Среди мест (рис. 5, таблица 4) у Перро наиболее часто встречаются дворец, дом Золушки и карета. Они упоминаются 12, 7 и 5 раз соответственно. Стоит отметить, что дом Золушки только 5 раз из 7 был назван «домом», в остальных случаях упоминался «порог» и «комната».

Рис. 5. Распределение указаний места в текстах Перро и Шварца
Fig. 5. Distribution of markers of place in Perrault's and Schwartz's texts

У Шварца на первом месте дом и карета Золушки, затем сад, а третье место делят кухня, дворцовый парк и коляска семьи Золушки. Они упоминаются 8, 4 и 3 раза соответственно. Примечательно, что карета всегда называется «каретой», а дом Золушки только 6 раз назван «домом». В других случаях он называется «усадьбой», а сад, который обычно называется «садом», единожды упомянут через фразу «за окном».

Таблица 4. Распределение указаний места в текстах Перро и Шварца

Table 4. Distribution of markers of place in Perrault's and Schwartz's texts

места	Перро		Шварц	
	упоминания	%	упоминания	%
Дворец	12	50,0	—	—
Дом Золушки	7	29,2	8	27,6
Карета	5	28,2	8	27,6
Сад	—	—	4	13,8
Кухня	—	—	3	10,3
Дворец	—	—	3	10,3
Коляска	—	—	3	10,3

В целом Перро реже упоминает места, в то время как Шварц стремится обозначить место действия более точно, например, каждое место во дворце — от балкона до крыльца — упоминается по отдельности. В тексте Перро также не уточнялось, на чём отправляются во дворец сёстры и мачеха и едет ли отец Золушки, в то время как у Шварца описана не только их коляска, но и факт присутствия отца. Тем не менее, в тексте Перро конкретно указывается, что Золушка живёт на чердаке, а в тексте Шварца у неё нет своего места в доме.

Анализ результатов

Разметка текстов позволяет выделить в них следующие отличительные черты. Шварц стремится более детально описать персонажей и места, что мы связываем с представлением о киносценарии не только как о художественном произведении, но и как об инструкции для съёмки фильма. Также наполнение сценария диалогами в каком-то смысле обязывает автора чаще давать персонажам имена (сестры Анна и Марианна), указывать их профессию, статус (Маркиз, Капрал), чтобы зритель лучше их различал.

Перро (и его переводчик) часто использует синонимы в речи повествователя, чтобы избежать тавтологии. Так, он называет Золушку принцессой, падчерицей, красавицей. Помимо этого, через подобранный синоним он передаёт точку зрения персонажа, который в этот момент взаимодействует с Золушкой. В этой точке зрения, скорее,

прослеживается статус Золушки в глазах смотрящего. Шварц тоже использует синонимы для передачи отношения, а также вставляет в прямую речь персонажей эпитеты («бедная девочка», «дорогая моя», «прекрасная барышня»). В эпитетах проявляется эмоциональный компонент: жалость, любовь, восхищение.

В отличие от имён персонажей, жанр не повлиял на наименование мест действия. Так, и у Шварца, и у Перро мы не знаем название города или королевства, в котором происходит действие. Тем не менее, как мы уже упоминали, в киносценарии места указаны более точно (лестница, балкон, коляска, сад), есть тенденция дробить локацию на составляющие.

Если указанные выше отличия связаны, скорее, с принадлежностью к эпосу или драме, то мы также видим некоторые особенности, которые, на наш взгляд, характеризуют авторский взгляд. В первую очередь они заметны в том, кого авторы выбрали третьим по частоте упоминаний персонажем. У Перро это принц, а у Шварца — король. Мы связываем этот выбор с большей тягой Перро к формульности сказочного сюжета, ведь разрешиться он должен свадьбой Золушки и принца. Шварц описывает психологию взаимоотношений Золушки и её окружения. При дворе она сначала устанавливает дружеские отношения с королём, что лучше объясняет её дальнейшее вхождение в королевскую семью. Да и сам король интересен Шварцу как личность, а не только как персонаж, способствующий достижению справедливости. В оставшихся за рамками нашей разметки сценах читатель узнаёт о том, что цель короля — обеспечить присмотр сыну после смерти королевы.

Авторский взгляд проявляется и в выборе места. У Перро, как и требует этого сказочная формула, большая часть действия происходит во дворце. Но при этом локации описываются довольно скудно (это проявлено и в детализации мест действия). Шварц раскрывает быт Золушки в доме, часто помещает её в сад, что создаёт романтический образ и связывает киносценарий с романтической традицией в литературе, одним из основоположников которой считается Перро. Золушка у Шварца постоянно взаимодействует с животными и предметами — через неё они как бы обретают возможность разговаривать, действовать, влиять на сюжет. Отсюда возникает ощущение анимированности, наделённости всего мира сказки человеческой душой и, как следствие, ощущение волшебства, магии. Этот же приём использует студия Уолта Диснея, в мультфильмах которой главные герои также часто наделяют человеческими чертами животных и предметы.

Касательно отношения Перро к двум традициям — волшебной народной сказки и литературной, куртуазной — Перро хоть и стремится сохранить фольклорный сюжет, вписывает его в западноевропейскую христианскую традицию. Так, фея у него еще и крестная Золушки. Вопреки негативному отношению к религии, доминировавшему в СССР, Шварц не стремится «советизировать» стиль и сохраняет не только черты романтизма, но и прозвище феи (крестная). Хотя мораль, звучащая в сценарии, не похожа на мораль Перро и часто соседствует с иронией.

Заключение

Количественный анализ редко применяется в литературоведении, т. к. не совсем ясно, как перевести его в качественную оценку. Проаннотировав два варианта сказки «Золушка» в авторстве Ш. Перро (в переводе Т. Габбе) и Е. Шварца и проведя их сравнительный анализ, мы пришли к выводу о том, что количественные различия между текстовыми мирами и их элементами помогают выявить особенности повествования и личного восприятия сюжета авторами.

Автоматически собрав все упоминания персонажей и указания места действия, мы установили, что киносценарий более точно, детально описывает взаимодействие между героями и их положение в пространстве. Таким образом, в нём, помимо литературной составляющей, важен элемент инструктажа. Литературная сказка, между тем, сильнее следует сказочной формуле.

Авторские особенности текстов проявились тем, какие персонажи выходят на первый план после главных героев. Желание Шварца выделить на этом месте короля, а не принца, мы связываем с его склонностью дать психологическую оценку решениям героев. Также Шварц оживляет пространство вокруг Золушки, что, возможно, связано с традициями романтизма, и оставляет номинацию феи — крестная.

Таким образом, использованный нами метод XML-разметки позволяет перевести количественные показатели в качественные выводы. В наших последующих исследованиях мы планируем расширение корпуса размеченных литературных текстов, включая сценарии, с целью получить более точные количественные результаты и скорректировать их качественную интерпретацию в контексте TWT.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Андреев Н. П. 1929. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Изд. госуд. Русского геогр. Общества. 120 с.
- Бахтин М. М. 1975. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит. 502 с.
- Биневич Е. М. 2008. Евгений Шварц. Хроники жизни. СПб.: Петрополис/ 636 с. URL: https://royallib.com/read/binevich_evgeniy/evgeniy_shvarts_hronika_gizni.html#0 (дата обращения: 24.11.2022).
- Богомолов Ю. 1987. Как накренить фразу? // Искусство кино. № 10. С. 93–104.
- Габбе Т., Любарская А. 1989. По дорогам сказки. Сказки писателей разных стран. М.: Детская литература. 400 с.
- Лихачёв Д. С. 1986. Поэзия преображения // Искусство кино. № 9. С. 84–96.
- Лотман Ю. М. 1992. Культура и взрыв. М.: Прогресс, Гнозис. 270 с.
- Мартыанова И. А. 2016. Киносценарный диалог с классической русской литературой // МИРС. № 4. С. 114–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinostsenarnyy-dialog-s-klassicheskoy-russkoy-literaturoy> (дата обращения: 24.11.2022).
- Пропп В. 1998. Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт. 529 с.

- Шварц Е. 2008. Золушка (киносценарий). М.: ФТМ. 39 с.
- Cruickshank T., Lahey E. 2010. Building the stages of drama: Towards a Text World Theory account of dramatic play-texts // *Journal of Literary Semantics*. Vol. 39. № 1. Pp. 67–91. <https://doi.org/10.1515/jlse.2010.004>
- Drozdova A., Petrov V. 2020. Modern Classic in the Web Environment: Narrative Variations of V. Nabokov's in Fanfiction // *Acta Universitatis Sapientiae, Film and Media Studies*. Vol. 18. № 1. Pp. 89–107. <https://doi.org/10.2478/ausfm-2020-0005>
- Drozdova A., Petrov V. 2021. Narrative Transformations of Alexander Pushkin's Eugene Onegin in Transcultural Digital Sphere // *CoSMo Comparative Studies in Modernism, Morphology and Historical Sequence*. № 18. Pp. 175–186.
- Dubois J., Giacomo M., Guespin L., Marcellesi C., Marcellesi J.-B., Mével J.-P. 1994. *Dictionnaire de la langue française: lexis*. Paris: Larousse. 2110 pp.
- Felluga D. 2015. *Critical Theory: The Key Concepts*. Abingdon-on-Thames: Routledge, 400 pp. <https://doi.org/10.4324/9781315718873>
- Gavins J. 2007. *The Text World Theory: An Introduction*. Edinburgh University Press. 208 pp. <https://doi.org/10.1515/9780748629909>
- Gibbons A., Whiteley S. 2021. Do worlds have (fourth) walls? A Text World Theory approach to direct address in *Fleabag* // *Language and Literature*. Vol. 30. № 2. Pp. 105–126. <https://doi.org/10.1177/0963947020983202>
- Hildago-Downing L. 2000. *Negation, Text Worlds and Discourse: The Pragmatics of Fiction*. Stamford: Ablex. 225 pp.
- Ho Y., Lugea J., McIntyre D., Wang J., Xu Z. 2018. Text-world annotation and visualization for crime narrative reconstruction // *Digital Scholarship in the Humanities*. Vol. 34. № 2. Pp. 310–334. <https://doi.org/10.1093/llc/fqy044>
- Hoffmann C., Kirner-Ludwig M. (eds.) 2020. *Telecinematic Stylistics*. Bloomsbury Publishing. 352 pp. <https://doi.org/10.5040/9781350042889>
- Hosley R. 1957. Gallery over the stage in the public playhouse of Shakespeare's time // *Shakespeare Quarterly*. Vol. 8. № 1. Pp. 15–31. <https://doi.org/10.2307/2867515>
- Kushneruk S., Afanasyeva O., Kurochkina M., Mineeva M. 2017. Metaphors in the text-worlds of commercial advertising // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM. Austria. Pp. 133–140. <https://doi.org/10.5593/SGEM-SOCIAL2017/HB31/S10.018>
- Mikhalkova E., Bashmakova A., Drozdova A., Gavin P., Protasov T. 2019. Towards annotation of text worlds in a literary work // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference «Dialogue»*. М. Pp. 101–110.
- Perrault C. *Contes de ma mère l'Oye* // The Morgan Library and Museum. URL: <https://www.themorgan.org/collection/charles-perrault/manuscript> (дата обращения: 24.11.2022)
- Reiter N., Frank A., Hellwig O. 2014. An NLP-based cross-document approach to narrative structure discovery // *Literary and Linguistic Computing*. Vol. 29. № 4. Pp. 583–605. <http://doi.org/10.1093/llc/fqu055>
- Semino E. 1997. *Language and World Creation in Poems and Other Texts*. London, N. Y.: Longman. 274 pp.

- Somaraki V., Xu Z. 2016. Epicurus: a platform for the visualisation of forensic documents based on a linguistic approach // 22nd International Conference on Automation and Computing (ICAC). Pp. 95–101. <https://doi.org/10.1109/IConAC.2016.7604902>
- Srivatsa S., Srinivasa S. 2018. Narrative plot comparison based on a bag-of-actors document model // HT '18: Proceedings of the 29th on Hypertext and Social Media. Pp. 136–144. <https://doi.org/10.1145/3209542.3209556>
- Wang J., Ho Y., Xu Z., McIntyre D., Lugea J. 2016. The visualisation of cognitive structures in forensic statements // Proceedings of the 20th International Conference Information Visualisation, IV. Pp. 106–111. <https://doi.org/10.1109/IV.2016.60>
- Werth P. 1999. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. London: Longman. 390 pp.

References

- Andreev, N. P. (1929). Index of tale-plots according to the system of Aarne. State Russian Geographical Society Publ. [In Russian]
- Bakhtin, M. M. (1975). Questions in Literature and Aesthetics. Khudozhestvennaya literatura. [In Russian]
- Binevich, E. M. (2008). Yevgeny Schwartz. Life Chronicles. Petropolis. https://royallib.com/read/binevich_evgeniy/evgeniy_shvarts_hronika_gizni.html#0 [In Russian]
- Bogomolov, Yu. (1987). How do I tilt a phrase to one side? *Iskusstvo kino*, (10), 93–104. [In Russian]
- Gabbe, T. & Lyubarskaya, A. (1989). Down the Road of the Tale. Tales of Writers from Different Countries. *Detskaya literatura*. [In Russian]
- Likhachev, D. S. (1986). The poetry of transformation. *Iskusstvo kino*, (9), 84–96. [In Russian]
- Lotman, Yu. M. (1992). Culture and Explosion. Progress, Gnozis. [In Russian]
- Martyanova, I. A. (2016). Screenplay dialogue with the classical literature. *MIRS*, (4), 114–120. <https://cyberleninka.ru/article/n/kinostsenarnyy-dialog-s-klassicheskoy-russkoy-literaturoy> [In Russian]
- Propp, V. (1998). Morphology of the Folk Tale. *Labirint*. [In Russian]
- Schwartz, E. (2008). Cinderella (Screenplay). FTM. [In Russian]
- Cruickshank, T. & Lahey, E. (2010). Building the stages of drama: Towards a Text World Theory account of dramatic play-texts. *Journal of Literary Semantics*, 39(1), 67–91. <https://doi.org/10.1515/jlse.2010.004>
- Drozdova, A. & Petrov, V. (2020). Modern Classic in the Web Environment: Narrative Variations of V. Nabokov's in Fanfiction. *Acta Universitatis Sapientiae, Film and Media Studies*, 18(1), 89–107. <https://doi.org/10.2478/ausfm-2020-0005>
- Drozdova, A. & Petrov, V. (2021). Narrative Transformations of Alexander Pushkin's Eugene Onegin in Transcultural Digital Sphere. *CoSMo Comparative Studies in Modernism, Morphology and Historical Sequence*, (18), 175–186.
- Dubois, J., Giacomo, M., Guespin, L., Marcellesi, C., Marcellesi, J.-B., & Mével, J.-P. (1994). *Dictionnaire de la langue française: lexis*. Larousse.
- Felluga, D. (2015). *Critical Theory: The Key Concepts*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315718873>

- Gavins, J. (2007). *The Text World Theory: An Introduction*. Edinburgh University Press. <https://doi.org/10.1515/9780748629909>
- Gibbons, A. & Whiteley, S. (2021). Do worlds have (fourth) walls? A Text World Theory approach to direct address in Fleabag. *Language and Literature*, 30(2), 105–126. <https://doi.org/10.1177/0963947020983202>
- Hildago-Downing, L. (2000). *Negation, Text Worlds and Discourse: The Pragmatics of Fiction*. Ablex.
- Hoffmann, C. & Kirner-Ludwig, M. (Eds.). (2020). *Telecinematic Stylistics*. Bloomsbury Publishing. <https://doi.org/10.5040/9781350042889>
- Hosley, R. (1957). Gallery over the stage in the public playhouse of Shakespeare's time. *Shakespeare Quarterly*, 8(1), 15–31. <https://doi.org/10.2307/2867515>
- Ho, Y., Lugea, J., McIntyre, D., Wang, J., & Xu, Z. (2018). Text-world annotation and visualization for crime narrative reconstruction. *Digital Scholarship in the Humanities*, 34(2), 310–334. <https://doi.org/10.1093/llc/fqy044>
- Kushneruk, S., Afanasyeva, O., Kurochkina, M., & Mineeva, M. (2017). Metaphors in the text-worlds of commercial advertising. 4th *International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM, Austria*, 133–140. <https://doi.org/10.5593/SGEMSOCIAL2017/HB31/S10.018>
- Mikhalkova, E., Bashmakova, A., Drozdova, A., Gavin, P., & Protasov, T. (2019). Towards annotation of text worlds in a literary work. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"*, 101–110.
- Perrault, C. (n.d.). *Contes de ma mère l'Oye*. The Morgan Library and Museum. <https://www.themorgan.org/collection/charles-perrault/manuscript>
- Reiter, N., Frank, A., & Hellwig, O. (2014). An NLP-based cross-document approach to narrative structure discovery. *Literary and Linguistic Computing*, 29(4), 583–605. <http://doi.org/10.1093/llc/fqu055>
- Semino, E. (1997). *Language and World Creation in Poems and Other Texts*. Longman.
- Somaraki, V. & Xu, Z. (2016). Epicurus: a platform for the visualisation of forensic documents based on a linguistic approach. 22nd *International Conference on Automation and Computing (ICAC)*, 95–101. <https://doi.org/10.1109/ICAC.2016.7604902>
- Srivatsa, S. & Srinivasa, S. (2018). Narrative plot comparison based on a bag-of-actors document model. *HT '18: Proceedings of the 29th on Hypertext and Social Media, Association for Computing Machinery, New York, NY, USA*, 136–144. <https://doi.org/10.1145/3209542.3209556>
- Wang, J., Ho, Y., Xu, Z., McIntyre, D., & Lugea, J. (2016). The visualisation of cognitive structures in forensic statements. *Proceedings of the 20th International Conference Information Visualisation, IV, Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., United States, August*, 106–111. <https://doi.org/10.1109/IV.2016.60>
- Werth, P. (1999). *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse*. Longman.

Информация об авторах

Олег Владимирович Евсеев, магистрант 2 курса направления «Прикладная лингвистика», Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
oleg.evseev1@mail.ru

Александра Николаевна Кох, бакалавр 4 курса направления «Лингвистика», Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000222010@study.utmn.ru

Елена Владимировна Михалькова, кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
e.v.mikhalkova@utmn.ru

Information about the authors

Oleg V. Evseev, Master student in Applied Linguistics, University of Tyumen, Tyumen, Russia
oleg.evseev1@mail.ru

Aleksandra N. Koh, Bachelor student in Linguistics, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000222010@study.utmn.ru

Elena V. Mikhalkova, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, University of Tyumen, Tyumen, Russia
e.v.mikhalkova@utmn.ru

Функции аллюзий в поэтической книге «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» Т. С. Элиота

Кристина Михайловна Маршания

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: christy-m@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности литературных аллюзий в стихотворениях поэтической книги «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» Т. С. Элиота. Использование в работе историко-литературного метода исследования и культурологического подхода позволило проанализировать ряд аллюзий в стихотворениях книги и определить специфику их использования автором. Цель исследования — подтвердить гипотезу о том, что в «Популярной науке о кошках» интертекстуальность представлена аллюзивностью нового типа, что является формальным элементом модернистской эстетики. Интертекстуальность в поэтической книге Т. С. Элиота — это сложная система связей между текстами и явлениями различных культурных и исторических пластов. Аллюзии меняют статус текстов цикла, делают их разнородными и помогают расширить их образную структуру. Характерной чертой модернистской аллюзии Элиота является многослойность (многосоставность), при которой один и тот образ может соотноситься с разными текстами и культурными эпохами. Интертекстуальность «Популярной науки о кошках» является свидетельством того, что эта поэзия предназначалась и для взрослой аудитории, поскольку лишь интеллектуально «подкованный» читатель, знакомый с широким спектром произведений литературы и искусства, различными культурными традициями и историческими эпохами, способен в полной мере понять смысл текстов и замысел поэта.

Ключевые слова: литературная аллюзия, интертекстуальность, литературная анималистика, кошки в литературе, Т. С. Элиот

Цитирование: Маршания К. М. 2023. Функции аллюзий в поэтической книге «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» Т. С. Элиота // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследо-

вания. *Humanitates*. Том 9. № 1 (33). С. 43-57. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-43-57>

Поступила 6.02.2023; одобрена 20.02.2023; принята 23.03.2023

The functions of literary allusions in *Old Possum's Book of Practical Cats* by T. S. Eliot

Kristina M. Marshaniya

University of Tyumen, Tyumen, Russia
christy-m@mail.ru

Abstract. This article deals with the functions of literary allusions in *Old Possum's Book of Practical Cats* by T. S. Eliot. The material of the study is the book of verses included into the annotated anthology *The Poems of T. S. Eliot. Vol. 2. Practical Cats and Further Verses* (2015) compiled and edited by the leading contemporary Eliot scholars, British-American researcher Sir Christopher Ricks and renowned British critic and publisher Jim McCue. In this paper, the author considers different types of allusions in T. S. Eliot's poems and determine their specificity. This has required using cultural historical approach and methods of literary structural analyses. The purpose of the study is to confirm that the intertextuality of *Old Possum's Book of Practical Cats* is represented by a new type of allusiveness, which is an important element of modernist aesthetics. Intertextuality in T. S. Eliot's book of verses is a complex system of connections between texts and phenomena of various cultural and historical layers. Allusions change the status of the texts of the book, make them heterogeneous and help to expand their figurative structure. A characteristic feature of Eliot's modernist allusion is its multi-composition where one and the same image can be correlated to various literary texts and cultural eras. The intertextuality of *Old Possum's Book of Practical Cats* proves that these verses were addressed for an adult audience as well, since only an intellectually "savvy" reader familiar with a wide range of literature and art works, various cultural traditions and historical eras is able to understand the different textual levels and the artistic intentions of the poet.

Keywords: literary allusion, intertextuality, animal fiction, cats in literature, T. S. Eliot

Citation: Marshaniya K. M. (2023). The functions of literary allusions in *Old Possum's Book of Practical Cats* by T. S. Eliot. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9(1), 43–57. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-43-57>

Received Feb. 6, 2023; Reviewed Feb. 20, 2023; Accepted Mar. 23, 2023

Введение

В своем творчестве Т. С. Элиот (Thomas Stearns Eliot, 1888–1965), один из ведущих поэтов-модернистов, постоянно обращался к литературе прошлого, при этом его поэзия никогда не утрачивала связи с современностью. Как отмечает О. М. Ушакова в своей монографии, неотъемлемым элементом эстетики творчества Элиота всегда являлось прекрасно развитое «чувство традиции» [Ушакова, 2005, с. 4]. Именно это, по нашему мнению, имел в виду М. М. Бахтин, когда говорил о том, что «великие произведения литературы подготавливаются веками, в эпоху же их создания снимаются только зрелые плоды длительного и сложного процесса созревания» [Бахтин, 2002, с. 454]. Обилие аллюзий, реминисценций, различных литературных и культурно-исторических отсылок в элиотовских текстах позволяет убедиться в том, что понятие традиции было необычайно важно в творчестве поэта, и он виртуозно использовал весь арсенал европейской культуры, от самых древнейших времен и до наших дней.

Объектом данного исследования является поэтическая книга «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» (Old Possum's Book of Practical Cats, 1939) Т. С. Элиота. Материалом послужили тексты, включенные в научное аннотированное издание «Поэзия Т. С. Элиота. Том второй. Практические кошки и другие стихотворения» (The Poems of T. S. Eliot. Vol. 2. Practical Cats and Further Verses, 2015), составителями и научными редакторами которого являются Кристофер Рикс и Джим МакКью [Ricks, McCue, 2015]. Несмотря на то, что исследователи относят это произведение к «малым», «неканоническим» формам, оно считается одним из самых узнаваемых произведений этого автора во всем мире и является ярким образцом художественной анималистической литературы. При этом российские и зарубежные исследователи-элиотоведы долгое время не уделяли должного внимания данной работе Элиота. Классическая версия цикла включает в себя 15 стихотворений. Изначально адресатами поэтической фелинистики Элиота были дети (большинство стихотворений о кошках посвящено его крестникам, детям семей Фэйберов и Морли), что является одной из причин включения данного произведения в разряд детской литературы. Однако интертекстуальность «Популярной науки о кошках» является свидетельством того, что это произведение предназначалось и для взрослой аудитории, поскольку лишь интеллектуально «подкованный» читатель, знакомый с широким спектром произведений литературы и искусства, культурными традициями, способен в полной мере понять смысл текста, заложенный в него поэтом.

Основной задачей, которая была поставлена нами в данном исследовании, было выявление специфики интертекстуальности, в частности использования литературных аллюзий в стихотворениях «Популярной науки о кошках» Элиота. В своих поэтических текстах о кошках автор ведет определенную игру, зашифровывая многочисленные источники разного характера (литературные, музыкальные, исторические и др.) и разных эпох, что позволяет говорить об одном из важных формальных элементов модернистской эстетики — аллюзивности нового типа.

Обзор литературы

Термин «интертекстуальность» был введен французским филологом Ю. Кристевой [Кристева, 1995]. В основу ее философии легло переосмысление концепции «чужого слова» и диалогичности М. М. Бахтина. Исходя из этой концепции, по мнению Бахтина, для человека все слова делятся на «маленький мирок своих слов (осознаваемых как свои) и огромный безграничный мир чужих слов» [Бахтин, 1979, с. 347–348]. Как замечает Кристева, статус слова в этом случае может определяться «горизонтально (слово в тексте одновременно принадлежит и субъекту письма, и его получателю)» и «вертикально (слово в тексте ориентировано по отношению к совокупности других литературных текстов — более ранних или современных)» [Косикова, 2000, с. 429]. Исследовательница также поддерживает мысль Бахтина о том, что «каждое высказывание — это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний» [Бахтин, 1979, с. 157]. Таким образом, она вводит понятие интертекстуальности:

«любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-либо другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» [Кристева, 1995, с. 98–99].

Помимо трудов Бахтина и Кристевой, проблеме межтекстовых связей в литературном творчестве уделяли внимание в своих работах такие авторы, как А. Н. Веселовский, Р. Барт, И. Р. Гальперин, Ж. Женетт, Ю. М. Лотман, И. И. Ильин, И. В. Арнольд, В. Е. Хализев, Н. А. Фатеева и др.

Наиболее популярными и разработанными формами интертекстуальности являются аллюзии и реминисценции. Следствием сложностей в определении границ между двумя этими формами явилось то, что исследователи до сих пор не могут прийти к общему мнению в вопросе о том, стоит ли разграничивать понятия аллюзии и реминисценции. Например, Н. А. Фатеева придерживается концепции Женетта, рассматривающего аллюзию и цитату как равнозначные категории интертекстуальности. Определяя цитату как воспроизведение двух или более элементов «текста-донора» с собственной предикацией, Фатеева полагает: аллюзия отличается от нее тем, «что заимствование элементов происходит выборочно, а целое высказывание или строка текста-донора, соотносимые с новым текстом, присутствуют в последнем как бы „за текстом“, только имплицитно» [Фатеева, 2000, с. 125].

Известный отечественный теоретик литературы В. Е. Хализев замечает: «Изолированность писателей и их произведений от опыта предшественников и современников знаменует их ограниченность и узость» [Хализев, 1999, с. 163]. Под реминисценцией он понимает «образ литературы в литературе» и считает наиболее распространенной ее формой цитату (точную или неточную). По его мнению, включение реминисценции в текст происходит либо сознательно, либо непроизвольно («литературное припоминание») [Хализев, 1999, с. 253].

Американский исследователь Грегори Мачасек, рассматривая аллюзию как форму диахронической интертекстуальности («form of diachronic intertextuality») [Machacek,

2007, с. 525]. Он уточняет функции аллюзии как литературного приема и отмечает, что обогащение или уточнение местного значения («enriching or qualifying local significance») — это не единственная функция аллюзий, или единственная цель, которой они могут служить [Machacek, 2007, с. 531]. Он считает, что аллюзии помогают установить жанр произведения. Посредством аллюзии автор может сигнализировать о своей принадлежности: литературной, политической или личной. Аллюзии позволяют понять для какой аудитории предназначено произведение.

Американский же литературовед Уильям Ирвин в статье «Что такое аллюзия?» (What Is an Allusion?), констатируя референтную функцию аллюзии и ее не прямой характер, рассуждает об особенностях ее коммуникативных и рецептивных механизмов. По его мнению, аллюзия — это косвенная отсылка, вызывающая определенные ассоциации, выходящие за рамки простой замены референта («reference that is indirect in the sense that it calls for associations that go beyond mere substitution of a referent») [Irwin, 2001, с. 293]. При этом автор должен использовать эту косвенную отсылку с таким намерением, чтобы целевая аудитория могла ее обнаружить.

Принимая во внимание то, что до сих пор исследователи не пришли к единому мнению и общепринятому определению литературной аллюзии, четкую границу между аллюзией, реминисценцией и цитатой провести довольно сложно. В своей работе мы считаем наиболее корректным и методологически оправданным использовать по преимуществу понятие «аллюзия» для обозначения всех вышеперечисленных интертекстуальных элементов в анализируемых нами текстах. Именно понятие «литературная аллюзия» доминирует в большинстве работ, посвященных особенностям интертекстуальных связей в литературе модернизма. Более того, именно поэзия Элиота фигурирует в соответствующих работах как «классический» образец использования литературной аллюзии. В данной статье мы рассмотрим целый ряд аллюзий, в том числе, и те из них, которые зафиксированы американским элиотоведом Кристофером Риксом в комментариях к «Популярной науке о кошках, написанной Старым Опоссумом», и представлены в полном аннотированном собрании поэзии Элиота. Отмеченные Риксом аллюзии были не только нами верифицированы, мы также разворачиваем и продолжаем предложенные Риксом варианты, анализируем их и обозначаем более широкий контекст.

Результаты и обсуждение

Творчество Элиота характеризует разнообразие межтекстовых связей в его произведениях. Библейские и мифологические сюжеты, древняя и современная философия, литература и культура разных стран и эпох, различные отсылки к творчеству поэтов, прозаиков и драматургов разных времен, таких как Данте, Э. Спенсер, У. Шекспир, Т. Кид, Дж. Мильтон, Э. Лир, Л. Кэрролл, А. Теннисон, А. Конан Дойл и др. — весь этот обширный материал органично вписывается в его тексты посредством аллюзий.

Так, благодаря интертекстуальности происходит диалог поэта с библейскими текстами. Ставшие универсальным основанием для культуры западного типа, они нашли свою уникальную рецепцию во многих произведениях великого классика модернизма, в т. ч.

и в «Популярной науке о кошках, написанной Старым Опоссумом». В комментариях к «Популярной науке о кошках...» Рикс указывает на узнаваемую цитату «scattered like sheep» в стихотворении «Отчет об ужасном сражении пеков и полликов» (The Awefull Battle of the Pekes and the Pollicles), которая представляет собой выдержку из Евангелия от Матфея (стих 9: 36) «scattered abroad, as sheep» [Ricks, McCue, 20156, с. 61]. Эта аллюзия, где Элиот сравнивает персонажей своего стихотворения с изнуренными и рассеянными овцами, не имеющими пастыря, передает чувство жалости, которое они должны вызывать у читателя. В этом контексте образ кота RUMPUSCAT также имеет связь с текстами Священного Писания, особенно если принять во внимание письмо Элиота к Мэри Тревелиян (Mary Trevelyan) от 18 ноября 1944 г.:

I think I ate something which was unsympathetic a few days ago.
In the year that King Uzziah died,
Rumpuscat felt bad inside [Ricks, McCue, 20156, с. 65].

Это аллюзия на цитату из Евангелия от пророка Исайи (6: 1): «In the year that King Uzziah died I saw also the Lord sitting upon a throne» [Ricks, McCue, 20156, с. 65]. Подобные межтекстовые связи позволяют автору сделать акцент на моментах, существенных для осмысления произведения. Вкрапления из библейских текстов в поэтическом цикле Элиота о кошках создают контраст, при котором на фоне глубины библейского контекста проступает ирония контекста, в который помещены образы котов. Это позволяет читателю оценить замысел автора во всей полноте.

В «Популярной науке о кошках...» переплетаются аллюзии на античные литературные источники, литературные произведения элиотовских современников, на его собственную лирику. Так, например, сцены с битвами при луне стали популярны благодаря «Илиаде» Гомера. Элиот использует этот прием в стихотворении «Последний бой Тигриного Рыка» (Growltiger's Last Stand), где описывает события лунной ночи, перед схваткой Тигриного Рыка с Сиамской ордой. И в этом же стихотворении он дает аллюзию на свою поэму «Бесплодная земля»: «fierce Mongolian horde ... swarmed» [Ricks, McCue, 20156, с. 60]. Можно сказать, что это «автоаллюзия» на знаменитую «русскую» аллюзию из «Бесплодной земли» (The Waste Land, 1922, с. 366–376), которая одновременно является аллюзией к «Братьям Карамазовым» Ф. М. Достоевского и «Взгляду в хаос» Г. Гессе [Ушакова, 2014, с. 38–40]. В данном случае в тексте стихотворения не только представлен образец многосоставной модернистской аллюзии, которая одновременно отсылает к нескольким источникам, но и создается юмористический пародийный эффект, в целом характерный для этой книги.

В стихотворениях «Популярной науки о кошках...» также угадываются аллюзии на произведения многих других поэтов и писателей, оказавших значительное влияние на творчество Элиота. В строчках стихотворения «Гус, театральная кошка» (Gus: The Theatre Cat) поэт ссылается на Шекспира:

At a Shakespeare performance he once walked on pat,
When some actor suggested the need for a cat [Ricks, McCue, 20156, с. 26].

Автор не только указывает фамилию выдающегося английского драматурга, но и копирует в своем тексте строки из его пьес «Король Лир» («And pat he comes like the catastrophe of the old comedy») и «Венецианский купец» («Why he, a harmless necessary cat») [Ricks, McCue, 20156, с. 71]. Театр Шекспира был для Элиота примером демократичности и доступности высокого искусства. Многоуровневая содержательная структура шекспировских пьес позволяла найти точки соприкосновения с интересами любого зрителя.

В стихотворении про кота Гуса просвещенный читатель также сможет распознать аллюзию на роман Чарльза Диккенса «Лавка древностей» (The Old Curiosity Shop, 1840), главной героиней которого является девочка по имени Нелл: «I have sat by the bedside of poor Little Nell» [Ricks, McCue, 20156, с. 25]. Это один из самых трогательных и сентиментальных эпизодов викторианской литературы, отсылка к которому должна растрогать читателя и расположить его к герою.

Еще одной диккенсовской аллюзией является цитата из романа «Наш общий друг» (Our Mutual Friend, 1864–1865) в стихотворении «Рам-Там-Татгер» (The Rum Tum Tugger):

For he will do
As he do do [Ricks, McCue, 20156, с. 10].

К этому позднему и одному из наиболее сложных произведений Диккенса поэт обращался неоднократно в своей поэзии. Как указывает Рикс в комментариях к поэтической книге, эти строки отсылают читателя к диалогу между мистером Подснепом и иностранным джентльменом:

“And other countries,” said the foreign gentleman. “They do how?”
“They do, Sir,” returned Mr. Podsnap, gravely shaking his head; “they do — I am sorry obliged to say it — as they do” [Ricks, McCue, 20156, с. 61].

Еще одной данью Элиота популярной литературной традиции Англии являются явные и неявные аллюзии на творчество Льюиса Кэрролла и Эдварда Лира, двух гениев поэзии «нонсенса». Как литературный феномен, «нонсенс» развивался в викторианской Англии с 1840 по 1880 г., являясь противодействием укладу жизни того времени, строго следующему определенному своду правил. Он имеет связь с английской фольклорной традицией «Nursery Rhymes». Нонсенс принято считать «чудаковатым» художественным явлением, которое не воспринимают всерьез и часто относят к детской или маргинальной литературе. На первый взгляд, может показаться, что он лишен какого-либо здравого смысла, но на самом деле это утверждение неверно. Ванесса Боннэт (Vanessa Bonnet) в своей работе «Мир нонсенса» (A World of Nonsense) высказывает мнение, что нонсенс противопоставляется отсутствию смысла, потому что он наделяет слова властью превращаться в различные вещи («it gives words the power to morph endlessly into different things») [Bonnet, 2012, с. 32].

Так, в «заглавном» стихотворении книги «Знание кошачьих имен» (The Naming of Cats) употребляется идиома «as mad as a hatter», которая сразу вызывает ассоциации со сказкой Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес» (Alice's Adventures in

Wonderland, 1865) и одним из его главных героев — Безумным Шляпником [Ricks, McCue, 20156, с. 5].

Строка из стихотворения о желейных кошках «To dance by the light of the Jellicle Moon», о чем уже ранее упоминалось, является аллюзией на отрывок стихотворения Лира «Кот и Сова» (The Owl and the Pussy-Cat):

They danced by the light of the moon,
The moon,
The moon,
They danced by the light of the moon [Ricks, McCue, 20156, с. 62].

Размышляя о природе модернистской литературной аллюзии, необходимо упомянуть о ее многослойности (многосоставности). Один и тот образ может соотноситься с разными текстами и культурными эпохами. Поэтому можно предположить, что в данном случае могут возникнуть ассоциации с такими текстами испанского барокко, как бурлескная поэма «Котомахия» (La Gatomaquia, 1634) испанского поэта и драматурга Феликса Лопе де Вега Карпио или «Кошачья сходка» Франциско де Кеведо, события которых разворачиваются на крышах при луне. Сложно сказать, целенаправленно ли были выстроены эти референции автором (до сих пор никто из исследователей не отмечал эти очевидные для нас параллели), но зная, насколько глубоко знал и изучал Элиот литературу европейского барокко, эта литературная ироикомическая феллинистическая линия им подразумевалась как часть общеевропейской анималистической традиции. И, конечно же, для знатока английской литературы тюдоровской эпохи (напомним, что Элиот читал учебные лекции по средневековью) очевидно, что на английской почве подобные сцены кошачьих сходок изображены в романе У. Болдуина «Остерегайся кота!» (опубл. 1561).

Аллюзии в «Популярной науке о кошках» свидетельствуют также о том, что в начале XX в. становится популярным обращение к британской национальной фольклористике. В частности, в стихотворении «Гус, театральный кот» в строке «And I once understudied Dick Whittington's Cat» Элиот делает отсылку к историям про Дика Уиттингтона и его кота [Ricks, McCue, 20156, с. 26]. В этот период появляются различные интерпретации рассказов, которые были популярны в Англии еще с начала XVII в. Изначально эти фольклорные истории печатались в дешевых уличных изданиях, «chapbooks», аналогах русского лубка или немецкой «народной книги» (Volksbuch). В начале XVIII в. эта история была адаптирована для кукольного театра, а позднее легла в основу рождественских музыкальных спектаклей (пантомим) и других детских представлений. Сюжет повествует о путешествии джентльмена и кота, в котором их ожидают различные приключения. Дик встречает в Лондоне богатого купца, олдермена Фицваррена («grosegerous merchant, Alderman Fitzwarren») и с помощью своего кота освобождает его дом от крыс [Dale, 2008, с. 30]. Внезапная влюбленность молодого героя в дочку купца обещает счастливый конец истории, но, к сожалению, неравные браки осуждались обществом, и бедному юноше ничего другого не оставалось, как пуститься в дальнейшие приключения, с целью разбогатеть и иметь возможность жениться на даме своего сердца [Dick Wittington and His Cat]. Этот сюжет относят к «бродячим» сюжетам, а сказка внесе-

на в каталог Аарне-Томпсона (АТ, 1651, «Кот Уиттингтона»). В конце XIX – начале XX в. история о коте Уиттингтона была многократно пересказана. Ее включали в сборники народных английских сказок. В частности, сказка вошла в классическое издание английских сказок 1890 г. знаменитого английского фольклориста Джозефа Джейкобса (English Fairy Tales) и в сборник «Легенды старой Англии» (English Fairy and Folk Tales, 1906) известного ученого-антрополога и фольклориста Эдвина Хартленда (Edwin Sidney Hartland).

Интересно отметить, что еще до появления стихотворения о коте Гусе в 1938 г. Элиот упоминал kota Уиттингтона в строчках «Cat's Prologue», написанных в 1934 г.:

I am the Cat who was Dick Whittington's,
And now we'll show you how our story runs [Ricks, McCue, 20156, с. 165].

Таким образом, в «Популярной науке о кошках...» поэт дает аллюзию не только на фольклорное произведение, но и на свое собственное:

В пантомиме я времени зря не терял —
Раз kota Дика Виттингтона подменял [Элиот, 2012, с. 61].

О любви Элиота к чтению детективной литературы свидетельствуют аллюзии в стихотворении «Никтовити, преступный кот». Индийская исследовательница М. Джайдка в своей монографии «Использование Т. С. Элиотом популярных источников» пишет: «Принимая во внимание интерес Элиота к детективам, не удивительно, что он использует их элементы прямо или косвенно в своих поэтических произведениях и пьесах» [Jaidka, 1997, с. 119]. Являясь поклонником творчества Артура Конан Дойла, Элиот обращается к образу профессора Мориарти из его рассказов о Шерлоке Холмсе и использует его черты в описании своего фелинного персонажа. Это легко узнаваемый эпитет «the Napoleon of Crime», а также он наделяет своего героя внешностью главного злодея детективных историй.

Кристофер Рикс в своих комментариях к «Популярной науке о кошках...» указывает, что в стихотворении «Знание кошачьих имен» строка «Of the thought of the thought of the thought of his name» очень напоминает цитату из «Улисса» ирландского писателя, классика модернизма Джеймса Джойса: «Thought is the thought of thought» [Ricks, McCue, 20156, с. 56]. Стоит отметить, что Элиота и Джойса объединяет и тот факт, что фелинные образы фигурируют на протяжении всего их творчества [Маршания, Ушакова, 2021].

В некоторых стихотворениях книги «Популярная наука о кошках» присутствуют отсылки на произведения Редьярда Киплинга. Одним из примеров может служить первая строка стихотворения «Шимблшенкс, железнодорожный кот» (Skimbleshanks: The Railway Cat): «There's a whisper down the line», где Элиот цитирует строку из произведения «Дальний путь» (The Long Trail) Киплинга: «There's a whisper down the field where the year has shot her yield» [Ricks, McCue, 20156, с. 73].

В стихотворении «Рам-Там-Таггер», благодаря «говорящему» имени его главного фелинного героя, можно провести аналогию с Тиггером, персонажем из «Винни-Пуха» (Winnie-the-Pooh, 1926) Алана Милна. Несмотря на то, что Элиот не дает внеш-

него описания Рам-Там-Таггера, в воображении читателя, знакомого с произведением Милна, возникает образ рыжего полосатого кота, похожего на тигренка. По характеру Рам-Там-Таггер также напоминает Тиггера. Персонажу Милна В. П. Руднев дает следующую характеристику: «Тиггер — в обрисовке его характера подчеркнуты незрелость (ювенильность) и демонстративность — свойство истерика. Он стремится обратить на себя внимание...» [Милн, 1996, с. 20]. Подобно Тиггеру, персонаж Элиота также будто пытается привлечь к себе внимание своими капризами и действиями «вопреки», чем напоминает незрелого подростка, прощупывающего границы дозволенности.

Интересным представляется тот факт, что в заглавии поэтической книги авторство книги о кошках приписывается Старому Опоссуму, что является ярко выраженной аллюзией на «Сказки дядюшки Римуса» (Uncle Remus, His Songs and His Sayings: The Folk-Lore of the Old Plantation, 1881–1907) Джозеля Чандлера Харриса. В комментариях к афроамериканским сказкам указывается, что Опоссум

«на алгонкинском — „белый зверек“, небольшое млекопитающее, живущее на деревьях и ведущее ночной образ жизни. При поимке обычно пускается на хитрости, притворяясь мертвым, поэтому часто служит синонимом незадачливого хитреца» [Ващенко, 1992, с. 642].

Имеющиеся литературные факты, а также биографический контекст, свидетельства современников и биографов, позволяют утверждать, что за личностью Старого Опоссума стоит сам Элиот. Это шутовское прозвище Элиот получил от своего друга, знаменитого американского поэта Эзры Паунда, которого он в свою очередь, называл «Братец Кролик» (Breg Rabbit), о чем известно из их личной переписки, где Элиот часто обращается к Паунду как «Dear Rabbit» или даже «Rabbit ben Ezzum» [Eliot, 2013, с. 13, 43].

Таким образом, нарратор (условный автор, субъект повествования и т. п.) ассоциирует себя с легендарным героем, своими корнями уходящим в афроамериканский фольклор, что свидетельствует о том, что, став британским подданным, Элиот не забывал о своем американском происхождении. Именно американский фольклорный герой, Опоссум, рассказывает про английских кошек, создавая тем самым эффект отстранения, что способствует объективности повествования, а также возникает иллюзия «псевдонаучности», напоминающей не только о многообразной научно-популярной литературе «для чайников» эпохи потребления, но и о традиции бурлескно-пародийного эпоса. «Точка зрения», располагающаяся в ином культурном пространстве, усиливает эффект «английскости» изображаемого Опоссумом фелинного мира. Упоминание в названии произведения героя американского фольклора позволило Элиоту достигнуть комического эффекта, задав определенный иронический модус стихам книги, и вызвать у читателя различного рода ассоциации с английской и американской анималистической литературой, а также традицией нонсенса, являющейся неотъемлемой частью британской национальной культуры.

В своих комментариях к «Популярной науке о кошках» Рикс отмечает, что без внимания поэта не остались и произведения таких известных в английской литературе фигур, как Мэтью Арнолд (Matthew Arnold, «The Scholar-Gipsy») — аллюзия в стихотворении «Последний бой Тигриного Рыка»; Генри Уодсворт Лонгфелло (Henry Wadsworth

Longfellow, «The Devine Tragedy») — аллюзия в стихотворении «Знание кошачьих имен»; Джон Мильтон (John Milton, «Paradise Lost») и Элен Вуд (Mrs. Henry Wood, «East Lynne») — аллюзии в стихотворении «Гус, театральные кот»; а также многие другие. Конечно же, стоит добавить к этому ряду, зафиксированному Риксом, и аллюзии на книгу французского писателя Теофиля Готье «Домашний зверинец» (Théophile Gautier, «Ménagerie intime», 1869): например, великолепный ангорский кот Зизи мог стать прообразом Толстофера Джона.

Таким образом, в стихах «Популярной науки о кошках» представлен богатый литературный аллюзивный ряд, охватывающий различные этапы истории мировой литературы и разные национальные литературные традиции.

Кроме того, в поэтических текстах можно отметить и другого рода аллюзии — культурные (музыкальные), исторические и т. п. Примерами культурно-исторических вкраплений в «Популярной науке о кошках...» служат аллюзии на английскую фольклорную традицию «Nursery Rhymes» и национальные баллады. Строчки «come out tonight... come one come all, The Jellicle Moon is shining bright... come to the Jellicle Ball» в стихотворении «Песнь Джеллейных кошек» (The Song of the Jellicles) — это аллюзия на строки из популярной детской песенки начала XVIII в.: «Girls and boys, come out to play, / The moon doth shine as bright as day ... Come with a whoop, come with a call, / Come with a good will or not at all» [Ricks, McCue, 20156, с. 61]. Здесь же есть отсылка еще на одну «потешку»: в сочетании прилагательных «merry and bright» угадывается текст рифмовки «One finger one thumb... We'll all be merry and bright» [Ricks, McCue, 20156, с. 62].

В стихотворении «Последний бой Тигриного Рыка» строчка «I'm sure she was not drowned» является отсылкой к американской балладе (основанной на шотландской оригинальной версии) «The Ballad of the House Carpenter» [Ricks, McCue, 20156, с. 9]. Текст баллады повествует о том, как дьявол в облике любовника соблазняет замужнюю женщину. Поддавшись чувствам, она оставляет своего мужа и маленького ребенка и уезжает с ним на корабле. В конце судно терпит крушение и оба они погибают, отправляясь в ад. В «Последнем бое Тигриного Рыка» действие также происходит на корабле. По сюжету стихотворения, его главный герой Тигринный Рык, кот-убийца и Гроза Темзы, ослеплен своим объектом вожделения кошкой Леди Грызотон. В итоге похоть и страсть приводят его к гибели, как и героев баллады.

Другая историческая аллюзия заложена уже в самом названии этого стихотворения. Она повествует о битве, известной как битва Custer's Last Stand, на реке Литтл-Бигхорн в июне 1876 г. в Монтане. Сражение между коренными жителями (индейцами) и полком американской армии закончилось уничтожением последних и гибелью их знаменитого командира Джорджа Кастера. Сюжет истории о Тигрином Рыке очень напоминает эти события. Об исторических событиях свидетельствует и строка из стихотворения о Пеках и Полликах «When the Blue Bonnets Came Over the Border», аллюзия на знаменитую шотландскую балладу, о которой упоминалось ранее [Ricks, McCue, 20156, с. 9]. В качестве еще одного примера обращения к конкретным историческим событиям можно привести словосочетание «индийский полковник» («Indian Colonel») из сти-

хотворения «Гус, театральный кот», явно указывающее на период истории, когда часть Индийского субконтинента находилась под управлением Британии [Элиот, 2019, с. 380].

Отмечая интерес Элиота к популярной культуре (зрелищам мюзик-холла и цирка, комическому кинематографу, анимации, джазу и т. п.), О. М. Ушакова утверждает, что «влияние низовой культуры проявляется во многих произведениях самого Т. С. Элиота» [Ушакова, 2014, с. 43]. Так, в рефрене стихотворения о Пеках и Полликах прослеживается характерный для джазовой музыки ритм:

Bark bark bark bark
Bark bark BARK BARK [Ricks, McCue, 2015б, с. 18].

Данный рефрен одновременно отсылает нас к элиотовскому драматическому фрагменту «Суини-агонист» (Sweeney Agonistes, 1926), который заканчивается повтором:

KNOCK KNOCK KNOCK
KNOCK KNOCK KNOCK
KNOCK
KNOCK
KNOCK
KNOCK [Ricks, McCue, 2015а, с. 120].

Театральные аллюзии используются Элиотом в стихотворении про кота Гуса: упоминания имен знаменитого английского актера и режиссера Генри Ирвинга (Henry Irving, 1838–1905) и его коллеги Герберта Бирбома Три (Herbert Beerbohm Tree, 1852–1917), основавшего Королевскую академию драматического искусства. Обращение к театральному пространству не случайно: Элиот был убежден, что в театре происходит непосредственный контакт с публикой, т. к. хорошая актерская игра и талантливая постановка способны дешифровать поэтический текст и донести его до зрителя, оказывая особое эмоциональное воздействие. Обращаясь к жанру стихотворной драмы, он сознательно старался расширить рамки своего поэтического творчества.

Заключение

Таким образом, использование в поэтической книге «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» цитат и аллюзий свидетельствует о его ярко выраженной интертекстуальности, что является характерным для модернистской литературы в целом. Интертекстуальность в данном произведении Элиота представляет собой сложную систему связей между текстами и явлениями различных культурных и исторических пластов.

В стихах «Популярной науки о кошках» представлен обширный литературный аллюзивный ряд, в котором тесно переплетаются различные отсылки на библейские и мифологические сюжеты, национальные литературные традиции, исторические события, культурные (музыкальные) особенности и направления, художественные произведения поэтов, прозаиков и драматургов разных эпох и стран, и на собственную лирику Элиота. Характерной чертой модернистской аллюзии Элиота является многослойность (многосоставность), при которой один и тот образ может соотноситься с разными текстами

и культурными эпохами. Она способна одновременно отсылать к нескольким источникам и при этом позволяет автору создавать юмористический пародийный эффект или сделать акцент на моментах, существенных для осмысления произведения. Аллюзии в «Популярной науке о кошках» меняют статус текстов цикла, делают их разнородными и помогают расширить их образную структуру.

Интертекстуальность и интермедиальная сущность, заложенные в «Популярную науку о кошках», определили ее популярность в эпоху постмодерна. Они проявились наиболее ярко, когда на основе поэтического цикла о фелинных персонажах Эндрю Ллойдом Уэббером был создан всемирно известный мюзикл «Кошки» (Cats, 1981).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бахтин М. М. 1979. Эстетика словесного творчества. М. 423 с.
- Бахтин М. М. 2002. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М. М. Собрание сочинений. М.: Русские словари; Языки славянской культуры. Т. 6. 454 с.
- Ващенко А. В. (сост., автор вступ. слова). 1992. Сказки народов Америки. М.: Дет. лит. 642 с.
- Косиков Г. К. (пер., вступ. ст.). 2000. Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс. 536 с.
- Кристева Ю. 1995. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник Московского Университета. Серия 9: Филология. № 1. С. 97–124.
- Маршания К. М., Ушакова О. М. 2021. Литературная фелинофилия и анималистические ракурсы модерна (Т. Готье, Дж. Джойс, Т. С. Элиот) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 7. № 1 (25). С. 106–127. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2021-7-1-106-127>
- Милн А. А. 1996. Винни Пух и Философия обыденного языка. Winnie Пух. Дом в медвежьем углу / пер. с англ. Т. Михайловой и В. Руднева; статьи и комментарии В. Руднева. Изд. 2-е, доп., исправл. и перераб. М.: Русское феноменологическое общество. 221 с. (Серия «Пирамида»).
- Ушакова О. М. 2005. Т. С. Элиот и европейская культурная традиция = T. S. Eliot and European Cultural Tradition: монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета. 220 с.
- Ушакова О. М. 2014. Ф. М. Достоевский и Т. С. Элиот: формы репрезентации и парадоксы интерпретации // Литературоведческий журнал. № 34. С. 35–49.
- Фатеева Н. А. 2000. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М. 280 с.
- Хализев В. Е. 1999. Теория литературы. М.: Высшая школа. 400 с.
- Элиот Т. С. 2012. Практическое котоведение / пер. с англ. и коммент. С. Г. Дубовицкой. СПб.; М.: Летний сад. 96 с.
- Элиот Т. С. 2019. Старый Оппосум: Практическое руководство по котам и кошкам // Бесплодная земля; Полые люди: поэмы, стихотворения, пьесы / пер. с англ. и фр. А. Сергеева. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус. С. 360–388. 1120 с.
- Bonnet V. 2012. A World of Nonsense // Peake Studies. Vol. 12. No. 4. Pp. 31–39.

- Dale R. 2008. *Cats in Books: A Celebration of Cat Illustration through the Ages*. London: The British Library. 112 pp.
- Dick Wittington and His Cat // Storynory. URL: <https://www.storynory.com/dick-whittington-cat-london/>
- Eliot T. S. 2013. *The Letters of T. S. Eliot*. London: Faber & Faber. Vol. 4: 1928–1929. 826 pp.
- Irwin W. 2001. What Is an Allusion? // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. Summer. Vol. 59. No. 3. Pp. 287–297.
- Jaidka M. 1997. *T. S. Eliot's Use of Popular Sources*. Lewiston; NY: Edwin Mellen Press. Vol. 27. 172 pp. (Studies in British Literature).
- Machacek G. 2007. Allusion // *PMLA*. March. Vol. 122. No. 2. Pp. 522–536.
- Ricks C., McCue J. (ред.). 2015a. *The Poems of T. S. Eliot*. London: Faber & Faber. Vol. 1. Collected and Uncollected Poems. 1344 pp.
- Ricks C., McCue J. (ред.). 2015b. *The Poems of T. S. Eliot*. London: Faber & Faber. Vol. 2. Practical Cats and Further Verses. 667 pp.

References

- Bakhtin, M. M. (1979). *Aesthetics of Verbal Creativity*. [In Russian]
- Bakhtin, M. M. (2002). Answer to the Question of the Editors of the *New World*. In M. M. Bakhtin. *Collected Works* (Vol. 6). Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kultury. [In Russian]
- Vashchenko, A. V. (Ed.). (1992). *Tales of the Peoples of America*. Detskaya literatūra. [In Russian]
- Kosikov, G. K. (Trans.). (2000). *French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism*. Progress. [In Russian]
- Kristeva, Yu. (1995). Bakhtin, Word, Dialogue and Novel. *Moscow University Bulletin. Series 9: Philology*, (1), 97–124. [In Russian]
- Marshaniya, K. M. & Ushakova, O. M. (2021). Literary felinophilia and animalistic perspectives of modernity (T. Gautier, J. Joyce, T. S. Eliot). *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 7(1), 106–127. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2021-7-1-106-127> [In Russian]
- Milne, A. A. (1996). *Winnie-the-Pooh and the Philosophy of Ordinary Language*. *Winnie-the-Pooh. The House at Pooh Corner* (T. Mikhailova & V. Rudnev, Trans.; V. Rudnev, art. and coms.; 2nd rev. ed.). Russkoye fenomenologicheskoe obshchestvo. [In Russian]
- Ushakova, O. M. (2005). *T. S. Eliot and European Cultural Tradition: Monograph*. UTMN Press. [In Russian]
- Ushakova, O. M. (2014). F. M. Dostoevsky and T. S. Eliot: Forms of Representation and Paradoxes of Interpretation. *Literary Journal*, (34), 35–49. [In Russian]
- Fateeva, N. A. (2000). *Counterpoint of Intertextuality, or Intertext in the World of Texts*. [In Russian]
- Khalizev, V. E. (1999). *Theory of Literature*. Vysshaya shkola. [In Russian]
- Eliot, T. S. (2012). *Practical Cat Science* (S. G. Dubovitskaya, Trans.). Letniy sad. [In Russian]
- Eliot, T. S. (2019). Old Possum's Book of Practical Cats. In T. S. Eliot *Barren land; Hollow People: Verses, Poems, Plays* (A. Sergeev, Trans., pp. 360–388). Inostranka; Azbuka-Atticus. [In Russian]

- Bonnet, V. (2012). A World of Nonsense. *Peake Studies*, 12(4), 31–39.
- Dale, R. (2008). *Cats in Books: A Celebration of Cat Illustration through the Ages*. The British Library.
- Storynory. (n.d.). *Dick Wittington and His Cat*. <https://www.storynory.com/dick-whittington-cat-london/>
- Eliot, T. S. (2013). *The Letters of T. S. Eliot* (Vol. 4: 1928–1929). Faber & Faber.
- Irwin, W. (2001, Summer). What Is an Allusion? *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 59(3), 287–297.
- Jaidka, M. (1997). *T. S. Eliot's Use of Popular Sources* (Vol. 27). Edwin Mellen Press.
- Machacek, G. (2007, March). Allusion. *PMLA*, 122(2), 522–536.
- Ricks, C. & McCue, J. (Eds.). 2015a. *The Poems of T. S. Eliot* (Vol. 1. Collected and Uncollected Poems). Faber & Faber.
- Ricks, C. & McCue, J. (Eds.). 2015b. *The Poems of T. S. Eliot* (Vol. 2. Practical Cats and Further Verses). Faber & Faber.

Информация об авторе

Кристина Михайловна Маршания, кандидат филологических наук, ассистент центра иностранных языков и коммуникативных технологий, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
christy-m@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0218-0079>

Information about the author

Kristina M. Marshaniya, Cand. Sci. (Phylol.), Junior Lecturer, Center for Foreign Languages and Communication, University of Tyumen, Tyumen, Russia
christy-m@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0218-0079>

Экзистенциальная амбивалентность юного Лермонтова: Байрон или другой?

Лев Олегович Мысовских

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
Контакт для связи: levmisov@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ экзистенциальной амбивалентности художественного сознания юного М. Ю. Лермонтова, показывая, каким образом русский поэт одновременно был и не был Байроном. Основанием этому послужил тот факт, что в ранних произведениях Лермонтова проявлялись как концепт тревоги, описанной в теориях Кьеркегора, которую русский поэт был вынужден преодолеть, так и переходная амбивалентность по отношению к ключевым компонентам психологии и эстетики Байрона. Эта двойственность заставляла Лермонтова открыто принимать Байронических персонажей и сюжетные линии, одушевляющие их. Отмечая общие черты между Лермонтовым и Байроном, автор статьи показывает, как обнаруженная экзистенциальная амбивалентность в итоге придала Лермонтову особую независимость от Байрона. Ибо его двойственное отношение к Байрону отодвинуло Лермонтова от романтизма, который Байрон так ярко представлял, и поместило русского поэта в среду постромантизма. Сравнивая корсаров, созданных Байроном и Лермонтовым, автор статьи заключает, что Лермонтов перенял внешние атрибуты поэмы Байрона в структуре, сюжете, обстановке, поворотах сюжета и мрачной эмоциональности. Но при этом Михаил Юрьевич ослабил динамический потенциал данных атрибутов, поворачивая историю внутрь, замедляя ее темп, уменьшая центрального персонажа и вообще воздерживаясь от эстетического изобилия, психологических усилий и высокой морали, которые придавали «Корсару» Байрона привлекательность. Эти ослабления отражают амбивалентное отношение к Байрону с самого начала писательской деятельности Лермонтова. Автор статьи приходит к выводу, что Лермонтов осознавал несоответствие романтизма духу его времени, в результате чего «небайроническую» поэзию Лермонтова можно рассматривать как яркий пример затруднительного положения художника, испытывающего эстетиче-

ское влияние еще авторитетного течения в переходный период, когда художник одновременно благоговееет, сомневается и отходит от выдающейся модели вместе с идеалами эпохи, которые он неумолимо оставляет позади, погружаясь в неизведанную пучину нового культурного направления.

Ключевые слова: русская литература, зарубежная литература, теория литературы, экзистенциализм, философия, Лермонтов, Байрон, поэзия, романтизм, свобода воли

Цитирование: Мысовских Л. О. 2023. Экзистенциальная амбивалентность юного Лермонтова: Байрон или другой? // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 1 (33). С. 58-77. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-58-77>

Поступила 17.12.2023; одобрена 29.03.2023; принята 31.03.2023

The existential ambivalence of the young Lermontov: Byron or the other?

Lev O. Mysovskikh

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Corresponding author: levmisov@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the existential ambivalence of the artistic consciousness of the young Russian poet M. Yu. Lermontov, who both was and was not Byron. Evidence for that lies in the fact that Lermontov's early works manifest the concept of anxiety described by Kierkegaard's, which the Russian poet was forced to overcome, as well as the transitional ambivalence in relation to the key components of Byron's psychology and aesthetics. This duality forced Lermontov to openly accept Byronic characters and the storylines animating them. Recognizing these common features, the author of the article shows how the discovered existential ambivalence eventually gave Lermontov a special independence from Byron. For his ambivalent attitude towards Byron pushed Lermontov away from romanticism, which Byron so vividly represented, and placed the Russian poet into post-Romanticism. Comparing the corsairs created by Byron and Lermontov, the author of the article concludes that Lermontov adopted the external attributes of Byron's poem in structure, plot, setting, plot twists, and gloomy emotionality. At the same time, Lermontov weakened the dynamic potential of these attributes, turning the story inward, slowing down its pace, reducing the central character and generally refraining from aesthetic

abundance, psychological efforts, and high morality, which gave Byron's "Corsair" attractiveness. These weaknesses reflect an ambivalent attitude towards Byron from the very beginning of Lermontov's writing activity. The author of the article comes to the conclusion that Lermontov was aware of the inconsistency of Romanticism with the spirit of his time, as a result of which Lermontov's "non-byronic" poetry can be considered as a vivid example of the predicament of an artist experiencing the aesthetic influence of an authoritative current in a transitional period when the artist simultaneously reveres, doubts, and departs from an outstanding model along with the ideals of the era that he inexorably leaves behind, plunging into the unknown abyss of a new cultural direction.

Keywords: Russian literature, foreign literature, literary theory, existentialism, philosophy, Lermontov, Byron, poetry, romanticism, free will

Citation: Мысовских Л. О. (2023). The existential ambivalence of the young Lermontov: Byron or the other? *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9(1), 58–77. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-58-77>

Received Dec. 17, 2023; Reviewed Mar. 29, 2023; Accepted Mar. 31, 2023

Введение

В 1832 г. юный Лермонтов написал стихотворение «Нет, я не Байрон, я другой», в котором сравнивал себя с британским поэтом, утверждая, что он «еще неведомый избранник», который, как и Байрон, гоним миром, «но только с русской душой» [Лермонтов, 2014а, с. 235]. Затем с жутким предвидением, как будто предсказывая свою преждевременную смерть всего через девять лет, Лермонтов утверждает: «Я раньше начал, кончу ране» [Лермонтов, 2014а, с. 235]. Стихотворение звучит не столько как декларация личной и литературной независимости, сколько как жалоба разочарования: я не Байрон — увы... Хотя юный Лермонтов, возможно, говорил здесь не от своего имени, а просто голосом поэтической личности, его влечение к Байрону — один из немногих хорошо документированных фактов его биографии. Многие критики считают, что идентификация с Байроном лежит в основе литературной идентичности Лермонтова, особенно на этапе ее становления. Хотя также отмечается и тот факт, что русский поэт «не просто усваивал опыт Байрона, а творчески его перерабатывал, переплавляя и прислушиваясь к своему гению» [Кондратенкова, 2011, с. 179].

Тем не менее стихотворение «Нет, я не Байрон, я другой» интерпретируется и как осознание юным поэтом «своей собственной уникальной экзистенции, иной ситуации и признания независимости своей личности» [Мысовских, 2022б, с. 109], после чего Лермонтов уже самостоятельно посредством творчества «формирует идеал человеческой экзистенции» [Мысовских, 2022, с. 87]. Данная интерпретация в полной мере вписывается в экзистенциальную доктрину, определенную уже в XX в. Мартином Хайдеггером: «Сущность существа заключается в его экзистенции» [Heidegger, 2001,

с. 298]. Объяснение стремления художника к творческой самоидентификации можно обнаружить в современных исследованиях экзистенциального типа художественного сознания, где представлены выводы о том, что «экзистенциальный компонент человеческого сознания — один из самых устойчивых в личностном самоосознании человека в мире» [Заманская, 2002, с. 23].

Безусловно, Лермонтов не был русским Байроном, о чем свидетельствуют многочисленные различия между двумя поэтами: критики чаще всего видят в Лермонтове более глубокое чувство природы, более широкую объективность, большую историческую и психологическую конкретность, а также более простой язык и синтаксис [см. Пугачёв, 2014; Алексеев, 2016]. Но ни у кого, похоже, нет особых сомнений в том, что (по крайней мере в юности) Лермонтов действительно мечтал стать Байроном — не только Байроном-художником, но и Байроном-исторической личностью, настолько тесно они были связаны для Лермонтова. В связи с этим Б. М. Эйхенбаум писал: «Причина особенного увлечения Лермонтова Байроном была вне литературы — Байрон был для него идеалом „великого человека“» [Эйхенбаум, 1924, с. 27]. Указанием на внелитературный характер увлечения Лермонтова Байроном можно считать также утверждение, что «апеллируя к Байрону и байронизму, Лермонтов освящал свой собственный образ жизни как либертена, оправдывал тип сексуального поведения, которое было присуще не только его герою, но и ему самому» [Виролайнен, Карпов, 2015, с. 21].

В данной статье мы проанализируем экзистенциальную амбивалентность художественного сознания юного Лермонтова и покажем, каким образом русский поэт одновременно был и не был Байроном, основываясь на том факте, что в ранних произведениях Михаила Юрьевича проявлялась тревога Кьеркегора, которую Лермонтов был вынужден преодолеть, и переходная амбивалентность по отношению к ключевым компонентам психологии и эстетики Байрона. В современных сопоставительных исследованиях трудов Кьеркегора и Лермонтова представлен вывод о том, что

«творчество Кьеркегора, провозглашающее иррационалистическую природу человеческого бытия, обращенное к интимно-личностным переживаниям и рефлексии самонаблюдения, неразрывно связано с его личной жизнью, что можно справедливо сказать и о творчестве Лермонтова» [Кириллова, Улитина, 2015, с. 114].

Экзистенциальная амбивалентность заставляла Лермонтова открыто принимать байронических персонажей и сюжетные линии, одушевляющие их. Признавая общие черты между Лермонтовым и Байроном — от заимствованных строк до общности характеров и схожих философских наклонностей — настоящее исследование покажет, как эта экзистенциальная амбивалентность в итоге придала Лермонтову особую независимость от Байрона. Нередко Лермонтова рассматривают «как одного из представителей русского романтизма» [Седина, 2010, с. 148]. Однако в данной статье мы покажем, как двойственное отношение Михаила Юрьевича к Байрону отодвинуло русского классика от романтизма, который Байрон так ярко представлял, и поместило Лермонтова в среду постромантизма.

Результаты и обсуждение

Байрон и байронический герой

Г. Г. Байрон достиг своего высокого статуса во многом благодаря изобретенному им символическому типу главного героя, который стал известен как байронический герой, изображенный главным образом в его относительно ранних произведениях, особенно в так называемых «Восточных поэмах», написанных между 1813 и 1816 г. Этот тип персонажа, с которым неизбежно отождествился сам Байрон, совершал невероятные подвиги, испытывая экстравагантную любовь, неослабевающее социальное отчуждение, космическое отчаяние и всепоглощающую потребность в индивидуальной свободе даже ценой преступления или смерти. Многие из этих характеристик «перекочуют» в XX в. в «арсенал» абсурдистских и экзистенциальных героев. Отметим, что в современных исследованиях показана состоятельность ретроспективного применения разработок экзистенциальных теорий XX в. к произведениям художественной литературы предшествующих периодов, в т. ч. для «ретроспективного исследования художественной литературы, например, XIX в., включая и русскую литературу» [Мысовских, 2022а, с. 30]. Что же касается Байрона, то независимо от того, насколько мрачна тема, насколько ужасны обстоятельства или насколько отчаявшиеся персонажи изображены в его произведениях, он наполняет свою поэзию буйным ритмом, свидетельствующим о деятельном восприятии даже самых мрачных аспектов человеческого существования.

Байрон, с произведениями которого Лермонтов столкнулся в ранней юности, представлялся поэтом легендарной смелости, чьи титанические герои были под стать своему создателю. Но Лермонтов отличался от русских байронистов его времени тем, что если их привлекала либо «светлая» сторона Байрона — его дух независимости, мужество и любовь к свободе — либо «темная» сторона — его выражение отчуждения, разочарования и отчаяния — то Лермонтов ответил Байрону более глубоким амбивалентным чувством.

«Байронические» произведения Пушкина и Лермонтова: общее и особенное

Сходство между «байроническими» произведениями Пушкина и Лермонтова, безусловно, предполагает, что публичное поведение Пушкина и опубликованные им стихи могли вызвать или, по крайней мере, поощрять восхищение Лермонтова и способствовать подражанию Байрону. Нельзя отрицать, что оба русских поэта демонстрировали неоднозначное отношение к Байрону в своих ранних произведениях, действие которых происходило на Кавказе: они переняли любимую форму Байрона, повествовательное стихотворение — поэму — но ограничили ее повествовательную силу; они использовали байронические экзотические декорации и страстные сюжеты, но приуменьшали их; они изображали, казалось бы, типичных байронических персонажей, а затем оказывалось, что последние не соответствуют байроновскому масштабу и жизненной силе; они демонстрировали байроническое осознание угроз человеческому духу, исходящих

от пассивности и зависимости, но останавливались перед ними в нерешительности при полном одобрении байроновских идеалов самопожертвования, активности и трансцендентности.

При всем сходстве между реакциями Пушкина и Лермонтова на Байрона, проявившемся в их «байронических» произведениях, существуют и явные различия. Это, на наш взгляд, вполне объяснимо, ибо Лермонтов впервые столкнулся с произведениями Байрона в конце 1820-х гг., когда еще был подростком, а Байрон уже умер; тогда как Пушкин впервые познакомился с творчеством английского поэта на несколько лет раньше, при жизни Байрона, когда Пушкину было чуть за двадцать. Таким образом, для Пушкина Байрон был менее мифической фигурой, чем для Лермонтова, а сам Пушкин был более зрелым, опытным и способным к отстраненности, нежели Лермонтов, очень талантливый, но неопытный и влюбчивый подросток. Более того, Пушкин писал свои «байронические» стихи в то время, когда романтизм всё еще входил в культурный бэкграунд России. Напротив, Лермонтов сочинил свою «байроническую» поэзию в то время, когда романтизм начал угасать. Таким образом, ранние «байронические» произведения Лермонтова соответствуют больше постромантической амбивалентности по отношению к идеям и идеалам, лежащим в основе поэзии Байрона, чем пушкинские, с их более отстраненным, избирательным использованием этих идей и идеалов.

Лермонтов проявил свою особую амбивалентность по отношению к Байрону, среди прочего, привнеся больше эстетических, психологических и этических концепций, центральных для Байрона, в свои «южные» стихи, чем это сделал Пушкин, в то же время выразив более глубокое разочарование в этих концепциях, поскольку он ослабил их влияние и поставил под сомнение их значимость. В то время как Пушкин перешел от восхищения Байроном к относительному безразличию к нему как в жизни, так и в искусстве, Лермонтов оставался эмоционально и эстетически увлеченным Байроном и его произведениями до конца, моделируя свое поведение на основе творчества Байрона более широко и более интенсивно, чем Пушкин, работая с байроническими образами, персонажами и темами. Таким образом, Лермонтов вложил в свои произведения более характерное, искреннее и стойкое двойственное отношение к Байрону, чем его блестящий русский предшественник.

Эти различия подтверждают вывод о том, что, несмотря на какое-либо вдохновение или влияние, исходящее от Пушкина, Лермонтов ответил Байрону самостоятельно. Поэтому последующее рассуждение будет сосредоточено на сравнении раннего творчества Лермонтова с «Восточными поэмами» Байрона. К тому же в юности Лермонтов повсюду носил с собой копии стихотворений Байрона, а не Пушкина. Наш анализ далее будет направлен на прояснение качеств, которые должны были характеризовать байронизм Лермонтова — или, скорее, его «небайронизм». Ибо, сознательно или нет, Лермонтов всё больше отдалял свои стихи от стихов Байрона и от романтизма, воплощенного в творчестве английского поэта.

«Корсары» Лермонтова и Байрона

Одна из «Восточных поэм» Байрона — «Корсар» — дает особенно интересную возможность сравнить Байрона и Лермонтова и понаблюдать за тем, как Лермонтов использовал Байрона. Есть веские основания полагать что Лермонтов взял произведение английского поэта за образец для своей собственной поэмы «Корсар», являющейся единственным из произведений Лермонтова, имеющим общее название с одним из произведений Байрона. Хотя нет прямых доказательств того, что Лермонтов действительно знал поэму Байрона, когда писал своего «Корсара» (он цитировал байроновского «Корсара» годы спустя), идентичность названия и чуждость его для русского языка делают знакомство Лермонтова с поэмой Байрона почти несомненным.

Поскольку Лермонтов написал «Корсара», когда ему было около четырнадцати лет, нельзя было ожидать, что его поэма сможет соперничать с версией Байрона, опубликованной, когда Байрону было двадцать шесть. Тем не менее это почти сверхъестественным образом определяет модели реакции на Байрона, которые останутся с Лермонтовым до его преждевременной смерти. И даже если Лермонтов тогда не знал «Корсара» Байрона, сравнение этой символической байронической композиции с «Корсаром» Лермонтова подчеркивает зарождающийся «небайронизм» Лермонтова и раскрывает его формирующуюся амбивалентность по отношению к своему самому влиятельному предшественнику и к романтизму в целом.

Поэма Байрона, написанная всего за десять дней, повествует о приключениях Конрада, предводителя корсаров, который является образцовым байроническим героем — гордым, сдержанным, социально отчужденным, злым, благородным, любящим свободу, спасающимся от таинственного прошлого. Несмотря на то что Конрад по уши влюблен в Медору, с которой он живет в убежище на острове, он оставляет ее и отправляется в набег за сокровищами турецкого паши Сеида. Взятый в плен Сеидом, Конрад позже освобождается любимой наложницей Сеида, которую Конрад спас во время рейда и которая в ответ спасает Конрада, убивая Саида во сне. Затем Конрад возвращается на свой остров и обнаруживает, что Медора умерла. Раздавленный потерей своей возлюбленной, он таинственным образом исчезает, и больше о нем никто никогда не слышал. «Корсар» Байрона мгновенно стал «бестселлером».

Жизнь, смелость и активность в сочетании с приступами героического уныния — вот качества героев «Восточных поэм», которые захватили воображение публики. Это были романтические этические ценности, которые оживляли персонажей поэм Байрона и определяли эстетические формы, через которые он представлял этих персонажей. Быть полным жизни — значит охватить максимально широкий спектр человеческого опыта; быть смелым — значит рисковать, не пасуя перед любыми опасностями, исходящими от этого опыта; быть активным — значит участвовать в опыте.

Эти вдохновляющие этические ценности, несомненно, способствовали развитию тех самых качеств, которые так привлекали Лермонтова к произведениям Байрона, и в первую очередь к самому Байрону. В конечном счете, однако, именно постромантическое сомнение в этих байронических ценностях — подозрение, что жизнь, смелость и активность были иллюзорными в социальной среде Лермонтова, — отделило русско-

го «Корсара» и в той или иной степени все произведения Лермонтова от творчества Байрона, несмотря на сходство, свидетельствующее о продолжающемся влечении Лермонтова к Байрону.

Помимо названий, обе поэмы обладают одинаковой трехчастной структурой и в значительной степени одинаковой обстановкой — оккупированные турками греческие острова. Основные сюжеты также идут параллельно: изображаются подвиги банды корсаров, совершающих налеты на турецкие корабли и крепости; оба автора сосредоточены на опыте одного корсара; и оба намекают на то, что между этим корсаром и пленницей, спасенной от турок, могут возникнуть любовные отношения. Корсары также демонстрируют некоторое сходство: оба отчуждены от общества; обременены воспоминаниями о жестоком обмане и разочаровании; возмущены турецким притеснением греков; проявляют способность любить и страдать из-за любви.

Но там, где сходство заканчивается, начинается «небайронизм» Лермонтова. Ибо в рамках байроновской концепции молодой Лермонтов начал разыгрывать то, в чем он не был Байроном, то, в чем он не мог полностью принять романтизм.

Байрон описывает своего Корсара, который почти в два раза длиннее лермонтовского, в натянутых героических двустопных традиционного пятистопного ямба, используя мужские рифмы. Лермонтов, напротив, выбирает типично русские, более свободные четырехстрочные группировки в ямбическом тетраметре, чередующиеся мужскими и женскими рифмами в различных узорах внутри каждой четырехстрочной группы. Более жесткая схема рифм Байрона и более длинная ритмическая линия придают его произведению динамичную, неизменно драматическую энергию, соответствующую его быстро меняющемуся сюжету, в то время как изменяющаяся схема рифмы Лермонтова и более короткие строки, как правило, создают изменяющийся темп повествования, подходящий как для отсутствия действия, так и для его присутствия. Поэма Байрона также излагается от третьего лица безличным, всезнающим рассказчиком, который представляет яркий описательный отчет о нескольких днях из жизни Конрада и его банды, иногда позволяя персонажам говорить самим за себя и делая паузы для нескольких отступлений от повествования, редко привлекая к себе внимание. Лермонтов вместо этого привлекает рассказчика от первого лица.

Поэма Байрона начинается с того, что пираты поют хвалебную песнь неограниченным радостям пиратского существования:

Наш вольный дух вьет вольный свой полет
Над радостною ширью синих вод:
Везде, где ветры пенный вал ведут, —
Владенья наши, дом наш и приют [Байрон, 1953, с. 150].

Передавая ритмичный шум волн наряду с торжествующим упоением пиратов своей свободой от условных ограничений жизни, эти строки задают энергичный темп и тон, которые управляют повествованием на протяжении всей поэмы, даже когда изображаются моменты самого мрачного ужаса и глубочайшей скорби Конрада.

Вступительные строки Лермонтова также задают темп и тон произведения, но с совершенно иным эффектом. Неназванный рассказчик сразу же привлекает к себе внима-

ние, а затем продолжает подробно описывать свое плохое физическое и эмоциональное состояние:

Друзья, взгляните на меня!
Я бледен, худ, потухла радость
В очах моих, как блеск огня;
Моя давно увяла младость,
Давно, давно нет ясных дней,
Давно нет цели упования!..
Исчезло всё!.. одни страданья
Еще горят в душе моей [Лермонтов, 2014б, с. 34].

Его несчастья, его разочарования, его страдания — вот темы повествования этого корсара, уходящие корнями в события далекого прошлого, которые он вплетает в описание своих нынешних страданий. Лермонтовский корсар мог бы хорошо вписаться в мрачный мир основателя экзистенциализма Сёрена Кьеркегора, где царит всепоглощающее отчаяние, которое имманентно присуще человеку: «Отчаяние — в нас самих» [Кьеркегор, 2014, с. 32].

Хотя Байрон использует в своей поэме обширный словарный запас, он позволяет глаголам и глагольным формам, передающим действие, доминировать в произведении, создавая быстрый ход событий и усиливая переживания читателя. Например, вскоре после битвы, во время которой Конрад был взят в плен, рассказчик сообщает:

Лишь час прошел — и в этот час пират
Покинул бриг, носил чужой наряд,
Был узан, дрался, взвил пожара гул,
Губил, спасал, взят, осужден, уснул! [Байрон, 1953, с. 160]

Лермонтов идет другим путем, делая акцент на реакции, а не на действии, полагаясь на слабые, часто пассивные глаголы и отдавая предпочтение существительным и прилагательным, особенно тем, которые относятся к эмоциональным или духовным состояниям. Соответственно, его корсар отвечает на смерть любимого брата такими словами:

Он умер! — страшным восклицаньем
Сражен я вдруг был с содроганьем,
Но сожаленье, не любовь
Согрели жизнь мою и кровь... [Лермонтов, 2014б, с. 35]

Лермонтов выбирает существительные даже для обозначения действий: плакать/восклицаньем и дрожать/содроганьем. Байрон же предпочитает глаголы даже для того, чтобы изобразить бездействие.

Характер корсара Лермонтова так же сильно отличается от характера Конрада, как и формальные признаки произведений, которые их изображают. Хотя оба главных героя испытывают одиночество и горечь утраты, Конрад всегда остается героической фигурой. Фактически, в нем присутствуют зачатки ницшеанского сверхчеловека. Непревзойденный человек действия, он не просто принадлежит к пиратской банде, он командует ею как харизматичный лидер, который редко говорит, но чей мощный ум

последовательно подчиняет чужую слабость своей воле. Само его присутствие настолько внушительно, что даже после того, как он взят в плен, всё еще в его суровом и собранном виде присутствует больше завоевателя, чем пленника, поскольку он изо всех сил старается не показать миру никаких признаков слабости. Поэтому его самый большой страх перед перспективой смерти — это не сама смерть, а то, что он будет кричать от боли. И когда он видит ужасное зрелище трупа своей любимой жены, он горько, но недолго плачет втайне.

В разительном контрасте с мощно нарисованным байроновским Конрадом безымянный корсар Лермонтова выглядит довольно маленьким и несколько жалким, что удивительно, поскольку можно было бы ожидать, что автор-подросток придумает дерзкого, мелодраматичного, безрассудного героя. Но корсар Лермонтова не только безымянен, он даже не капитан пиратов, а всего лишь один из членов пиратской шайки — не лидер, а последователь. Корсар Лермонтова хотел бы быть Конрадом или, по крайней мере, быть похожим на Конрада, о чем свидетельствует следующее заявление: «Самим собою недоволен, / Желая быть спокоен, волен» [Лермонтов, 2014б, с. 35] — где перечисляются качества, которые фактически определяют Конрада, но которые ускользают от его анонимного потомка.

Конрад покидает свою Родину, чтобы стать корсаром в знак неповиновения после акта предательства, в то время как корсар Лермонтова объясняет, что покинул свою Родину, страдая от экзистенциального отчаяния, потому что «неверная жизнь» обманула его, позволив умереть любимому младшему брату у него на глазах. После этой смерти он начинает бесцельно бродить по берегам Дуная в нищете, терзаемый чувством экзистенциальной отчужденности от мира. И хотя он импульсивно решает покинуть свою родную землю, тем не менее, он сначала возвращается, чтобы снова оплакать могилу своего брата, сообщая, что:

И долго, долго я в молчанье
Стоял над камнем гробовым...
Казалось, веяло в страданье
Каким-то холодом сырым [Лермонтов, 2014б, с. 37].

Когда он, наконец, уходит, то идет «неверными шагами» — неопределенность, невысказанная для Конрада. Корсар Лермонтова словно стоит перед экзистенциальным выбором, страдая от сомнений, которых Конрад никогда не испытывал.

В конечном счете добравшись до Греции для войны с турками, печальный герой Лермонтова выходит в море с группой корсаров, но не из каких-то политических или социальных убеждений и даже не из юношеского стремления к приключениям, а потому, что он полагает:

... Ах, думал я,
Война, могила, но не горе,
Быть может, встретят там меня [Лермонтов, 2014б, с. 41].

Следовательно, в отличие от Конрада, которым движет гнев из-за предательства, стремление вести героическую, жестокую, преступную жизнь, корсар Лермонтова

мотивирован неумолимым страданием, вынуждающим его искать любое спасение от душевной боли — даже в смерти. Подобная экзистенциальная ситуация описана в мрачных теориях Кьеркегора: «По мере того как смерть становится надеждой, отчаяние — это безнадежность, состоящая в невозможности даже умереть» [Кьеркегор, 2014, с. 34]. Более саморазрушительный, чем Конрад, лермонтовский корсар не имеет определенной цели, никакой позитивной причины, какой бы бунтарской она ни была. Лишенный каких-либо идеалов, он не столько разочарован, сколько психологически побежден, невосприимчив к соблазнам жизни, что в результате ведет его к тревоге и отчаянию. Поэтому он равнодушно погружается в любую деятельность, которая попадает ему на пути.

Следовательно, там, где Конрад сдерживает и скрывает свою печаль, лермонтовский корсар, лишенный цели в жизни, погрязает в ней: «Всё говорило мне, что радость / Навеки здесь погребена» [Лермонтов, 2014б, с. 37].

Даже после того, как он вступил в полную приключений пиратскую жизнь, он признается, что грустил, томился, лил слезы, вспоминая свое идиллическое детство, теперь навсегда потерянное. А будущее ему представляется еще более печальными безнадежным. И, наконец, в то время как Конрад исчезает в конце поэмы, чтобы стать еще более загадочной фигурой, корсар Лермонтова застывает на месте, являя собой бездуховную, эмоционально окаменевшую фигуру нереализованности: «Но с тех же пор я омертвел, / Для нежных чувств окаменел» [Лермонтов, 2014б, с. 45].

Получивший эмоциональную травму в юности, он не может проявить сверхчеловеческую психологическую силу, присущую Конраду и позволяющую подняться над своей болью, он может только воздвигнуть эмоциональную стену против ее повторения.

Неудивительно, что эти психологические различия между корсарами Байрона и Лермонтова переносятся в этику обоих персонажей. Конрад — в некотором роде этический идеалист, который берет на себя полную ответственность за свои злодеяния, никогда не поступаясь при этом собственным моральным кодексом. Хотя последняя строка поэмы Байрона увековечивает своего персонажа как человека, который останется «с одной любовью, с тысячью злодейств» [Байрон, 1953, с. 169], на самом деле он демонстрирует множество добродетелей. Он ценит правду и презирает лицемерие. Он ценит мужество и верность. Он — воплощенный рыцарь, стремящийся спасти женщин из гарема Сеида, попавших в ловушку пожара, даже ценой потери тактического преимущества в битве с охраной Сеида. У него обостренное чувство справедливости, поэтому он не жалуется на мучительную форму казни, — которую Сеид назначает ему, потому что, признает Конрад, он бы назначил Сеиду такой же конец. Более того, Конрад отказывается убивать спящего и беззащитного Сеида, когда появляется шанс спасти свою жизнь, потому что хладнокровному убийству недостает чести открытого боя. Конрад — воплощение моральных принципов, основанных на открытости, чести и постоянстве.

У Корсара Лермонтова нет ни одного из этих принципов. Погруженный в себя и жалеющий себя, он не проявляет высоких моральных качеств. Не берет на себя ответственность за свои действия и их последствия. Часто он считает себя жертвой сил, находящихся вне его контроля:

Я слезы лил. Не зная Бога,
Мне жизни дальняя дорога
Была скользка; я был, друзья,
Несчастный прах из бытия.
Как бы сражаясь с судьбою,
Мятежной ярости полна,
Душа, терзанью предана [Лермонтов, 2014б, с. 43].

Он проклинает судьбу за то, что она заставила его уничтожить «почти всё то, что [он] любил» [Лермонтов, 2014б, с. 38]. И он не принимает на себя никакой вины за это. Он также не придерживается какого-либо морального кодекса, который последовательно руководил бы его действиями. Он может только терпеть и оплакивать пустоту жизни, не формулируя никакого представления о том, какие переживания могли бы наполнить ее содержанием и ценностью. Несмотря на все его байронические приключения, корсар Лермонтова представляет собой фактически антитезу байроновскому этическому видению человеческого существования.

Подводя итог сравнению двух корсаров, можно сказать, что Лермонтов перенял внешние атрибуты поэмы Байрона в структуре, сюжете, обстановке, поворотах сюжета и мрачной эмоциональности. Но он ослабил динамический потенциал этих атрибутов, поворачивая историю внутрь, замедляя ее темп, уменьшая ее центрального персонажа и вообще воздерживаясь от эстетического изобилия, психологических усилий и высокой морали, которые придавали «Корсару» Байрона такую привлекательность. Таким образом, эти ослабления отражают амбивалентное отношение к Байрону с самого начала писательской деятельности Лермонтова.

Поэма «Измаил-Бей» как экзистенциальный манифест «небайронизма»

Конечно, можно предположить, что нерешительность, душевное непостоянство, сомнения, которые демонстрирует корсар Лермонтова, просто свидетельствуют о художественных трудностях юного поэта в передаче восторга жизни, уверенности в себе, экзальтации деятельности, которые так мощно передают произведения Байрона. Другими словами, «Корсар» Лермонтова может быть скорее неудачной попыткой вписаться в байроническую форму, чем ранним, красноречивым отходом от этой формы. Но в этом есть сомнения. Вероятно, «Корсар» был предвестником эстетической и этической чувствительности, которая отличала и отдаляла Лермонтова от байроновского романтизма.

Изучение поэмы «Измаил-Бей» — возможно, самого амбициозного байронического произведения Лермонтова — еще раз демонстрирует, что «небайронизм» Лермонтова был гораздо большим, чем простым клише. В данной поэме, написанной в 1832 г. (в том же году, что и стихотворение «Нет, я не Байрон»), Лермонтов демонстрирует ту же постромантическую амбивалентность по отношению к Байрону, которую он проявил в «Корсаре». Конечно, можно было бы рассматривать и «Корсара», и «Измаил-Бея» как образцы «темного» романтизма, окрашенного меланхоличными и пес-

симистическими настроениями, которые проявляются во всем романтизме. Однако эти настроения у Гёте, Байрона, Шатобриана и других романтиков обладали мучительной эмоциональной живостью и интенсивностью, порожденными страстным стремлением преодолеть тьму, если не в этом мире, то в следующем. Но тьме, окутывающей поэзию Лермонтова, недостает этой жизненности и интенсивности. Эта темнота, скорее, серая, чем черная, она выдает, скорее, упадок сил, чем по-настоящему мучительное эмоциональное состояние. Поэтому произведения Лермонтова относятся к эмоционально ослабленной, морально и художественно двусмысленной атмосфере постромантизма, которая утратила жизненную силу и интенсивность, делавшие романтизм таким притягательным даже в его самых мрачных проявлениях.

Восточная повесть «Измаил-бей» была вдохновлена рассказами, которые Лермонтов слышал в юности об Измаил-бее Атажукине, благородном черкесе из горного племени, который отличился в боях против турок после того, как его семья отправила его служить в русскую армию. В поэме Лермонтов рассказывает собственную версию возвращения Измаила к своему народу, когда его осаждают русские войска, добавляя вымышленный рассказ о молодой женщине, которая влюбляется в Измаила, и завершая повествование убийством главного героя, которое совершает его брат Рослаббек из ревности к популярности Измаила среди соплеменников.

Критические оценки поэмы «Измаил-бей» были неоднозначными. Но каковы бы ни были эстетические достоинства данного произведения, нет никаких сомнений в том, что по сравнению с более ранними поэтическими опытами Лермонтова, включая «Корсара», «Измаил-бей» гораздо искуснее. Хотя «Измаил-бей» был написан всего через четыре года после «Корсара», он показывает, что Лермонтов за это время многому научился и приобрел достаточно художественного мастерства и уверенности, чтобы сделать поэму «Измаил-Бей» гораздо более сложной в структурном отношении, значительно более богатой в плане языковой составляющей и гораздо более насыщенной персонажами и событиями, чем любая из его предыдущих работ.

Однако каким бы относительно утонченным и поэтически зрелым ни был «Измаил-бей», Лермонтов, не колеблясь, указывает на свой долг перед Байроном, давая своему произведению подзаголовок «Восточная повесть». Экзотическая обстановка на Кавказе, нерусская терминология, начиная с почетного «бей», атмосфера страстных эмоций, таких как любовь, ненависть, ревность и месть, периодическая стремительность действий, внезапные повороты событий и печальный исход — всё это подтверждает связь «Измаил-бея» с «Восточными поэмами» Байрона. И Лермонтов далее подтверждает свою байроническую добросовестность, прикрепляя эпиграфы к частям 1 и 3 «Измаил-бея», которые взяты соответственно из байроновского «Гяура» и «Лары». Лермонтов также заимствует у «Лары» характер и историю Калед, которую он воплощает в Заре, молодой женщине, беззаветно преданной Измаилу. Все эти аспекты «Измаил-бея» делают его гораздо более продуманным продуктом влияния Байрона, чем более ранний «Корсар».

В то же время Лермонтов создает совершенно иной тип поэмы, которая при определенном соответствии одновременно и отличается от своих байроновских предше-

ственников. Ибо в «Измаил-Бее» Лермонтов размывает и ослабляет байронические повествовательные компоненты, которые он включает, оставляя в некотором роде незавершенными, одновременно принимая и отвергая эстетические, психологические и моральные ценности, которые они представляют. Лермонтов достигает этого эффекта в немалой степени благодаря формальным характеристикам. Первая из них — это объем поэмы, который позволяет Лермонтову уменьшить эмоциональное воздействие любого отдельного персонажа или эпизода. Лермонтов придает своему повествованию романистические качества, изображая многочисленные декорации, сцены, персонажей и действия — многие из которых сами по себе можно было бы считать байроническими, но другие из них совершенно «небайроничны» в своей обыденности. Например, Лермонтов изображает обыденную ситуацию в черкесской деревне:

Здесь в летний день, в полдневный жар,
Когда с камней восходит пар,
Толпа детей в траве играет,
Черкес усталый отдыхает;
Меж тем сидит его жена
С работой в сакле одиноко [Лермонтов, 2014б, с. 165].

Такому обыденному, ничем не примечательному моменту не нашлось бы места в «Восточных поэмах» Байрона.

Еще больше, чем объем «Измаил-бея», его повествовательная структура увеличивает разрыв между Лермонтовым и Байроном. В поэмах последнего используются простые структуры, где рассказчик быстро, но красноречиво ведет читателя по экзотическим географическим и эмоциональным ландшафтам. Рассказчики Байрона отвлекаются или уступают голосам других персонажей только для того, чтобы усилить драматизм событий по мере продвижения повествования. Напротив, Лермонтов превращает «Измаил-бея» в нечто вроде повествовательного лабиринта, надевая его сложной структурой, которая запутывает повествование. Вызванные этим лингвистические сложности в начале поэмы наводят на мысль, что включение старого чеченца в качестве предполагаемого рассказчика, по сути, является уловкой для установления правдоподобия поэмы. Уловка это или нет, но включение данной фигуры навсегда оставляет неясным, чья точка зрения выражается, скорее, затуманивая, чем проясняя перспективу, привносимую в последующие события. Ничего подобного нет в «Восточных поэмах» Байрона.

Повествовательная структура «Измаил-бея» также допускает многочисленные отступления. Некоторые из них легко вписываются в повествовательный поток, но другие возникают внезапно, прерывая этот поток и, следовательно, еще больше запутывая эмоциональную атмосферу. Например, в решающий момент кульминационной битвы между черкесами и русскими, которая, как можно было бы ожидать, будет напоминать финальное противостояние между греками и турками в байроновской «Осаде Коринфа», Лермонтов вставляет целую строфу повествовательного отступления, полностью расходящегося по теме и тону с предыдущим отрезком, описывающим ранение Измаила

в пылу этого сражения. Это отступление, предлагающее размышление о человеческой потребности в эскапистских фантазиях, начинается так:

Чем реже нас бадует счастье,
Тем слаще предаваться нам
Предположеньям и мечтам [Лермонтов, 2014б, с. 198].

Эта медитация представляет собой декорацию, которую можно было бы разместить практически в любом месте поэмы. Но Лермонтов помещает данные строки в кульминацию произведения, грубо нарушая самый драматический момент своего повествования. Поэтому он явно отходит от повествовательной линии Байрона, используя структуру, которая предлагает эпизоды интенсивной активности, но исключает непрерывно нарастающие сюжетные линии.

Лермонтов также отклоняется от модели Байрона в образе главного героя. С одной стороны, Измаил ближе к байроническому герою, чем лермонтовский корсар. Измаил — князь своего горного племени, который храбро возглавляет нападение черкесов на врага и который отвергает как неблагородный план своего брата организовать ночную скрытую атаку, что напоминает отказ Конрада убить Сеида во сне. С другой стороны, Измаил не вполне соответствует статусу байронического героя. Хотя рассказчик провозглашает, что Измаил «для великих создан был страстей, / Он обладал пылающей душою, / И бури юга отразились в ней» [Лермонтов, 2014б, с. 164], но на самом деле он редко проявляет этот дух, и почти никогда не проявляет его достойным восхищения образом. Например, без всякого предупреждения он убивает охотника в горах только потому, что охотник смеется над бедственным положением черкесов. Это убийство вряд ли можно назвать добродетельным, как, по-видимому, это понимает и Измаил, поспешно убегая, как «тот, за кем раскаяние мчится» [Лермонтов, 2014б, с. 148].

Если отбросить раскаяния, то эмоции, которые Измаил, по-видимому, действительно испытывает — это неуверенность, замешательство, разочарование и самобичевание. Он теряется, он обманут, он плачет. Он клянется никогда не успокаиваться, пока не отомстит русским за разрушение его родной деревни, но отказывается от этого намерения после ранения. Он приходит в сильное волнение, услышав песню о любви и войне, но затем, очевидно, забывает об этом. Он обнаруживает, что любит Зару, только когда уже слишком поздно воплощать эту любовь в жизнь. Это переживания обычных людей, а не байронических героев. Каким бы храбрым он ни был, во многих отношениях персонаж Измаила продолжает процесс, начатый в поэме Лермонтова «Корсар» по демифологизации этого героического типа, приближая его к пушкинскому Евгению Онегину, а не к байроновским Гяуру, Конраду или к Альпу, стойкому защитнику Коринфа, который с радостью сражается насмерть с превосходящим врагом. Примечательно, что рассказчик недвусмысленно называет Измаила «лишним». Это ярлык, указывающий на его сходство с Онегиным и другими последующими русскими литературными персонажами, лишенными мирской цели и эмоциональной гармонии, которые обеспечиваются четко определенной социальной ролью.

Герои Байрона могут быть социально отчужденными, но они никогда не бывают лишними — они сами выбирают для себя героические роли. И здесь заключено, возможно, самое большое различие между Измаилом и байроническими героями: Измаил приписывает многое из того, что происходит в его жизни, не себе, а судьбе. Отклонив приглашение Зары остаться с ней, он заявляет, что не разделит с ней свою мятежную судьбу, что ему не дана власть проявлять милосердие и что он «в жертву счастье должен принести» [Лермонтов, 2014б, с. 161]. Указание на судьбу указывает на то, что ему не хватает свободы воли, что он является пешкой в игре космических сил, неподвластных ему. Он проявляет волю, отказываясь действовать, отвергая Зару, а не неустанно стремясь осуществить свои желания, как это характерно для главных героев «Восточных поэм» Байрона. Исключением является готовность Измаила вступить в бой, и всё же даже там он выживает не благодаря своей военной доблести, а потому, что «его хранит пророк» [Лермонтов, 2014б, с. 196]. Исмаил умирает только тогда, когда Росламбек делает роковой выстрел. Следовательно, в отличие от своих байронических предшественников, которые неустанно проявляют свободу воли даже в самых безнадежных обстоятельствах, Измаил предстает как психологически травмированная жертва, которая уступает обстоятельствам и покоряется судьбе, а не настойчиво пытается преодолеть трудности.

Однако в «Измаил-бее» есть один персонаж, который действительно стремится бороться с обстоятельствами и бросать вызов судьбе, — Зара, самая страстная, своенравная и по-своему байроническая фигура во всем произведении. Тем не менее, даже ее история не достигает байронической кульминации, завершаясь разочаровывающей двусмысленностью. Зара так сильно влюбляется в Измаила, что переодевается молодым черкесским воином по имени Селим (так зовут главного героя байроновской «Абидосской невесты»), чтобы следовать за Измаилом, куда бы он ни пошел. Клянясь ему в вечной верности, она восклицает:

... я повсюду,
В изгнание, в битве спутник твой;
Нет, клятвы я не позабуду —
Угаснуть или жить с тобой! [Лермонтов, 2014б, с. 189–190]

И она клянется:

Красой и счастьем юных лет
Моя душа не дорожила;
Всё, всё оставляю, жизнь и свет,
Но не оставлю Измаила! [Лермонтов, 2014б, с. 190]

После того, как Измаил ранен в бою и Зара раскрывает ему свою истинную личность, кажется, что она сдержит свою клятву и останется с ним, пока он либо не умрет, либо не выздоровеет. Тем не менее, краткий эпилог, в котором раскрывается, что спустя Измаил действительно выздоравливает, также показывает, что Зара исчезла, очевидно, всё-таки не выполнив свою клятву. Читателям просто остается задать ряд риторических вопросов, размышляя о причинах ее исчезновения:

Куда лезгинка нежная сокрылась?
 Какой удар ту грудь оледенил,
 Где для любви такое сердце билось,
 Каким владеть он недостоин был?
 Измена ли причина их разлуки?
 Жива ль она иль спит последним сном?
 Родные ль в гроб ее сложили руки?
 Последнее «прости» с слезами муки
 Сказали ль ей на языке родном?
 И если смерть щадит ее поныне —
 Между каких людей, в какой пустыне? [Лермонтов, 2014б, с. 204]

Затем рассказчик как бы намекает, что Измаил знает ответы на эти вопросы: «Кто б Измаила смел спросить о том?» [Лермонтов, 2014б, с. 204]. Таким образом, история Зары приходит к двусмысленному и совершенно неожиданному итогу, который подчеркивает разницу между Зарой и ее байронической моделью Калед в «Ларе». Ибо Калед следует за своим возлюбленным повсюду, даже в битве, утешая его, когда он ранен, оставаясь с ним после того, как он скончался от ран, и категорически отказываясь покидать его труп. Повествование Байрона заканчивается тем, что бессмертная любовь Калед к Ларе неявно завершается высшей романтической трансцендентностью, которой является смерть. Героическая, страстная, трагическая заключительная глава этой любви была рассказана, даже если вся ее история не была подробно описана.

История любви Зары, напротив, остается незавершенной, вызывая недоумение; вопросы, касающиеся судьбы Зары, навсегда останутся без ответа. Лермонтов также не дает трансцендентного завершения истории Измаила, поскольку в эпилоге объясняется, что после отъезда Зары в сердце Измаила поселилась тоска, но страстей там не было. Затем он был убит своим братом и оставлен бесславно гнить. Таким образом, повествование Лермонтова подходит скорее к разочарованию, чем к какому-либо отрадному, хотя и печальному завершению.

Заключение

Принципиальные различия между рассмотренными поэмами Лермонтова и «Восточными поэмами» Байрона придают новый смысл утверждению Лермонтова «Нет, я не Байрон». Это не просто выражение юношеской самоидентификации, пронизанной завистью, это отражение правды, которую сам Лермонтов, возможно, до конца не осознал. Он вполне мог быть «Байроном» в том смысле, что с самого начала восхищался этим человеком, исповедовал байронический идеализм и байроническое разочарование, выражая это в своей поэзии, и включал элементы творческих находок Байрона — декорации, сюжеты, персонажи — в свои произведения. Но в том, что было более важно для создания и развития его собственного литературного стиля, Лермонтов, конечно, не был Байроном.

Как бы ни тянуло юного Лермонтова к Байрону, он, по-видимому, также чувствовал, что романтизм уже не вполне соответствовал его времени. В результате

«небайроническую» поэзию Лермонтова можно рассматривать как яркий пример затруднительного положения художника, испытывающего эстетическое влияние еще авторитетного течения в переходный период, когда художник одновременно благоговеет, сомневается и отходит от выдающейся модели вместе с идеалами эпохи, которые он неумолимо оставляет позади, погружаясь в неизведанную пучину нового культурного направления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Алексеев Д. А. 2016. Лермонтов. Находки и открытия: в 2 т. М.: Древлехранилище. 506 с.
- Байрон Д. 1953. Избранные произведения. М.: Государственное издательство художественной литературы. 503 с.
- Виротайнен М. Н., Карпов А. А. (ред.). 2015. Мир Лермонтова: Коллективная монография. СПб.: Скрипториум, 976 с.
- Заманская В. В. 2002. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука. 304 с.
- Кириллова Н. Б., Улитина Н. М. 2015. Истоки экзистенциализма в творчестве М. Ю. Лермонтова: культурологический аспект // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. № 3 (141). С. 112–124.
- Кондратенкова Е. А. 2011. От «Паломничества Чайльд-Гарольда» к «Герою нашего времени» // Известия Смоленского государственного университета. № 4 (16). С. 172–180.
- Кьеркегор С. 2014. Болезнь к смерти. М.: Академический проект. 160 с.
- Лермонтов М. Ю. 2014а. Собрание сочинений: В 4 тт. СПб.: Издательство Пушкинского Дома. Т. 1. Стихотворения. 776 с.
- Лермонтов М. Ю. 2014б. Собрание сочинений: В 4 тт. СПб.: Издательство Пушкинского Дома. Т. 2. Поэмы. 704 с.
- Мысовских Л. О. 2022а. Писатель и экзистенциализм: художественная литература как средство выражения экзистенциальных идей // Филология: научные исследования. № 4. С. 29–41. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2022.4.37743>
- Мысовских Л. О. 2022б. Становление экзистенциальной парадигмы художественного сознания в ранней лирике М. Ю. Лермонтова // Проблемы филологии глазами молодых исследователей: сборник материалов конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Пермь, 13–14 мая 2022 года. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет. С. 106–110.
- Пугачёв О. С. 2014. Нравственные миры М. Ю. Лермонтова. Пенза: РИО ПГСХА. 286 с.
- Седина Е. В. 2010. Мифопоэтическая картина мира М. Ю. Лермонтова в контексте русского романтизма // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. № 2 (22). С. 146–151.
- Эйхенбаум Б. М. 1924. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л.: Гос. изд-во. 168 с.
- Gosetti-Ferencei J. A. 2007. The Ecstatic Quotidian: Phenomenological Sightings in Modern Art and Literature. Penn State Press. 280 pp. <https://doi.org/10.1515/9780271034904>
- Heidegger M. 2001 Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. 445 s.

- Kirillova N., Ulitina N. 2017. Soren Kierkegaard and Mikhail Lermontov as first existentialist philosophers // *European Journal of Science and Theology*. Vol. 13. No. 1. Pp. 95–100.
- Мысовских Л. О. 2022. Existential type of artistic consciousness: genesis and ways of development in the literature of the XIX century // *Litera*, no. 4, pp. 83-92. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.4.37521>

References

- Alekseev, D. A. (2016). *Lermontov. Finds and Discoveries in 2 vols*. Drevlekhranilishche. [In Russian]
- Byron, D. (1953). *Selected Works*. Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoj literatury. [In Russian]
- Virolainen, M. N. & Karpov A. A. (Eds.). (2015). *Lermontov's World: A Collective Monograph*. Scriptorium. [In Russian]
- Zamanskaya, V. V. (2002). *Existential Tradition in Russian Literature of the 20th c. Dialogues on the Borders of Centuries: A Textbook*. Flinta: Nauka. [In Russian]
- Kirillova, N. B. & Ulitina, N. M. (2015). The origins of existentialism in the work of M. Yu. Lermontov: cultural aspect. *Proceedings of the Ural Federal University. Series I. Problems of education, science and culture*, (3), 112–124. [In Russian]
- Kondratenkova, E. A. (2011). From “Childe Harold’s Pilgrimage” to “The Hero of Our Time”. *Proceedings of the Smolensk State University*, (4), 172–180. [In Russian]
- Kierkegaard, S. (2014). *Illness to Death*. Akademicheskij proekt. [In Russian]
- Lermontov, M. Yu. (2014a). *Collected Works in 4 vols*. (Vol. 1. Verses). Izdatelstvo Pushkinskogo Doma. [In Russian]
- Lermontov, M. Yu. (2014b). *Collected Works in 4 vols*. (Vol. 2. Poems). Izdatelstvo Pushkinskogo Doma. [In Russian]
- Мысовских, Л. О. (2022a). Writer and existentialism: fiction as a means of expressing existential ideas. *Philology: Scientific Research*, (4), 29–41. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2022.4.37743> [In Russian]
- Мысовских, Л. О. (2022b). The formation of the existential paradigm of artistic consciousness in the early lyrics of M. Yu. Lermontov. *Problems of philology through the eyes of young researchers: a collection of materials of the conference of students, postgraduates and young scientists, Perm, May 13–14, 2022*. Permskij gosudarstvennyj nacional’nyj issledovatel’skij universitet, 106–110. [In Russian]
- Pugachev, O. S. (2014). *The Moral Worlds of M. Yu. Lermontov*. RIO PGSHA. [In Russian]
- Sedina, E. V. (2010). The mythopoetic picture of the world by M. Yu. Lermontov in the context of Russian Romanticism. *Humanitarian Vector. Series: Pedagogy, psychology*, (2), 146–151. [In Russian]
- Eichenbaum, B. M. (1924). *Lermontov: The Experience of Historical and Literary Evaluation*. State Publishing House. [In Russian]
- Gosetti-Ferencei, J. A. (2007). *The Ecstatic Quotidian: Phenomenological Sightings in Modern Art and Literature*. Penn State Press. <https://doi.org/10.1515/9780271034904>
- Heidegger, M. (2001) *Sein und Zeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2001.

Kirillova, N. & Ulitina, N. (2017). Soren Kierkegaard and Mikhail Lermontov as first existentialist philosophers. *European Journal of Science and Theology*, 13(1), 95–100.

Mysovskikh, L. O. (2022c). Existential type of artistic consciousness: genesis and ways of development in the literature of the XIX century. *Litera*, (4), 83–92. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.4.37521>

Информация об авторе

Лев Олегович Мысовских, магистр философии, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
levmisov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0731-1998>

Information about the author

Lev O. Mysovskikh, Master of Philosophy, Ph. D. Student of the Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
levmisov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0731-1998>

Здравоохранение Тобольского Севера в середине XIX – начале XX века

Екатерина Викторовна Шуляк

Ханты-Мансийская государственная медицинская академия, Ханты-Мансийск, Россия
Контакт для переписки: shuljak65@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — проанализировать состояние здоровья населения и медицинской помощи на территории Тобольского Севера в середине XIX – начале XX в. с помощью ретроспективного и нарративного методов, принципов историзма и научной объективности. Новизна исследования обусловлена тем, что автором введены в научный оборот неопубликованные ранее материалы архивов, на основании анализа различных видов источников реконструирован процесс формирования системы здравоохранения, прослежена динамика решения выявленных проблем медицинского обеспечения населения Тобольского Севера в середине XIX – начале XX в., освещена санитарно-эпидемиологическая обстановка на его территории и показана специфика народной медицины коренного населения — всё это позволяет более полно осветить ретроспективу здравоохранения на территории Тобольской губернии и северного здравоохранения в целом. В процессе работы над публикацией автор обращался к документам фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), государственного архива в г. Тобольске (ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске»), законодательным актам, справочным изданиям, материалам Первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии, а также путевым заметкам. Результаты исследования, представленные в публикации, представляют интерес для историков, этнологов, краеведов и врачей.

Ключевые слова: больница, врач, медицинская помощь, народная медицина, Тобольский Север

Цитирование: Шуляк Е. В. 2023. Здравоохранение Тобольского Севера в середине XIX – начале XX века // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 1 (33). С. 78–96. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-78-96>

Поступила 17.07.2022; одобрена 13.02.2023; принята 14.03.2023

Healthcare of the Tobolsk North in the middle 19th – early 20th century

Ekaterina V. Shulyak

Khanty Mansiysk State Medical Academy, Khanty-Mansiysk, Russia

Corresponding author: shuljak65@mail.ru

Abstract. This article aims to analyze the state of public health and medical care in the territory of the Tobolsk North in the middle 19th – early 20th c. using retrospective and narrative methods, the principles of historicism and scientific objectivity. The novelty of the research lies in the previously unpublished archival materials. Based on the analysis of various types of sources, the author reconstructs the process of formation of the health care system and traces the dynamics of solving the identified problems of medical support for the population of the Tobolsk North in the middle of the 19th – early 20th c. The results show sanitary and epidemiological situation on its territory and the specifics of folk medicine of the indigenous population. That allows full coverage of the retrospective of health care in the territory of the Tobolsk province and northern health care in general.

Literature review includes the documents from the Russian State Historical Archives funds, the State Archives in Tobolsk, legislative acts, reference publications, materials of the First Provincial Congress of Rural Doctors of the Tobolsk Province, as well as travel notes. The results of the study can be of interest to historians, ethnologists, local historians, and doctors.

Keywords: hospital, doctor, medical care, traditional medicine, Tobolsk North

Citation: Shulyak E. V. (2003). Healthcare of the Tobolsk North in the middle 19th – early 20th century. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9(1), 78–96. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-78-96>

Received Jul. 17, 2022; Reviewed Feb. 13, 2023; Accepted Mar. 14, 2023

Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. на территории Тобольского Севера наблюдалась неблагоприятная санитарно-эпидемическая обстановка, что свидетельствовало о неблагополучии общественного здоровья, социально-экономического положения ее населения и низкой эффективности здравоохранения. Система оказания медицинской помощи жителям региона не соответствовала их потребностям и была малоэффективна, а в сельской местности она практически отсутствовала до 1888 г. Органы государственной власти не оставляли эту проблему без внимания, однако дефицит ресурсов

местной системы здравоохранения, обширная территория региона, суровость местного климата, авторитет местных знахарей и шаманов, отсутствие земской медицины и санитарно-гигиеническая неграмотность населения не позволяли решить ее в полной мере. Медицинское обслуживание на территории Тобольского Севера отличалось местной спецификой, нуждалось в модернизации.

Результаты и обсуждение

Здравоохранение в 1850–1860 гг.

В середине XIX в. на территории Сибири в целом уже функционировала разветвленная разноместная система здравоохранения [Шуляк, 2019]. Однако укрепление здоровья населения Тобольского Севера являлось актуальной проблемой, предметом внимания органов государственной власти, местных чиновников и его исследователей. Они указывали на широкое распространение инфекционных заболеваний, недостаточное количество лечебных учреждений, медицинского персонала, недоступность первичной медико-социальной помощи и гигиеническую неграмотность населения. Медицинские учреждения региона были малочисленны, малодоступны для его жителей и довольно часто находилась в плохом санитарно-гигиеническом состоянии.

Согласно сведениям, собранным в 1855 г. инспектором Тобольской Врачебной Управы, Сургутская городская больница требовала реконструкции. Все ее постройки были выполнены из некачественных строительных материалов, крыша протекала, следы воды были видны на потолке и стенах. Больница была тесна, холодна, сыра и низка, плохо вентилировалась, воздухообмен был очень затруднен. Полы в ней были неровными, подвижными и трясуцими, изготовленными из старых балок с пробоинами и лежали прямо на земле. Помещение этого лечебного учреждения состояло из одной комнаты, разделенной перегородкой на две половины, в одной из которых находилось хозяйственное помещение, а в другой размещались больные. Кухня, баня и погреб находились в еще худшем состоянии, чем больничный корпус. Хотя больница была предназначена для обслуживания 12 человек, фактически в ней можно было разместить всего лишь 4 пациента [РГИА, ф. 1287, оп. 20, д. 689, л. 1–4].

В конце декабря 1855 – начале 1856 г. тобольский губернатор В. А. Арцимович в сопровождении губернского врачебного инспектора Типякова совершил поездку на окраины губернии в связи с широким распространением тифа среди ее коренного населения, помощь которому оказывали два городских врача из Берёзова. Нередко это заболевание заканчивалось летальным исходом. Так, только в течение зимы 1856 г. тиф унес жизни 1 000 человек, в т. ч. и детей. Встреча инспектора и губернатора с коренным населением состоялась в Обдорске. Арцимович убеждал всех ее участников выполнять распоряжения местной администрации:

«Сердце мое болело..., когда я узнал, что ваш народ посетило несчастье, именно та болезнь, которая теперь распространена между вами по всем чумам. Я привез с собою главного медика всей губернии для того, чтобы придумать меры предупреждению подобных несчастий на будущее время. Поэтому вы должны содействовать со своей стороны, исполняя указания врача, который с вами переговорит и выслушает все ваши местные сведения».

Об итогах поездки, в т. ч. и о предпринятых санитарно-эпидемических мерах, был представлен отчет самому императору, а в местный губернский совет поступило предложение о необходимости устройства медицинской части в Берёзовском крае [Скоропыхов, 1904, с. 44–50].

В феврале 1858 г. Совет Главного управления Западной Сибири ходатайствовал перед министром внутренних дел по поводу учреждения больницы на 10 штатных кроватей в селе Обдорске Берёзовского округа для лечения пациентов из числа местных коренных народов. В связи с тем, что помещение для этого лечебного учреждения отсутствовало, для их размещения местный купец Чечуров пожертвовал дом. Кроме того, было спланировано расширение коечного фонда Сургутской городской больницы до 15 штатных единиц [РГИА, ф. 1287, оп. 20, д. 224, л. 1–3, об. 6, 8, 24]. Согласно отчету губернатора Западно-Сибирского генерал-губернаторства и установленному регламенту, в 1860 г. с медицинским персоналом на его территории, в т. ч. и на Тобольском Севере, было всё благополучно. Лишь в г. Берёзове не было доктора, т. к. он был командирован в Тобольск для выполнения функций врача при Тобольской тюремной больнице, и не хватало одной повивальной бабки. Функция вакцинации местного населения от оспы была возложена на окружных и городских врачей, лекарских учеников, избранных от обществ оспенных учеников и повивальных бабок. Однако эта мера не принесла ожидаемых результатов, в связи с чем местный оспенный комитет сотрудничал с Духовной Консисторией, надеясь, что духовенство своим личным примером изменит сложившуюся ситуацию [РГИА, ф. 1265, оп. 10, д. 145, л. 45–46].

В целом, в 1860 г. во всём Западно-Сибирском генерал-губернаторстве оспа была привита 19 293 младенцам, что было на 2 842 младенца больше, чем в 1859 г. На территории региона был широко распространен сифилис, для борьбы с которым, согласно распоряжению Министерства внутренних дел, принимались должные меры со стороны местных властей, по необходимости давались строгие рекомендации о точном исполнении предписанных правил по борьбе с этим недугом. Так, для обслуживания коренных жителей, страдающих этой болезнью, и для организации их лечения в Обдорске, Берёзове и Сургуте из фондов ясачной и оброчной подати было ассигновано 2 000 руб. Врачам было предписано оказывать медицинскую помощь не только в больницах, но и по месту жительства заболевших, обеспечивать их нужными лекарствами и советами. В декабре 1860 г. в Сургут были отправлены 20 коренных жителей, которые страдали сифилисом. На обеспечение их бельем, одеждой и необходимыми больничными принадлежностями и аренду в Сургуте частных домов, где они должны были размещаться, были выделены средства в размере 250 руб. Лечебных учреждений на территории Тобольской губернии, и в т. ч. Тобольского Севера, было недостаточно. При этом в различных городах Западной Сибири и, в частности, в Сургуте, больницы содержались на средства, полученные от пациентов; если же их не хватало, часть издержек возмещалась из городских бюджетов. Почти все лечебные учреждения губернии не имели вспомогательных служб и требовали ремонта и реконструкции. В Берёзовской больнице обслуживались и местные коренные жители, и представители пришлого русского населения, и военные, в связи с чем генерал-губернатор Западной Сибири позаботился о строительстве на ее тер-

ритории флигеля, помещений для аптеки и больничного смотрителя [РГИА, ф. 1265, оп. 10, д. 145, л. 47–52.].

Согласно наблюдениям К. Губарева, сотрудника журнала «Современник», в начале 60-х гг. XIX в. на весь Берёзовский край и г. Берёзов по штату приходилось всего три врача. Среди населения наблюдались эпидемические заболевания, которые являлись причиной высокой летальности. К примеру, в Обдорске в 1855 г. всего за три месяца тиф унес жизни 1 270 из 1 752 больных, а в Кондинских волостях — 53 из 64. Из-за боязни оставаться рядом с больными, их бросали в юртах на произвол судьбы. После этой эпидемии к Кондинскому архимандриту ежегодно присылали лекарства, от которых местные коренные жители, кстати, не отказывались. Среди них были широко распространены заболевания глаз, причиной чему являлся, прежде всего, едкий дым чувалов. При этом ими болели в большей степени женщины, т. к. мужчины часто неделями отсутствовали дома. Стараясь уберечь глаза от едкого дыма, остяки сидели в юртах в платках, которые опускали ниже носа, приближаясь к чувалу. Кроме того, причиной глазных заболеваний являлся широко распространенный среди коренного населения сифилис. Симптомы этого заболевания у детей проявлялись в виде язв по всему телу, а у взрослых — и ранами. В качестве лечебных средств при сифилисе представители коренного населения применяли примочки и мази, однако в эффективность принимаемых внутрь лекарств не верили. В местную больницу при необходимости они являлись сами и подчинялись всем правилам в отношении диеты и лечения, но никак не могли привыкнуть к ежедневной гигиене лица и рук, предпочитали холщовым полотенцам стружку из тальника [Губарев, 1863, с. 385–386]. В начале 1860-х гг. в Берёзове была открыта инородческая больница, отделение которой было устроено в селе Обдорске, среди коренных жителей города были распространены такие заболевания, как сифилис и цинга [Памятная книжка для Тобольской губернии ..., 1864, с. 129].

Некий Н. П-ровский, вероятно, местный чиновник, в середине 1860-х гг. актуализировал проблему медицинского обслуживания и здоровья населения региона на страницах «Тобольских губернских ведомостей». Он указывал, что в Берёзовской инородческой больнице преимущественно лечились остяки, зараженные сифилисом, причиной чему были санитарно-гигиеническая неграмотность, ослабленный частыми простудами иммунитет, переизбыток и злоупотребление алкоголем. По причине задымленности жилых помещений коренные жители Берёзова страдали глазными болезнями. При этом глаза их слезились, ресницы покрывались гноем, отчего выпадали и не могли служить хоть какой-то защитой от раздражающих факторов, тем самым усугубляя глазную боль. Местные жители болели также гельминтозом и цингой, особенно весной и осенью, в связи с повышенной влажностью и неустойчивой погодой. Однако они справлялись с цингой с помощью проверенных временем простых средств. Тем не менее, течение ее могло усугубиться частым употреблением горячих напитков, малоподвижностью, простудой и неполноценным питанием. П-ровский отмечал, что болезни в Берёзове не имели широкого распространения, и что коренные жители Берёзова довольно терпеливо переносят перемены погоды, привычны к пребыванию на воде и в лесу в любое время года [П-ровский, 2007, с. 45–46].

Здравоохранение в 1870-1880 гг.

В начале 70-х гг. XIX в. инфраструктура здравоохранения Тобольского Севера требовала решения проблем материального обеспечения и организационного усовершенствования. Так, Сургутская городская больница испытывала финансовые затруднения, в связи с чем в апреле 1872 г. генерал-губернатор Западной Сибири ходатайствовал перед министром внутренних дел о назначении пособия на ее содержание в размере 900 руб. [РГИА, ф. 1287, оп. 18, д. 1398, л. 6].

В 1872 г. в Самаровской волости Тобольского уезда Тобольской губернии не было ни одного лечебного учреждения. Медицинскую помощь ее населению оказывал старший лекарский ученик Станкевич, а оспопрививанием занимался оспенный ученик Корепанов. В распоряжении жителей волости была одна государственная аптека. Дети, проживающие на территории волости, страдали золотухой и другими заболеваниями [Судакова и др., 2019, с. 117].

Оставил свои наблюдения по поводу медицинской помощи на Тобольском Севере и путешественник А. Павлов. По его мнению, медицинское обслуживание на севере Тобольской губернии в конце 1870-х гг. было организовано крайне неудовлетворительно. Так, медицинским обслуживанием на пространной территории Сургутского и Берёзовского округов занимался единственный врач, который проживал в Берёзове за тысячу верст от Сургута. Больница в Сургуте находилась в ведении лекарского помощника. При этом в середине 1870-х гг. большая часть ее пациентов была представлена больными сифилисом. Одним из факторов заболеваемости среди остяков являлось их недоверие к пришлому населению. По этой причине они избегали обращаться за помощью к русским врачам и госпитализировались в больницу лишь в результате медицинского осмотра. Причиной летальности среди остяков часто являлись инфекционные заболевания [Павлов, 1878, с. 115–116].

В 1879 г. на территории Западной Сибири наблюдались эпидемии тифа, дифтерита, скарлатины, натуральной оспы. В целом во всей Тобольской губернии трудились восемь окружных и уездных врачей, девять областных, городских и докторов врачебных управ, три военных врача и девять акушерок. На каждых 16 943 жителей этого региона приходилось лишь по одному медицинскому работнику. В Берёзове пациентов принимала всего одна больница на 40 кроватей, а в Сургуте — на 12 кроватей [Памятная книжка Западной Сибири, 1881, с. 154–157].

Стефано Соммье, известный ученый-путешественник, отмечал в своем путевом дневнике в 1880 г., что доктор Кржевский, которого он посетил в Берёзове, являлся единственным медицинским работником на территории «от Тобольска до Северного Ледовитого океана» [Соммье, 2012, с. 182].

Уровень медицинского обслуживания населения Нижней Оби оставлял желать лучшего, на что обращали внимание органы государственной власти. Так, согласно утвержденным в апреле 1879 г. штатам, с 1 января 1880 г. в Берёзовском округе должны были служить два врача (окружной и городской), четыре старших лекарских ученика, три младших лекарских ученика и одна младшая повивальная бабка; в Сургутском — два врача (окружной и городской), два старших лекарских ученика, два младших

лекарских ученика и одна младшая повивальная бабка; а на Обдорском участке — один объездной врач, один старший лекарский ученик, один младший лекарский ученик и одна младшая повивальная бабка [ПС ЗРИ II, 1881, с. 146–148].

В 1882 г. на территории Тобольской губернии получили широкое распространение эпидемии дифтерита и тифа. В целях борьбы с этими заболеваниями Тобольский губернский комитет общественного здоровья указал на необходимость выполнения предписаний и профилактических мер. Кроме того, его служащие обратились к министру внутренних дел с просьбой о неотложной организации в Тобольской губернии сельской врачебной части и утверждении для нее медицинских штатов [Памятная книжка Тобольской губернии..., 1884, с. 238].

Однако принятие решения об этом со стоялось лишь через 6 лет, хотя прежде всего в организации здравоохранения особенно нуждалось сельское население Тобольского Севера. Высочайше утвержденное 10 мая 1888 г. мнение Государственного совета определяло ее устройство в целом по Тобольской губернии следующим образом: на ее территории предусматривалось устройство 8 сельских лечебниц, 4 приемных покоев и 20 фельдшерских пунктов в занимаемых помещениях. В этих лечебных учреждениях должны были трудиться один врач для командировок, 8 участковых сельских врачей, 40 медицинских фельдшеров и 40 повивальных бабок [ПСЗ РИ III, 1890, с. 43-44].

Русский государственный деятель Н. А. Гондатти, исследователь Северной и Северо-Восточной Сибири, побывал в конце 1880-х гг. в Сибири и также обратил внимание на медицинскую помощь на территории Тобольского Севера. Он отмечал, что его коренные жители понимают необходимость лечения и при возможности используют такие лекарства, как касторовое масло, хину, железный купорос, свинцовую примочку и другие, а также прибегают и к своим традиционным средствам. Гондатти заметил своеобразное отношение к больным, при котором отсутствовали особый уход и боязнь заразиться, сохранялся привычный ритм и уклад жизни с кочевками, занятиями охотой и рыбной ловлей. Больные сифилисом, тифом, оспой располагались в одном помещении с другими членами семьи; умерших от этих болезней хоронили, не принимая никаких мер предосторожности. Гондатти отмечал, что несмотря на плохие гигиенические условия проживания, быта и многочисленные болезни, многие представители коренного населения доживали до глубокой старости. Он объяснял, что широко распространенные сифилис, оспа, различные формы тифа, ревматизм, болезни глаз и кожные заболевания имели своей причиной несоблюдение санитарно-гигиенических норм. Согласно местной традиции, заболевшие представители коренного населения обращались, прежде всего, к шаманам. Он также обратил внимание на особенную интерпретацию причин заболеваний среди них, согласно которой болезнь считалась признаком гнева духов. В этом случае шаманы советовали совершить жертвоприношение, лечили водой, водкой, средствами растительного, минерального и животного происхождения: кровью животных, рыбьим, оленьим, медвежьим жиром, настоем березы или лиственницы, порошком из медвежьего зуба. Почти все эти средства имели универсальный характер и использовались для лечения различных заболеваний. В целях гигиены ротовой полости коренные жители жевали особую смолу. Под старость и при простудных болезнях

они часто, особенно весной, прибегали к кровопусканию с помощью обыкновенных ножей; при болях в суставах делали в них частые проколы в особом порядке и втирали туда или растертый порошок, или сажу с котлов и чайников [Гондатти, 2000, с. 129–130].

С. П. Швецов, известный исследователь Сибири, публицист и статистик, отмечал, что в конце 1880-х гг., в связи с неблагоприятными условиями проживания, неполноценным питанием и другими факторами, среди остяцкого населения Сургутского округа стремительно распространялись тиф, сифилис, оспа и другие инфекционные заболевания. Он указывал на отсутствие какой-либо медицинской помощи, в связи с чем наблюдалась высокая смертность остяков [Швецов, 1888, с. 61].

По мнению одного из очевидцев, хорошо знакомого с устройством местной врачебной части, в конце 1880-х гг. русское население Сургутского округа было почти совсем лишено медицинской помощи. В Сургуте и Сургутском уезде функционировала всего одна больница, рассчитанная, прежде всего, на обслуживание 12–16 пациентов из числа коренного населения. Оборудование больницы и методы лечения в ней имели «анекдотический характер», аптека при ней была почти пуста. До 1888 г. медицинским обслуживанием Сургута и Сургутского округа занимался единственный врач, разъездной характер профессиональной деятельности которого позволял горожанам обращаться за помощью лишь к фельдшеру. В уезде же не было даже и фельдшеров. Здесь трудились только оспопрививатели, часто невежественные и даже совсем неграмотные, что способствовало расцвету народной медицины [Неклепаев, 1998, с. 307–308].

Здравоохранение в 1890-х гг.

В начале 1890-х гг. в санитарном отношении Тобольская губерния выглядела гораздо хуже по сравнению с губерниями Европейской России. Актуальной проблемой здравоохранения Тобольского Севера был острый дефицит медицинского персонала. В Берёзове и Сургуте по-прежнему функционировали так называемые инородческие больницы [Обзор Тобольской губернии за 1891 год, 1892, с. 15].

В 1892 г. показатели смертности в Тобольской губернии превышали показатели рождаемости на 19,7 человек на каждую 1 000 населения, в то время как, к примеру, в Уфимской губернии, в которой с середины 1870-х гг. была организована земская медицина, превышение показателей смертности над показателями рождаемости была гораздо ниже и составляла всего 5,3 человека на 1 000 населения [Рашин, 1956, с. 159].

Согласно дневниковым заметкам А. Сыромятникова и А. Андреева, среди коренного населения Тобольского Севера были широко распространены такие заболевания, как оспа, сифилис, воспаление глаз и другие. В 1892 г. в Берёзове функционировала больница для пациентов с инфекционными заболеваниями, учрежденная неким благотворителем Равским, рядом с которой был даже небольшой садик. Однако организация медицинской помощи в ней оставляла желать лучшего [Подревский, 2004, с. 33]. «Берёзов больница попал — пропал», — говорили остяки. Врач, не оказывая никому никакой медицинской помощи, иногда объезжал округ на лошадях или на лодках «для собственной пользы и удовольствия, в видах гигиены и развлечения» [Подревский, 2004, с. 34]. Сифилис, воспаление глаз и прочие болезни свирепствовали среди остяков. Во всех

юртах дети не вакцинировались от оспы по причине отсутствия в Берёзове оспенного детрита. В течение холерной эпидемии 1892 г. коренные обитатели берегов Иртыша были брошены на произвол судьбы:

«Даже в с. Самаровском не было сначала лекарств и медицинского персонала. О других же более глухих селениях и говорить нечего: туда ни врачи, ни фельдшера не заглядывали и не езжали лишь в некоторые на короткое время по специальному приглашению жителей».
[Подревский, 2004, с. 185]

Так, когда обнаружили признаки холеры в селе Елизаровском Берёзовской волости, туда был откомандирован городской врач Алексеев из Берёзова. Он добирался туда в течение шести суток, по прибытию послал за фельдшером, выяснил количество заболевших, дал несколько лекарств и через час уехал обратно, не выходя из лодки и не повидав ни одного больного. В связи с этим местные жители использовали средства народной медицины. К примеру, применяли в качестве лекарств деготь, керосин и крапиву. Огонь они использовали как дезинфицирующее средство, провозжая каждого вновь приезжающего в деревню через него. Его также разводили и на полях в случае болезней рогатого скота и лошадей [Подревский, 2004, с. 185–189]. Кстати, Ф. О. Равский (1848–1903), учредитель Берёзовской больницы для инфекционных больных, являлся местным купцом [Белобородов, 2005, с. 37].

Окружной врач В. Клячкин в 1894 г. провел санитарно-статистическое исследование города Сургута, согласно которому его жители имели смутное представление о медицине, санитарии и функциях врача и больницы. При этом сургутяне бойкотировали противоэпидемические, карантинные и санитарно-гигиенические меры во время эпидемий, скрывали больных и пренебрегали больницами. Дезинфекцию своих жилых помещений они считали личным оскорблением, в связи с чем это было возможно только при помощи полицейских. Оспопрививание в Сургуте шло весьма успешно, оспенных эпидемий не было, однако не хватало детрита [Клячкин, 2004, с. 117–119].

В 1895 г. на территории Тобольского Севера по-прежнему наблюдалась острая нехватка медицинского персонала, в Сургуте и Берёзове должности городских врачей были вакантными [Обзор Тобольской губернии за 1895 год, 1897, с. 12]. Особенно тревожной была ситуация с местным коренным населением, численность которого уменьшалась в связи с такими заболеваниями, как тиф, дифтерит, оспа, сифилис, чесотка и другие. Коренные жители неохотно обращались ко врачам, обычно лечились у своих шаманов. Так, объездной врач И. Зальмунин отмечал, что они даже предлагали ему деньги в обмен на то, чтобы он их не лечил и оставил в покое [Бартенев, 1896, с. 63–64].

В целях усовершенствования системы медицинского обслуживания устройство сельской врачебной части, согласно закону от 25 ноября 1896 г., подверглось изменениям. Штат сельской врачебной части Тобольской губернии состоял из одного врача для командировок, 32 участковых сельских врачей, 52 медицинских фельдшеров и 20 фельдшерниц-акушеров. На ее территории должны были функционировать 32 сельские лечебницы, рассчитанные на обслуживание 6–10 пациентов. [ПСЗ РИ Ш, 1899, с. 408].

Серьезной проблемой северного здравоохранения являлось отсутствие специальных помещений для лечебных учреждений. Так, в с. Обдорске врач вел прием больных по месту своего жительства, и лишь в начале 1890-х гг. местное инородческое управление

разместило больницу в ветхом здании, которое было реконструировано епархиальным архитектором Б. Б. Цинке. Она была предназначена для размещения больных в единственной палате на 10 штатных кроватей, в ней также располагались операционный блок, помещение для перевязок, пищеблок, аптека и санузел. Местные коренные жители обслуживались в ней безвозмездно, а представители других категорий населения должны были оплачивать лечение. До 1906 г. расходы на содержание больницы ежегодно составляли 2 000 руб. в год, затем расходы выросли до 3 290 руб. в год [Темплинг, 2015, с. 141], т. е. в 1,6 раза.

Здравоохранение на рубеже XIX – в начале XX в.

На рубеже XIX–XX вв. в Сургуте функционировала одна городская больница на 16 штатных кроватей, а в Берёзове — на 28 штатных кроватей. Медицинская помощь населению Берёзовского уезда была организована в одной сельской лечебнице на 6 кроватей и в нескольких фельдшерских пунктах. В Сургутском уезде лечебниц не было, прием больных осуществлялся в единственном фельдшерском пункте [Обзор Тобольской губернии за 1900 год, 1901, с. 19].

К 1900 г. в организации медицинского обслуживания населения Самаровской волости Тобольского уезда произошли изменения. Здесь уже функционировала одна сельская больница под руководством единственного сельского врача, в помощниках у которого был фельдшер. Эпидемий в Самаровской волости не наблюдалось [Судакова и др., 2019, с. 124].

Инородческая больница в Берёзове в 1902 г. находилась в аварийном состоянии. В сгнивших полах образовались ямы, между половицами скапливался мусор, ее помещение плохо проветривалось, что вредило здоровью персонала и пациентов, печи находились в полуразрушенном состоянии и были пожароопасными. Бесплатно в этой больнице обслуживалось только коренное местное население, а все другие категории населения должны платить по 29 коп. в сутки [Татарникова, 2019, с. 398].

По мнению известного исследователя Тобольского Севера А. А. Дунина-Горкавича, вопросы здравоохранения в первое десятилетие XX в. на Тобольском Севере были весьма актуальны. На весь край было всего три больницы и девять пунктов фельдшеров. Хотя по штату полагалось пять врачей, заняты медицинским обслуживанием населения почти всегда не более трех из них. Кроме того, согласно штатному расписанию, в Берёзове и Сургуте должны были трудиться городские врачи, но, в связи с малым размером вознаграждения за службу (всего 800 руб.), их функции выполняли уездные доктора. Должности фельдшеров весьма часто занимали лекарские ученики, слабо владеющие лечебной работой и получающие за свой труд весьма скудное вознаграждение. Представители коренного населения, при возможности, весьма охотно обращались за врачебной помощью, но за отсутствием медперсонала лечились у своих шаманов. Несовершенная система организации медицинской помощи населению, несоблюдение местными жителями правил санитарии и личной гигиены, отсутствие дезинфекционных средств способствовали широкому распространению на территории Тобольского Севера таких заболеваний, как тиф, оспа и других. При этом масштабы заболеваемости достигали эпидемий [Дунин-Горкавич, 1908, с. 10–11].

На территории Тобольской губернии, по данным на 1 января 1904 г., было всего 37 сельско-врачебных участков. При этом Берёзовский уезд был разделен на два участка (Берёзовский и Обдорский), а на территории Сургутского уезда был лишь один участок. Берёзовский участок включал в себя Ляпинскую, Сосвинскую, Городовую, Подгородную, Казымскую, Кодскую, Кондинскую и Елизаровскую волости, а Обдорский участок — Обдорскую самоедскую, Обдорскую остяцкую и Куноватскую волости. Врач Берёзовского участка проживал в Берёзове, а врач Обдорского участка — в Обдорске. Сургутский участок включал в себя территорию всего уезда, участковый врач проживал в Сургуте. Самаровский участок Тобольского уезда располагался на территории Самаровской, Большекондинской, Малокондинской, Филинской, Нарымской, Назымской и Надцинской волостей, а участковый врач проживал в селе Самарове. На территории Берёзовского уезда располагались две лечебницы и шесть фельдшерских пунктов, на территории Сургутского уезда — одна лечебница и три фельдшерских пункта, на территории Самаровского участка Тобольского уезда — всего одна лечебница [Дунин-Горкавич, 1904, с. 49–53].

В начале 1910 г. во всем Сургутском округе функционировала одна больница на 16 кроватей в его центре. В Берёзовском округе их было две: одна, рассчитанная на обслуживание 30 пациентов, находилась в Берёзове, а другая (сельская), рассчитанная на обслуживание 10 пациентов — на его территории. Население Сургутского уезда могло получить стационарную помощь только в его центре. В 1910 г. в Сургуте трудились два врача, один фельдшер и один акушер, в Берёзове — один врач, четыре фельдшера и один акушер, в Сургутском, как и в Берёзовском уезде, медицинское обслуживание осуществлялось одним врачом, четырьмя фельдшерами и одним акушером. При этом повивальная бабка могла заменить акушера. На одного врача в Берёзове приходилось 1 280 человек, в Сургуте — 1 383 человека, в селах на каждого врача в среднем приходилось по 63 594 человека, проживающих на площади 51 697 квадратных верст. При этом врач имел возможность обслуживать население, ближайшее к его месту жительства, в то время как население, проживающее значительно дальше, могло надеяться, в лучшем случае, только на помощь фельдшера [Обзор Тобольской губернии за 1910 год, 1911, с. 31–32].

Государство пыталось заинтересовать медицинские кадры, улучшить их материальное обеспечение. В соответствии с законом от 21 июня 1910 г. жалование было повышено участковым врачам Тобольской губернии, в т. ч. и Самаровского участка Тобольского уезда, а также фельдшерам и фельдшерицам-акушеркам в Сургутском, Берёзовском уездах и северной части Тобольского уезда. Кроме того, планировалось увеличить ассигнования на содержание десятикроватных и шестикроватных больниц, на приобретение и починку инструментов, а также аптечных и канцелярских принадлежностей [ПС ЗРИ III, 1913, с. 854].

В 1911 г. во всем регионе было всего несколько больниц: в Берёзове, Сургуте и Обдорске (филиал Берёзовской больницы). Медицинским обслуживанием населения занимались всего три врача, из них один уездный в Берёзовском уезде и один объездной в Обдорске, а также один уездный в Сургутском уезде. Только в одном из трех сельских участков Тобольского Севера, Обдорском, трудился врач, в Берёзовском и Сургутском участках функции сельских врачей выполняли уездные. Врачам помогали фельдшеры:

трое в Сургутском участке и пятеро в Берёзовском, а также и повивальные бабки (по одной в каждом уезде). В Самаровской лечебнице место врача почти всегда оставалось вакантным [Дунин-Горкавич, 1996, с. 133].

В связи с организацией сельской врачебной части в 1888 г., в целом на территории Тобольской губернии наблюдалась положительная динамика развития медицинского дела. Однако даже и в конце первого десятилетия XX в. в Берёзовском и Сургутском уездах радиус врачебных участков составлял 500 верст и более с населением от 6 до 10 тыс. человек [Труды первого съезда..., 1913, с. 64].

Проблемы сельской медицины на территории Сибири и в т. ч. Тобольской губернии усугублялись дефицитом медицинских кадров, нерациональным распределением врачебных участков и приемных покоев. Представители медицинской общественности предлагали использовать передовой опыт земской медицины и боролись за ее внедрение. Медицинское обслуживание сельского населения Сибири выглядело гораздо хуже, чем в европейской части России. Так, если площадь среднего участка в земских губерниях составляла в начале 1910-х гг. составляла 700 кв. верст, то в Тобольской губернии она была в 75,5 раз больше и составляла в среднем 52 890 кв. верст [Федотов, Мендрина, 1975, с. 144–145].

Согласно отчету Тобольского губернатора за 1912 г., медицинское обслуживание в уездах было далеко от совершенства и осуществлялась 43 сельскими врачами при 42 больницах, а зимою 1911 г. (с учетом командированных Министерством и Главным управлением Красного Креста) — 65 врачами [РГИА, ф. 391, оп. 5, д. 82, л. 9–10]. Воспоминания одного из старожилов села Самарова Тобольского уезда Тобольской губернии позволяют сделать вывод, что до 1911 г. на его территории была одна больница, располагавшаяся в частном доме, где оказывалась лишь первая медицинская помощь фельдшером И. П. Кориковым. Местное население, в основном, лечилось у знахарей и использовало лечебное воздействие русской бани. Женщины рожали детей дома, обращаясь за помощью к необученным повивальным бабкам. Хотя к осени 1912 г. в селе была построена новая больница на несколько штатных кроватей, ее помещение вскоре пришло в полную негодность. В 1915 г. больница разместилась в большом двухэтажном помещении местного купца Земцова [Корепанов, 1965, с. 24–25].

В 1913 г. в Сургуте функционировала одна больница на 16 кроватей, в Берёзове — на 40 штатных, в Берёзовском уезде одна больница на 5 кроватей, в Сургутском уезде больниц не было. В Берёзове и Сургуте лечебные учреждения обслуживали не только коренное население, но и, за установленную плату, другие категории населения. При этом Сургутский врач должен был преодолеть расстояние в 1 500 верст, чтобы достигнуть границы своего участка [Обзор Тобольской губернии за 1913 год, 1915, с. 35–36].

Известный исследователь Сибири Г. М. Дмитриев-Садовников в своих полевых материалах, посвященных наблюдениям коренных жителей реки Ваха в 1913 г., обратил внимание на демографическую ситуацию среди них и методы народной медицины. Он отмечал, что началась депопуляция остяков, хотя ранее почти ежегодно наблюдался прирост, и летальность среди них отличалась высокими показателями лишь в годы эпидемий. По его мнению, причиной роста смертности являлось стремительное распростра-

нение оспы, чахотки и сифилиса. Он указывал, что в недалеком будущем остяки исчезнут незаметно, если только вследствие какой-либо эпидемии не будет обращено внимание на ухудшении демографической ситуации среди них. Представители местного коренного населения страдали инфекционными, онкологическими, психическими заболеваниями, а также заболеваниями кожи, глаз и рахитом. Они считали, что болезнь дается людям как наказание и обычно обращались к шаманам для устранения ее причины. Шаманы были в почете, лечили заговорами и своими особенными средствами различного происхождения, некоторые из которых стали народным достоянием. Так, при болях в спине, как и при других, на больное место ставили конус из березового трутовика и зажигали его с вершины. Кроме того, применяли и такой метод, как наложение руки на больное место [Дмитриев-Садовников, 1998, с. 97–105].

О формировании штатов медицинских кадров заботилось государство, о чем свидетельствуют многочисленные документы Врачебного отделения Тобольского губернского управления [ГБУТО]. Медицинский персонал на территории Тобольского Севера был представлен мужчинами и женщинами, представителями различных конфессий, этносов и разных категорий: врачами, фельдшерами, повивальными бабками. Среди местных врачей были и поляки. Одним из них являлся доктор Кржевский, который, кстати, не только владел профессиональными компетенциями, но и неплохо изъяснялся по-немецки [Соммье, 2012, с. 182].

В начале 1890-х гг. городовым врачом Сургута служил С. Кевлич (1865–?), уроженец города Кургана, сын ссыльного поляка, выпускник Казанского университета, который успешно сделал карьеру, занял пост окружного врача, занимался педагогической деятельностью, служил в губернском статистическом комитете [Островский, 2013, с. 93–94]. Во второй половине XIX в. в Обдорской волости трудились врачи А. А. Алексеев (?–1852), выпускник Московской медико-хирургической академии, И. Лютиков, Биржишко, И. Зальмунин И. Боричевский, Осетров, В. Поддъяков, Маршалов, а также фельдшеры Москвитин, А. Васильев и другие. Следует отметить, что на Тобольском Севере не было образовательных учреждений для подготовки врачей, представители этой медицинской профессии мигрировали на его территорию из других регионов России после окончания образовательных медицинских учреждений [Темплинг, 2015, с. 140–141].

Достойный вклад в развитие медицины и социокультурного ландшафта региона внес окружной врач Сургута, врач для командировок по сельской части Тобольской губернии, В. Е. Клячкин (1858–1928) [Российский медицинский список ..., 1890, с. 88], а также врач А. Я. Штрэнберг, который занимался не только лечением больных, но и краеведением, а также и культурно-просветительской деятельностью [Белобородов, 2008, с. 30–31].

Заключение

Таким образом, в середине XIX – начале XX в. государство проявляло заботу о здоровье населения Тобольского Севера, однако медицинское обслуживание населения отличалось разобщенностью, несовершенством, связанными с разъездной системой организации медицинской помощи, географической и финансовой недоступностью, нехваткой медицинского персонала, дефицитом и неравномерностью финансирования, отсутствием дезинфекционных средств, низким уровнем иммунизации населения, слабым развитием фармацевтической и профильной медицинской помощи. Это, наряду с санитарно-гигиенической неграмотностью, дальнейшим освоением региона, пагубно влияло на здоровье населения.

Стратегию развития здравоохранения Тобольского Севера определяло Врачебное отделение Губернского управления. Государство не справлялось со всеми проблемами общественного здоровья и организации медицинской помощи населению, привлекало к сотрудничеству духовенство. Вклад в развитие здравоохранения региона внесли благодотворители Равский, Земцов и Чечуров.

Медицинское обслуживание на территории Тобольского Севера отличалось местной спецификой. Так, серьезными помехами в деятельности медицинского персонала являлись языковой барьер, разные культурные, в т. ч. и культурно-гигиенические, традиции и предпочтения русского пришлого и местного коренного населения, недоверие коренного населения к медицинским работникам, сезонные занятия коренных жителей, нежелание выпускников медицинских образовательных учреждений трудиться в провинции, в условиях сурового климата и в системе здравоохранения со слаборазвитой инфраструктурой, отсутствие на территории Тобольского Севера образовательных учреждений для подготовки врачей и системы земского здравоохранения. По-прежнему представители коренного населения в случае болезней пользовались методами и средствами народной медицины, обращались к шаманам. Хотя государство принимало участие в развитии здравоохранения Тобольского Севера и инициировало развитие так называемой сельской медицины, это не могло в полной мере разрешить проблемы медицинского обслуживания населения, проживающего в этом регионе. Для борьбы с инфекционными заболеваниями и высокой смертностью на территории Тобольского Севера необходимо было развивать систему здравоохранения, использовать опыт земской медицины, совершенствовать местное самоуправление и заниматься просвещением северных народов.

Список источников

- Бартенев В. 1896. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб.: Типолитография М. П. Пайкина. 154 с.
- Белобородов В. 2008. Берёзов на рубеже XIX и XX веков в письмах А. Я. Штернберга // Подорожник: краеведческий альманах. Тюмень: Мандр и Ка. Вып. 9. С. 29–34.
- Белобородов В. 2005. Другая сторона // Подорожник: Краеведческий альманах. Тюмень: Мандр и Ка. Вып. 1. С. 20–42.

- Гондatti Н. А. 2000. Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь // Лукич. № 5 (15). С. 100–146.
- ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И 352. Оп. 1. Д. 114. Л. 1–357; Д. 140. Л. 1–291; Д. 179. Л. 1–12; Д. 184. Л. 1–71; Д. 193. Л. 1–18; Д. 194. Л. 1–9; Д. 195. Л. 1–32; Д. 201. Л. 1–45; Д. 206. Л. 1–226; Д. 217. Л. 1–47; Д. 261. Л. 1–184; Д. 282. Л. 1–180; Д. 289. Л. 1–73; Д. 492. Л. 1–18.
- Губарев К. 1863. От Тобольска до Берёзово // Современник. Т. 94. № 1/2. С. 353–388.
- Дмитриев-Садовников Г. М. 1998. О вымирании инородцев р. Ваха, их болезнях и лекарствах // Версты и строки. Екатеринбург: Среднеуральское книжное издательство. С. 97–104.
- Дунин-Горкавич А. А. 1908. Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения. Тобольск: Губернская типография. 87 с.
- Дунин-Горкавич А. А. 1904. Справочная книжка Тобольской губернии. Тобольск: типография Епархиального Братства. 176 с.
- Дунин-Горкавич А. А. 1996. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. М.: Либирея. Т. III. 208 с.
- Судакова Н. Д., Тюлина С. В., Завьялова Л. М. (сост.). 2019. Из обзора по Самаровской волости Тобольского уезда за 1900 год // Югра многовековая: сборник архивных документов. Ханты-Мансийск: Новости Югры. 244 с.
- Клячкин В. Е. 2004. Санитарный очерк Сургута // Подорожник: Краеведческий альманах. Тюмень: Мандр и Ка. Вып. 4. С. 117–119.
- Корепанов Е. Г. 1965. Краткое описание истории села Самарово, 1900–1960 гг. Ханты-Мансийск. 52 с.
- Неклепаев И. Я. 1998. Народная медицина в Сургутском крае // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург. С. 300–329.
- Судакова Н. Д., Тюлина С. В., Завьялова Л. М. (сост.). 2019. Обзор Самаровской волости. 1872 год // Югра многовековая: сборник архивных документов. Ханты-Мансийск: Новости Югры. 244 с.
- Обзор Тобольской губернии за 1891 год. 1892. Тобольск: Губернский статистический комитет. 22 с.
- Обзор Тобольской губернии за 1895 год. 1897. Тобольск: Типография Губернского управления. 24 с.
- Обзор Тобольской губернии за 1900 год. 1901. Тобольск: Издание губернского статистического комитета. 26 с.
- Обзор Тобольской губернии за 1910 год. 1911. Тобольск: Типография Губернского управления. 40 с.
- Обзор Тобольской губернии за 1913 год. 1915. Тобольск: Издание губернского статистического комитета. 42 с.
- Островский Л. К. 2013. Вклад поляков в развитие здравоохранения Западной Сибири (1890–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. № 375. С. 91–96. <https://doi.org/10.17223/15617793/375/17>
- Павлов А. А. 1878. 3 000 верст по рекам Западной Сибири: очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби. Тюмень: Издание И. И. Игнатова. 164 с.

- Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. 1884. Тобольск: Типография Тобольского губернского правления. 408 с.
- Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. 1864. Тобольск: Типография Тобольского губернского правления. 454 с.
- Памятная книжка Западной Сибири. 1881. Омск: Типография окружного штаба. Т. 1. 391 с.
- Подревский Н. Н. 2004. Поездка на Северный Урал летом 1892 года. Тюмень: Мандр и Ка. 224 с.
- Провский Н. 2007. Из Берёзова // Подорожник: Краеведческий сборник. Ханты-Мансийск: Полиграфист. Вып. 8. С. 22–47.
- ПСЗ РИ II. 1881. Т. 54. Ч. 1. № 59563. Штаты и табели. СПб.
- ПСЗ РИ III. 1890. Т. 8. № 5189. Штаты и табели. СПб.
- ПСЗ РИ III. 1899. Т. 16. Ч. 1. № 13445. Штаты и табели. СПб. С. 408.
- ПСЗ РИ III. 1913. Т. 30. Ч. 1. № 33900. СПб.
- Рашин А. Г. 1956. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. Москва: Госстатиздат. 352 с.
- РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 82. Л. 9–10.
- РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 145. Л. 45–52.
- РГИА. Ф. 1287. Оп. 18. Д. 1398. Л. 6.
- РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 224. Л. 1–3. Об. 6, 8, 24.
- РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 689. Л. 1–4.
- Российский медицинский список, изданный Медицинским Департаментом Министерства внутренних дел на 1890 год. 1890. СПб. 496 с.
- Скропышев Я. С. 1904. Тобольская губерния в пятидесятых годах // В. А. Арцимович. Воспоминания. Характеристики. СПб.: типография М. М. Стасюлевича. С. 13–102.
- Сомме С. 2012. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир / пер. с ит. А. А. Переваловой; под ред. Я. А. Яковлева. Томск: Издательство Томского университета. 640 с.
- Татарникова А. И. 2019. Функционирование больниц гражданского ведомства в городах Тобольской губернии в 1870–1917 годах // Научный диалог. № 12. С. 392–407.
- Темплинг В. Я. 2015. Здравоохранение на крайнем Севере Тобольской губернии (XIX – начало XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4 (31). С. 136–142. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a31/136-142.pdf
- Труды первого съезда сельских врачей Тобольской губернии (20 января – 4 февраля 1911 г.). 1913. Тобольск: издание Тобольского врачебного отделения. 300 с.
- Федотов Н. П., Мендрин Г. И. 1975. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск: Издательство Томского университета. 280 с.
- Швецов С. П. 1888. Очерк Сургутского края. Омск. 87 с.
- Шуляк Е. В. 2019. Развитие здравоохранения Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 5. № 2. С. 121–132. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2019-5-2-121-132>

References

- Bartenev, V. (1896). *In the extreme North-West of Siberia. Essays of the Obdorsk Territory*. Tipolitografiya M. P. Paykina. [In Russian]
- Beloborodov, V. (2008). Berezov at the turn of the 19th and 20th c. in A. Ya. Sternberg's letters. In *Plantain: Local History Almanac* (no. 9, pp. 29–34). Mandra i Ka. [In Russian]
- Beloborodov, V. (2005). The other side. In *Plantain: Local History Almanac* (Vol. 1, pp. 20–42). Mandra and Ka. [In Russian]
- Gondatti, N. L. (2000). Preliminary report on the trip to Northwest Siberia. *Lukich*, (5), 100–146. [In Russian]
- State Archive in Tobolsk*. (n.d.). (f. 352, op. 1, d. 114, l. 1–357; 140, l. 1–291; 179, l. 1–12; 184, l. 1–71; 193, l. 1–18; 194, l. 1–9; 195, l. 1–32; 201, l. 1–45; 206, l. 1–226; 217, l. 1–47; 261, l. 1–184; 282, l. 1–180; 289, l. 1–73; 492, l. 1–18). [In Russian]
- Gubarev, K. (1863). From Tobolsk to Berezovo. *Contemporary*, 94(1/2), 353–388. [In Russian]
- Dmitry-Sadovnikov, G. M. (1998). On the extinction of foreigners. Vakha, their diseases and medicines. In *Verst and Lines* (pp. 97–104). Sredneural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. [In Russian]
- Dunin-Gorkavich, A. A. (1908). *Needs of the Tobolsk North and Measures to Satisfy Them*. Gubernskaya tipografiya. [In Russian]
- Dunin-Gorkavich, A. A. (1904). *Reference Book of the Tobolsk Province*. Tipografiya Eparkhial'nogo Bratstva. [In Russian]
- Dunin-Gorkavich, A. A. (1996). *Tobolsk North. Ethnographic Essay of Local Foreigners* (Vol. 3). Libirea. [In Russian]
- Sudakova, N. D., Tyulina, S. V., & Zavyalova, L. M. (Eds.). (2019). From the review of the Samara volost of the Tobolsk district for 1900. In *Centuries-Old Ugra: A Collection of Archival Documents*. Novosti Yugry. [In Russian]
- Klyachkin, V. E. (2004). Sanitary essay of Surgut. In *Plantain: Local History Almanac* (Vol. 4, pp. 117–119). Mandra i Ka. [In Russian]
- Korepanov, E. G. (1965). *Brief Description of the History of the Village of Samarovo, 1900–1960*. [In Russian]
- Neklepaev, I. (1998). Folk medicine in the Surgut Territory. In *Tobolsk North through the Eyes of Political Exiles of the 19th – early 20th c.* (pp. 300–329). [In Russian]
- Sudakova, N. D., Tyulina, S. V., & Zavyalova, L. M. (Eds.). (2019). Obzor of the Samara volost, 1872. In *Centuries-Old Ugra: A Collection of Archival Documents*. Novosti Yugry. [In Russian]
- Review of the Tobolsk province for 1891*. (1892). Gubernskiy statisticheskiy komitet. [In Russian]
- Review of the Tobolsk province for 1895*. (1897). Tipografiya Gubernskogo upravleniya. [In Russian]
- Review of the Tobolsk province for 1900*. (1901). Izdanie gubernskogo statisticheskogo komiteta. [In Russian]
- Review of the Tobolsk province for 1910*. (1911). Tipografiya Gubernskogo upravleniya. [In Russian]
- Review of the Tobolsk province for 1912*. (1913). Izdanie gubernskogo statisticheskogo komiteta. [In Russian]

- Ostrovsky, L. K. (2013). The contribution of Poles to the development of health care in Western Siberia (1890–1917). *Tomsk State University Journal*, (375), 91–96. [In Russian]
- Pavlov, A. A. (1878). *3,000 versts along the rivers of Western Siberia: essays and notes from wanderings along the shores of Tura, Tobol, Irtysh and Ob*. Izdanie I. I. Ignatova. [In Russian]
- Commemorative book of the Tobolsk province for 1884*. (1884). Tipografiya Tobolskogo gubernskogo pravleniya. [In Russian]
- Memorial book for the Tobolsk province for 1864*. (1864). Tipografiya Tobolskogo gubernskogo pravleniya. [In Russian]
- A Memorable Book of Western Siberia*. (Vol. 1). (1881). Tipografiya okruzhnogo shtaba. [In Russian]
- Podrevsky, N. N. (2004). *Trip to the Northern Urals in the Summer of 1892*. Mandra i Ka. [In Russian]
- P-rovsky, N. (2007). From Berezov. In *Plantain: Local History Almanac* (Vol. 8, pp. 22–47). Polygraphist. [In Russian]
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire* (PSZRI) II: Vol. 54, part 1, no. 59563. States and Timesheets. (1881). [In Russian]
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire* (PSZRI) III: Vol. 8, no. 5189. States and Timesheets (1890). [In Russian]
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire* (PSZRI) III: Vol. 16, no. 13445. States and Timesheets. (1899). [In Russian]
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire* (PSZRI) III (Vol. 30, part 1, no. 33900). (1913). [In Russian]
- Rashin, A. G. (1956). The population of Russia for 100 years (1811–1913). In *Statistical Essays*. Gosstatizdat. [In Russian]
- Russian State Historical Archive* (RGIA) (n.d.). (f. 391, op. 5, d. 82, l. 9–10). [In Russian]
- Russian State Historical Archive* (RGIA) (n.d.). (f. 1265, op. 10, d. 145, l. 45–52). [In Russian]
- Russian State Historical Archive* (RGIA) (n.d.). (f. 1287, op. 18, d. 1398, l. 6). [In Russian]
- Russian State Historical Archive* (RGIA) (n.d.). (f. 1287, op. 20, d. 224, l. 1–3, ob. 6, 8, 24). [In Russian]
- Russian State Historical Archive* (RGIA) (n.d.). (f. 1287, op. 20, d. 689, l. 1–4). [In Russian]
- Russian Medical List, Published by the Medical Department of the Ministry of the Interior for 1890*. (1890). [In Russian]
- Skropyshev, Ya. S. (1904). Tobolsk guberniya in 1850s. In *V. A. Artsimovich. Memories. Characteristics* (pp. 13–102). Tipografiya M. M. Stasyulevicha. [In Russian]
- Sommier, S. (2012). *Summer in Siberia among ostyaks, self-eaters, zhyryans, Tatars, Kyrgyz and Bashkirs* (A. A. Perevalova, Trans.; Ya. A. Yakovlev, Ed.). Tomsk University Publishing House. [In Russian]
- Tatarnikova, A. I. (2019). Functioning of Civilian Hospitals in Cities of Tobolsk Province in 1870–1917. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*, (12), 392–407. [In Russian]
- Templing, V. (2015). Health care in the Far North of Tobolsk province (XIX – early XX c.c.). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 4(31), 136–142. http://www.ipdn.ru/_private/a31/136-142.pdf [In Russian]

- Works of the First Congress of Rural Doctors of the Tobolsk Province (January 20 – February 4, 1911).* (1913). Izdanie Tobolskogo vrachebnogo otdeleniya. [In Russian]
- Fedotov, N. P. & Mendrina, G. I. (1975). *Essays on the history of medicine and health of Siberia.* Tomsk University Press. [In Russian]
- Shvetsov, S. P. (1888). *Essay of the Surgut Territory.* [In Russian]
- Shulyak, E. V. (2019). The development of health care in Siberia in the 18th – first half of the 19th century. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 5(2), 121–132. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2019-5-2-121-132> [In Russian]

Информация об авторе

Екатерина Викторовна Шуляк, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Ханты-Мансийская государственная медицинская академия, Ханты-Мансийск, Россия
shuljak65@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4779-3701>

Information about the author

Ekaterina V. Shulyak, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of the Social and Economic and Humanitarian Disciplines, Khanty-Mansiysk State Medical Academy, Khanty-Mansiysk, Russia
shuljak65@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4779-3701>

Образы кладбища в картине мира православного духовенства и их влияние на народную культуру (на материалах церковной публицистики конца XIX – начала XX века)

Анна Андреевна Бушуева

Курганский государственный университет, Курган, Россия
Email для связи: anna_b2022@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы представления православного духовенства о кладбище как особом моральном пространстве, отразившиеся в церковной публицистике Тобольских, Пермских, Рязанских, Вятских, Курских и Омских епархиальных ведомостей. Во-первых, рассмотрено, какие ценностные коннотации соответствовали образам кладбища, какие роли оно играло в системе религиозных символов и аллегорий и в различных эмоциональных сценариях, насколько близким («своим») или далеким («чуждым») казалось представителям духовного сословия. Во-вторых, исследовано, насколько положение кладбищ в этой ценностной системе соответствовало их реальному состоянию на материально-бытовом уровне, а также как оно сочеталось с народной картиной мира: на пути от церковного идеала к обыденной практике священниками как наблюдателями-критиками отмечалась повсеместная неблагоустроенность кладбищ, множественные конфликты между причтом и крестьянами (сектантами, «малороссами»-переселенцами в Сибирь) за фактическую и символическую власть над пространством захоронений. Расхождения между церковным и народным образами кладбища (и шире — отношением к смерти) проиллюстрированы изучением такого аспекта, как специфическая культура могильщиков, физически приближенных к территории мертвых подобно священникам, но во многом мировоззренчески и поведенчески далеких от церковного идеала.

Ключевые слова: русская православная церковь, православное духовенство, церковная публицистика, кладбища, танатология, история смерти, ментальность

Цитирование: Бушуева А. А. 2023. Образы кладбища в картине мира православно-го духовенства и их влияние на народную культуру (на материалах церковной публицистики конца XIX – начала XX века) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 1 (33). С. 97–113. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-97-113>

Поступила 30.11.2023; одобрена 13.02.2023; принята 13.02.2023

Images of the cemetery in the worldview of the Orthodox clergy and their influence on folk culture (the case of church journalism of the late 19th – early 20th c.)

Anna A. Bushueva

Kurgan State University, Kurgan, Russia
Corresponding author: anna_b2022@mail.ru

Abstract. This article analyzes the ideas of the Orthodox clergy on the cemetery as a special mortal space, reflected in the church journalism of the Tobolsk, Perm, Ryazan, Vyatka, Kursk, and Omsk diocesan journals. Firstly, the author considers how the cemetery images were associated with the system of religious values, what roles it played in the system of religious symbols and allegories, what emotional patterns it was embedded in, how close (“friend”) or distant (“foe”) the cemetery was perceived by the clergy. Secondly, the article shows to what extent the position of cemeteries in the system of values corresponded to their real state at the material and everyday level, and to what extent they fit into the folk worldview. On the way from the church ideal to their everyday practice, priests as observers and critics noted the widespread inconvenience of cemeteries, multiple conflicts with peasants (sectarians and settlers in Siberia) for actual and symbolic power over the burial space. The discrepancies between the church and folk views of the cemetery (and, more broadly, the attitude towards death) are illustrated by the study of such an aspect, as the specific culture of gravediggers, who are close to the dead like priests, but in many aspects, they are ideologically and behaviorally far from the church ideal.

Keywords: Russian Orthodox Church, Orthodox clergy, church journalism, cemeteries, thanatology, history of death, mentality

Citation: Bushueva A. A. (2023). Images of the cemetery in the worldview of the Orthodox clergy and their influence on folk culture (the case of church journalism of the late 19th–

early 20th c.). *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9(1), 97–113. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-97-113>

Received Nov. 30, 2023; Reviewed Feb. 13, 2023; Accepted Feb. 13, 2023

Введение

Церковная публицистика конца XIX – начала XX в. — перспективный источник для изучения картины мира православного духовенства, бывшего одновременно основным творцом и читателем епархиальных журналов. Важной составляющей картины мира являются представления о смерти, в частности — образы места захоронения мертвых этой культуры, смыслы и символы, связанные с ним, способы говорить о кладбищах, вписывать эти экстраординарные пространства в контекст обыденной жизни. Место, занимаемое телами мертвых членов национальных, религиозных и пр. сообществ в их идеологии и повседневной жизни, — важнейший компонент в понимании господствующей в этих сообществах парадигмы человеческой жизни, убеждений о ее содержании, смысле, протяженности, формах (телесное земное бытие, посмертное бестелесное, посмертное в качестве памятной фигуры, «почитаемого предка» и др.). Кроме того, актуальность работы состоит в возможности соотнести ее выводы с танатологическими представлениями современной российской культуры, в которой по сию пору силен религиозный фактор и преобладает погребение умерших на кладбищах.

В историографии интерес к изучению кладбищ реализовался главным образом в двух направлениях исследований: рассмотрении их организационно-управленческой истории и рассмотрении их роли в народной культуре. Материальные стороны бытования кладбищ второй половины XIX – начала XX в. — управление, взаимодействие городских и церковных властей по «кладбищенскому вопросу», доходность, благоустройство и поддержание порядка — изучались многими авторами [Леонтьева, 2002, с. 20–21; Конюченко, 2006; Филиппова, 2009; Загваздин, 2017; Миронова, 2018; Акульшина, 2020]. Бытовавшие в народной культуре предписания, запреты и суеверия, связанные с местами захоронений, календарно-поминальная обрядность отражены, в частности, в работах [Седакова, 2004; Андрюнина, 2015; Мерридейл, 2019]. При этом, насколько известно, проблема существования особого взгляда духовенства на кладбища не становилась предметом отдельного исследования и не рассматривалась через призму епархиальных ведомостей.

Соответственно, цель данной статьи — используя материалы церковной публицистики конца XIX – начала XX в., выявить отношение духовенства к кладбищам (их место в системе ценностей и символов, эмоциональные коннотации) и соотнести его с обыденной практикой: Как церковный идеал воплощался в жизнь? Разделялись ли взгляды духовного сословия широкими народными массами или оставались локальным феноменом? В качестве источника использованы статьи из Тобольских, Пермских, Рязанских, Вятских, Курских и Омских епархиальных ведомостей.

Результаты и обсуждение

Церковные писатели конца XIX – начала XX в. разделяли убежденность в том, что кладбище — это «святое» («священное») место, «нива Божья», забота о котором — долг каждого христианина [Невский, 1891, с. 22; Берегите могилки, 1896, с. 278; Д. Н. Р., 1899, с. 322; Антоний, епископ Тобольский..., 1901, с. 370–371; Вырыпаев, 1903, с. 67]. Они обосновывали заботу о кладбищах почитанием предков, уважением к праху человеческого, предназначенному для воскресения, памятью о собственном «смертном часе» [Изгородь для кладбищ, 1891, с. 339; Вологдин, 1898, с. 127–128; Антоний, епископ Тобольский..., 1901, с. 371; Хоротевский, 1908, с. 453].

При этом смысловая наполненность образа кладбища в их творчестве глубже, чем представление о нем как о конкретном земельном участке для погребения мертвых.

В ряде случаев образ кладбища в церковных сочинениях может быть прочтен как аллегорическое изображение всего земного мира. Главная идея статьи священника С. С. — что разрешение вопросов о смысле жизни и смерти осуществимо только в букве религии — эмоционально заостряется в сцене, разыгранной в пространстве абстрактного кладбища:

«Человек ходит по кладбищу, между могильными холмами, памятниками и крестами, углубляется в свои думы и спрашивает: все, которые схоронены под этими холмами, памятниками и крестами, — которые думали, страдали, радовались, а теперь сделались добычей червей и тления, навсегда погибли или живы они, и не пропали бесследно их думы, страдания, радости? А когда я буду страдать на одре болезни, — раздумывается далее человек, — и буду ждать смерти, то — что такое смерть? Куда мне тогда обратиться свои взоры? где искать помощи? за какой якорь ухватиться?» [С. С., 1910, с. 421].

Поставленный автором на воображаемом кладбище, среди бескрайнего пространства «холмов, памятников и крестов», читатель подводится к мысли, что таким «якорем» может быть только религия, потому что без научных ответов об устройстве мироздания человек не погибнет (физически и духовно), а без религиозных — «жить невозможно и ужасно умирать» [С. С., 1910, с. 421].

В проповеди епископа Тобольского и Сибирского Варнавы кладбище — это место, открывающее истину — тщету земного: когда некий старец посещает склеп, где погребены две сестры, одна из которых при жизни славилась красотой, а вторая — безобразием, он видит в нем неотличимые друг от друга кости, из чего выводит мысль о незначительности «скоропреходящих земных благ» перед лицом смерти [Епархиальная хроника, 1914, с. 316].

Кладбище здесь — пространство, где замедляется и расширяется временная перспектива, происходит переход к мышлению поколениями, веками, «конечными истинами». Здесь «всё говорит о ничтожестве и тленности земной жизни» [Воззвание, 1905, с. 60], «всё от житейской влечет суеты» [Меньщиков, 1888, с. 223].

Важный элемент восприятия погребального пространства — связь кладбища и сада (рощи): природа символически излагала религиозную мистерию жизни и смерти. Известный богослов Игнатий Брянчанинов писал о «круге вековых деревьев», осеняющих мо-

гилы его предков [Брянчанинов, 1848]; деревья символизировали долговечность на фоне краткой человеческой жизни — они стояли, почти не изменяясь, в то время как росло число могил у их корней (ср.: «ветвистые березы, которые пережили и переживут еще тысячи людей» [Верещагин, 1909а, с. 282]); листья обозначали краткую, но постоянно возобновляющуюся жизнь — «сменяются на поверхности... поколения человеческие, как на деревьях листья» [Верещагин, 1909а, с. 282]. «Прелести цветов» и «трепетание листьев», напоминая о «красоте духа человеческого», аллегорически изображали хрупкость телесной красоты, уничтожающейся смертью-зимой до весны-воскресения [Д. Н. Р., 1899, с. 325] («Что наша жизнь? Почти то же, что и жизнь листка на древе!» [Брянчанинов, 1848]). По словам священника Г. Е. Верещагина, «воскресающая на могилах зелень» служила «живым напоминанием одиннадцатого члена символа веры», а «шорох трав, растущих на могилах, как бы говорил загробным жителям: привет вам, сокрытые в земле! Подобно зелени, и вы воскреснете» [Верещагин, 1909а, с. 282].

Также среди природных мотивов в описании кладбищ выделяется гендерно атрибутированный образ земли: «мать-земля сырая» [М. К., 1902, с. 446], «мать — земля родная», «холодная земля» [Свящ. В. Г. Серков, 1903, с. 181]; присутствует мотив «возвращения» человека в землю («тело, созданное Богом из земли, должно отойти в землю» [Свящ. В. Г. Серков, 1903, с. 181]), в ее материнские «объятия» («гроб с телом приняла в свои объятия мать-земля сырая» [М. К., 1902, с. 446]), в состоянии родового покоя-небытия. Эпитеты «сырая» и «холодная» (лишенная тепла, света, жизни), характеризующие мир смерти, соответствуют глубинным народным представлениям о нем [Седакова, 2004, с. 141]. Таким образом, под спудом более новых религиозных наслоений продолжали свое существование архаические константы мифологической народной культуры.

Природные образы могли использоваться для подчеркивания контраста между мертвым и живым, усиления эмоционального воздействия. Например, в стихотворении, место действия которого — кладбище, мрачная картина — «береза высокая слезы прощальные на землю льет» у свежевыкопанной могилы — противопоставлена описанию того, как в отдалении, торжествуя жизнь, «птичка... песню поет» [Меньщиков, 1888]. Подобный же контраст воспроизведен некрологом, свидетельствовавшим, что «гроб с телом Николая Ивановича [скончавшегося псаломщика сельской церкви — прим. А. А.]... принесен был к могиле, возле уже распутившихся больших лип, на приходское кладбище...» [Елистратов, 1916, с. 388].

Духовенство приветствовало сближение кладбищенского пространства с пространством обыденной, повседневной жизни, призывая прихожан к регулярным посещениям могил для своего рода наглядных уроков богословия I. По мнению епископа Тобольского и Сибирского Антония, они способствовали более «удобной и легкой» моральной подготовке христиан к загробной жизни [Антоний, 1901, с. 370]. Епископ Пермский и Соликамский Андроник на страницах Пермских епархиальных ведомостей выразил

---

¹ Этот мотив встречается в 5 из 34 статей о кладбищах, выделенных нами в епархиальных ведомостях.

уверенность в том, что после наведения порядка на кладбищах было бы «приятно всякому побывать на родных могилах, мысленно побеседовать с почившими, успокоиться от дряг житейских, помолиться и об упокоении душ усопших рабов Божьих» [Не нужно забывать..., 1915, с. 412]. Священник Г. Е. Верещагин приписал такую склонность горожанам Елабуги: по его словам, на Елабужском городском кладбище любил прогуливаться «всякий елабужец» (к числу которых относился некоторое время и сам публицист): там «они нередко предавались мечтаньям о загробном мире» [Верещагин, 1909а, с. 281–282]. Остается открытым вопрос, действительно ли он наблюдал множество елабужцев, совершавших религиозно-философские хождения между могилами, или же художественной вольностью приписал собственный опыт широкому кругу лиц. Самому Г. Е. Верещагину прогулки на кладбище приводили на ум «пророчества о человеческих костях», «слова Спасителя и Апостолов о воскресении мертвых» и поэзию А. С. Пушкина: «И сколько здесь ни видно нас — / Мы все сойдем под вечны своды, / И чей нибудь уж близок час» [Верещагин, 1909а, с. 281–282].

Некрологи подтверждают действительное бытование в среде духовенства практики посещения кладбищ для обретения утешения в жизненных тяготах подле родных могил, осмысления собственной смертности: это место притяжения, а не источник страха, не мучительное напоминание, которое следовало бы предать забвению. Священник С. Е. Унжаков незадолго до смерти «под давлением... мрачных дум и тайных страданий» часто навещал могилы родителей [Некролог, 1913, с. 411–412]. Священник С. Веселовский в год перед смертью обрел привычку «идя на свои трудовые поля, почти каждый день проходить мимо кладбища и по самому кладбищу, а воротясь домой... шутиво говорил, что „выбирал себе местечко на кладбище“...» [Егоров, 1915, с. 127].

Мотив «досугового» посещения кладбищ в церковной публицистике нередко сочетался с идеей заблаговременного выбора места собственного упокоения. В глазах духовенства забота о своей могиле и ее окружении указывала на духовную зрелость личности, готовность рассуждать о смерти без ужаса и отрицания. Кроме упомянутого С. Веселовского, выбрали место своего упокоения священник В. Серебrenников, пожелавший упокоиться на приходском кладбище: «С миром жил, с миром и лягу» [А. М., 1913] (подразумевается — не в церковной ограде, а наравне с простыми членами сельской общины), и священник Т. П. Карпов, распорядившийся похоронить его «около западных ворот церковной ограды, на месте... облюбованном им уже много лет, под тенью вечно зеленеющих кедр, насаженных рукою его» [Лепехин, 1983, с. 173–174]. По указу Св. Синода от 12 апреля 1833 г., дозволялось

«при церквах, находящихся в селениях, но не в самых церквах... погребать тела местных протоиереев и священников, честно и беспорочно проходивших свое служение и христиански скончавшихся. Что ж касается прочих лиц, погребение оных при церквах в селениях допускать сколько можно реже...» [Загваздин, 2017, с. 154].

В частности, после смерти заштатного священника А. Родионова потребовалось запросить разрешение у епископа, ответившего телеграммой: «Упокой Господи старца. Разрешается» [С. О., 1916, с. 332].

В епархиальных ведомостях также присутствует упоминание о выборе своей могилы, касающееся светского чиновника, С. Ю. Витте, чью набожность епископ Тобольский и Сибирский Варнава разными способами стремился подчеркнуть на панихиде: в одном ряду с тем фактом, что Витте «много помогал беднякам», встало то, что «за пять лет до своей смерти он приобрел себе место для могилы в Александро-Невской лавре и часто навещал его» [Служения Архипастыря, 1915, с. 195] (подразумевается — размышлял о смерти, духовно готовился к ней).

Кладбище в восприятии служителей церкви — пространство особых эмоциональных переживаний: грусти (не переходящей в запретные тоску и отчаяние), своего рода меланхолической задумчивости, которые, с высоты церковного идеала, должны побудить человека к прозреванию сути человеческого бытия, к осознанию незначительности, недолговечности земной жизни по сравнению с вечной жизнью души, требующей спасения.

Эмоциональный ряд в источниках, однако, не однотонок: каждый публицист, в зависимости от раскрываемой им темы (замысла) и собственной индивидуальности, ставил свой эмоциональный акцент.

В стихотворении «На кладбище» ученика семинарии Павла Меньщикова, изобразившего сельские похороны, доминирующая эмоция — уныние/печаль. Прямые обозначения эмоций: «виды унылые», «чувства тоскливые», «слезы прощальные», «печальные головы», «тайная грусть», «горе», «плачет, рыдает», «печаль» [Меньщиков, 1888] — относятся как к кладбищенской обстановке, так и к приведшему туда крестьян событию — смерти члена общины. Эта эмоция не столько следует напрямую из поведения персонажей-крестьян, сколько приписывается им автором-«наблюдателем» (который, в свою очередь, использовал традиционную взаимосвязь между похоронами и минорной тональностью): несмотря на драматически усиленный мотив «горя», эмоции самих действующих лиц трехчастного сюжета (появление крестьян на кладбище, выполнение погребального обряда и уход) почти не находят выражения, только в их позах читается «тайная грусть» (утаенная от кого?) и — единственная из присутствующих — «плачет, рыдает» вдова. Поэт осознает и художественно подчеркивает драматизм ситуации, в то время как изображенные им участники похорон остаются эмоционально сдержанными, закрытыми (за одним исключением). Этот контраст позволил автору передать свое представление о тяжести жизни крестьян: у них нет времени на долгие прочувствованные церемонии прощания (и мотив кладбища как места досуговых прогулок и философских размышлений к ним, конечно, не относится), «наскоро», без «лишних слов» [Меньщиков, 1888] умершего хоронят — и возвращаются «на поля для трудов»; жить для них означает непрерывно тяжело трудиться. Таким образом, стихотворение повествует не только о типичной сценке на абстрактном сельском кладбище, но и о крестьянской ментальности, эмоциональной культуре, формах горевания, а точнее — о восприятии этой ментальности со стороны — поэтом-семинаристом.

Некоторое сходство в изображении народной эмоциональной культуры обнаруживается в записях священника про погребальные обычаи малороссов-переселенцев. Сельский священник Омской епархии был убежден, что малороссам присущи равнодушные к смерти близких, «безучастие», потому что они редко плачут на похоронах, отцы

не приходят в церковь на отпевание своих детей, «ссылаясь на недосуг, на полевые работы», но приходят на «тризну с обильным возлиянием „горилки“» [Из впечатлений..., 1911, с. 30–31] (хотя в данной публикации в целом прочитывается предубежденность «священника-сибиряка» по отношению к переселенцам, автор делал выводы на основе собственных наблюдений). Плач на похоронах считался в среде духовенства «хорошим тоном», признаком душевной чуткости, а также искренней любви к покойному: во многих некрологах одобрительно упоминалось, что церемония прощания с покойным вызвала слезы («не было ни одного человека, который бы не плакал» [Соболев, 1913, с. 180], «все плакали» [А. М., 1913], «вздохи и рыдания потерявших своего приходского пастыря огласили воздух» [Протопопов, 1913, с. 367] и т. п.).

В то же время демонстративно-эмоциональные народные традиции наподобие погребального плача церковь официально осуждала за неискренность, наигранность горя [Мерридейл, 2019]. Традиции эти сохранялись и в городах: например, в Саратове в родительский день горожане, «отслужив панихиды, наплакавшись и, как *требовал того обычай*, повопив с разными многоречивыми причитаниями „умненько и столь трогательно, что всю нутренность воротило“, садились у могил справлять поминальную тризну» [Акульшина, 2020, с. 166].

Иными словами, эмоциональные сценарии (внутренние переживания и их внешние проявления), принятые (или желательные) в среде сравнительно хорошо образованного духовенства, расходились с крестьянскими, выражаясь в том числе в поведении на кладбище.

Обращаясь к широким массам, публицисты стремились воздействовать в первую очередь на их эмоции. Обосновывая необходимость приведения кладбищ в достойный вид, они апеллировали к «чувствам» паствы: «родственному чувству» [Изгородь для кладбищ, 1891, с. 339], «чувству благоговения» [Вологдин, 1898, с. 127], «чувству уважения» [Вологдин, 1898, с. 128], чувству жалости к одиночеству мертвых в неухоженных и забытых могилах. Ярким примером последнего служит обращение к публике причта и старосты Св. Николаевской Ново-Харбинской церкви города Нового Харбина. В нем изложена драматичная история русской женщины, брошенной мужем в Маньчжурии и скончавшейся от чахотки в местной больнице, осиротив малолетнего сына. Пока «чужие люди холодно хоронят бедную, неизвестную им, женщину», в России «доживающие свой век старцы-родители, не имея возможности совершить 10 000 верст в Харбин, предаются безутешной скорби о безвременной кончине их нежно-любимой дочери» [Воззвание, 1905, с. 60]. Рассказчик протягивает нить от образа одинокой могилы к образу «безмолвного» кладбища, на котором ввиду отсутствия церкви не звучат молитвы. Публикация завершается финальным воззванием — принять участие в сборе пожертвований на построение кладбищенского каменного храма в Новом Харбине [Воззвание, 1905, с. 61].

В сознании православных публицистов конца XIX — начала XX в. сохранялась вера в возможность сурового наказания свыше за несправедное отношение к мертвым и месту их упокоения. В популярном на страницах епархиальных ведомостей жанре «рассказа о чудесах» передан случай, как во время отправления панихид на кладбище в селе Кочу-

бееве Каменецкого уезда 11 июня 1890/1891 г., пока «благочестивые люди» молились об упокоении усопших, некоторые крестьяне «проводили время в корчме, в веселой беседе и попойке», за что и поплатились. С востока (!) пришла туча, над корчмой прогремел гром, «крик и вопль огласили все село»: «какая-то невидимая сила» нанесла грешникам «сильные раны на руках и особенно на ногах, целые полосы тела испеченные, точно раскаленным железом», а троих свалила насмерть. Одной из погибших стала женщина, жестоко наказанная, по-видимому, за то, что не только сама пренебрегла благочестием, но и принесла в корчму своего ребенка, подвергнув риску его душу (ребенка «молния» невредимым выбросила за дверь) [Грозное вразумление, 1892].

Покушение на кладбищенские ценности и намеренное нарушение порядка на кладбищах, судя по немногочисленности упоминаний об этом, не считались в то время серьезной проблемой (в отличие от часто обсуждавшейся на страницах епархиальных журналов проблемы пренебрежения их благоустройством). Антоний, епископ Тобольский и Сибирский, вскользь заметил, что на кладбищах Тобольской епархии можно увидеть «разрушенные временем и *расхищенные человеческими руками* надгробные памятники и ограды» [Антоний, 1901, с. 371], и другой автор указал, что обломки крестов и деревянных памятников время от времени служат топливом для пастушьих костров [Д. Н. Р., 1899, с. 321].

Близко к теме подходит история из раннехристианских времен, приведенная публицистом для того, чтобы в контексте рассуждений о современности придать живости и убедительности призыву «не нарушать мира и покоя успокоившихся от земных тревог». Герой этой истории, пытаясь ограбить гробницу девушки из богатой семьи, раздел тело «до последней сорочки», после чего покойница восстала с обличительной речью, пригрозив в наказание вору и осквернителю девичьей стыдливости, что «эта гробница будет общим жилищем — моим и твоим... здесь же после долгих мучений ты ужасным образом испустишь свою злую душу...» [Берегите могилки, 1896].

Кладбища служили точками притяжения исследовательского любопытства священников-этнографов, которые фиксировали для читателей необычные случаи или конфликтные ситуации, раскрывающие для нас специфику церковного восприятия этого пространства, представления о должном и недожном порядке обращения с ним.

В частности, «Скиталец» представил описание удивившего его обычая из одного села Вятской епархии: в этом селе надмогильные кресты-памятники было принято ставить не в ногах покойного (т. е. на восточном конце могильного холма), а над его головой, потому что, по словам местного клира, «на Голгофе животворящий Крест Спасителя был водружен над черепом праотца Адама» [Скиталец, 1915].

Сельский священник Омской епархии пересказал конфликты, связанные с кладбищами в его управлении. По его опыту, многие переселенческие поселки «полтавцев и черниговцев» (малороссов-переселенцев в Сибирь) желали иметь «самостоятельное» кладбище, ссылаясь на удаленность от приходского, действуя хитростью или вступая в прямую борьбу со священником [Из впечатлений..., 1911, с. 21–22]. Для устройства нового кладбища в то время требовалось возбудить дело в духовной консистории, определить участок земли и отмежевать его с помощью землеустроителя, получить

разрешение от духовного начальства [Васильева, 2015, с. 176]. Когда в 1896 г. в поселке Ц. Колодцы священник отказался освятить отдельное место под переселенческое кладбище, «переселенцы» устроили кладбище на месте, освященном им под хлебозапасный магазин, за что мировой судья приговорил «всех виновных в самовольном погребении умерших» к аресту на одни сутки, а некоторых «оштрафовал по одному рублю» [Из впечатлений, 1911, с. 19–20]. В другом случае между 1908–1910 гг. жители поселка Фоминского, все — переселенцы из Черниговской губернии, решили не заказывать у местного иерея молебны в отместку за его отказ бесплатно освятить им кладбище в «неустановленном месте» («нехай эти гроши лучше пропьем, а не дадим их пипу») [Из впечатлений, 1911, с. 21–22]. В итоге фоминцы все-таки устроили свое кладбище, несмотря на отсутствие разрешения епархиального начальства: священник убеждал их в отсутствии подобного права, фоминский староста отвечал, что «мы желаем хоронить и не будем ни кого спрашивать», на что священник пригрозил не отпевать их мертвых и не давать молитв и венчиков [Из впечатлений, 1911, с. 26–27].

Чем руководствовались в этих ситуациях «переселенцы»? Важным для крестьян мотивом являлось нежелание тратиться на погребальные церемонии на приходском кладбище, стремление хоронить своих мертвых поближе и подешевле. Священник заметил, что малороссы порой практикуют «самовольное» погребение без обряда отпевания — например, один крестьянин Ш-н из Ц. Колодцев похоронил так сына-младенца, «не смотря на то, что хата Ш-на стоит против храма» [Из впечатлений, 1911, с. 27], а также в подавляющем большинстве отказываются от заупокойной литургии [Из впечатлений, 1911, с. 31]. В его трактовке это происходило из «закаленной грубости этого народа», бесчувственности по отношению «к праху своих близких людей» [Из впечатлений, 1911, с. 30–31]; свою роль играли и привезенные с родины обычаи.

Связанные с «малороссами» конфликты вокруг кладбищ этим не ограничивались. Священник Г. Шорец Омской епархии (вполне вероятно, сочинитель предыдущей статьи про малороссов), выведивший в неприглядном свете сектантство («штундо-баптизм, молоканство, адвентизм и проч.»), изложил два сопутствующих сюжета. В первом случае, опираясь на слухи («по общему убеждению...»), он обвинил баптистов в «надругательстве... над православной верой» — разрушении каменного креста на могиле жены священника во время баптистских похорон [Шорец, 1915, с. 699–700]. Во втором случае центром религиозного конфликта стали сектантские похороны: в феврале 1914 г. в поселок Кругловский съехались сектанты:

«полагают, что... для погребения [православной — прим. А. А.] жены шалопута Крапивного... Однако, похороны сектантские не удались. Для погребения усопшей прибыл приходский священник Г. Ш. [т. е. автор цитируемой публикации — прим. А. А.] и похоронил ее по православному обряду, не взяв с шалопута никакой платы за труд. (Она была своевременно напутствована св. Тайнами) ...» [Шорец, 1915, с. 702].

Иными словами, приходской клир беспокоили единичные проявления религиозно окрашенного вандализма и более частые попытки осуществления захоронений без положенных православному христианину ритуалов.

Главный мотив публикации священника-этнографа Г. Е. Верещагина — выяснение обстоятельств жизни елабужских юродивых, а также привлечение внимания к проблеме сохранности мест их упокоения. Местонахождение их могил сохранялось разве что в памяти сторожей, за редкими исключениями наподобие могилы «Козьмы юродивого, слывшего в народе „Тугулей“», который удостоился каменной плиты с развернутой стихотворной эпитафией, сочиненной, по мнению автора, «каким-нибудь духовным лицом» [Верещагин, 1909а, с. 282–283]. Эпитафия призывала «нести свой крест покорно», ожидая посмертного воздаяния «сторицей», и помнить, что на последнем суде не важны будут чины и богатства. Могила другого юродивого (Иродиона) тоже была отмечена каменным памятником: надпись на нем рассказывала в числе прочего про ношение умершим «тяжелых вериг» [Верещагин, 1909б, с. 300].

Нанесение надмогильной надписи «Христа ради юродивый» требовало разрешения кладбищенского духовенства, а памятник мог быть установлен по инициативе и за счет местного священника (как в случае с памятником Иродиону) [Верещагин, 1909б, с. 300–302]. Народное мнение о покойном колебалось от истинно «юродивого» до «истого дурака» [Верещагин, 1909б, с. 302].

Любопытно и для нашей источниковой подборки уникально свидетельство Г. Е. Верещагина о «профессиональной культуре» могильщиков (сторожей и могилокопателей) елабужского городского кладбища. Автор не был плохо знаком с этой категорией похоронных служащих, поскольку с 1895 по 1900 г. являлся диаконом кладбищенской церкви Елабуги (после чего получил сан священника и был переведен в другую церковь) [Верещагин Г. Е.]. Однако в публикации он намеренно выступил в роли заезжего любопытствующего наблюдателя: в тексте он ни разу не назвал себя священнослужителем, зато счел нужным специально заметить, что «они [могильщики — прим. А. А.] знали меня, как *этнографа*» [Верещагин, 1909а, с. 288 ; курсив наш]. Принадлежность к клиру легко прочитывается в авторских сравнениях и репликах («Воскресающая на могилах зелень, служа живым напоминанием одиннадцатого члена символа веры...»; «Кладбище следует окуривать кадильным, а не табачным дымом»; «Читал ты пророчество Иезекииля, — напомнил я... и привел слова пророка» [Верещагин, 1909а, с. 282–285]).

Необходимость устройства новых могил на переполненном кладбище приводила к тому, что «старые кости выбрасывались из могил и потом обратно швырялись с лопаты» [Верещагин, 1909а, с. 282, 285–286]. Могильщики не считали, что тем самым наносят мертвым обиду, и не боялись навлечь на себя их недовольство: «ничего, покойник не осердится» [Верещагин, 1909а, с. 285]. Пренебрежительно-циничное обращение с останками проистекало как из условий служебной практики, так и из своеобразного религиозного фатализма с «профессиональным» отпечатком: спешить не следует — «всю работу не кончишь, рано ли, поздно ли — на кладбище же будешь», «до нас люди табачничали, после нас будут» [Верещагин, 1909а, с. 284]. Притом образ идеальной смерти они рисовали конфессионально-традиционный: «только бы Бог привел умереть на родине и, главное, христианскою смертью» [Верещагин, 1909а, с. 284]. «Профессиональный цинизм» [Фот, 2017, с. 65], по выражению А. Г. Фот, был присущ и духовенству,

формируясь на фоне тяжелых обстоятельств служения и многочисленных столкновений с фактами смерти.

Один из могильщиков невозмутимо закурил при священнике и стал тут же бросать окурки. В ответ священнослужитель заметил, что «кладбище следует окуривать кадильным, а не табачным дымом» [Верещагин, 1909а, с. 284]. Поведение могильщика может объясняться тем, что запрет на курение на кладбищенской земле (и вообще на курение) воспринимался как надуманный, рожденный духовенством и чуждый народной культуре: на кладбищах население курило и выпивало [Епархиальная хроника ..., 1914, с. 317; Акульшина, 2020, с. 166], что осуждалось извне, церковью, но не изнутри — народным обычаем. В то же время Г. Е. Верещагин к образу именно этого «табачика» добавил «некоторое сомнение» в том, что «кости» действительно оживут [Верещагин, 1909а, с. 285]: тем самым он мог в художественной форме связать курение как акт безнравственный со слабостью религиозной веры, в частности веры в воскресение. Также по тексту этот могильщик отличался «швыряньем» костей, «любовью к балагурству» и неграмотностью [Верещагин, 1909а, с. 284–285]; ему же автор приписал нежелание вникать в жизненные перипетии тех, «которых почти каждый день приходится зарывать» [Верещагин, 1909а, с. 287].

Курение на погостах порицалось и рядовым священнослужителем, и епископом. По словам Варнавы, Епископа Тобольского и Сибирского, «даже на воротах многих заводов... имеются предупредительные объявления — „курить строго запрещается“, и за ослушание виновные подвергаются штрафу, а иногда даже и увольнению... А нас накажет за это сам Господь» [Епархиальная хроника ..., 1914, с. 317].

Могильщикам не чужды оказались суеверия, связанные с останками: различия во внешнем виде костей («У одного покойника они белы, точно снег, у другого — бурые, темно-бурые; попадаются даже черные, как уголь») они были склонны связывать с нравственным обликом покойников, а также с местом их захоронения (ближе к церкви «черепки отличались особенной белизной») [Верещагин, 1909а, с. 286]. В качестве повода к размышлению могильщик-«грамотей», увлекавшийся чтением духовной литературы, привел историю о том, как археологи в 1889 г. «вырыли монаха в дубовом корыте... кости его, говорят, были белы, точно воск» [Верещагин, 1909а, с. 286]. Идея о причинно-следственной связи между цветом костей и благочестием, судя по всему, была почерпнута им из публикации про афонский обычай откапывать кости умерших и по их внешнему виду судить о святости монахов [см. об этом обычае: Успенский, 2014, с. 50–53]. Сам Г. Е. Верещагин выразил сомнение в достоверности подобных наблюдений.

Заключение

Таким образом, в церковной публицистике нашло отражение восприятие кладбища с точки зрения религиозного идеала, поддерживавшегося духовным сословием, как места, где истина христианского учения (неизбежный плотский распад, озаренный надеждой на воскресение) получает наглядное изображение, где расширяется временная

перспектива (от времени одной человеческой жизни — к многовековой протяженности); где в благочестивых прогулках, в любовании природой происходит приобщение человека к этой истине, привыкание к мысли о собственной смертности; и где религиозно просвещенный человек испытывает особые эмоциональные переживания.

Духовенство, однако, осознавало и критически комментировало тот факт, что проповедуемое церковью деятельное уважение к кладбищам не оказывало значительного влияния на народные массы, которые в ряде случаев оспаривали право священнослужителей распоряжаться погребальной землей, предпочитали собственные внецерковные формы проявления горя по умершим. Большинство сельских и городских кладбищ оставались неблагоустроенными, в том числе ввиду бездеятельности родственников покойных. Даже в картине мира кладбищенских служителей — могильщиков и сторожей — духовенство не находило торжественно-почтительного отношения к захоронениям, зато обнаруживало суеверия и проявления пренебрежительно-фаталистического отношения к мертвым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- А. М. 1913. Священник о. Валентин Серебренников // *Тобольские епархиальные ведомости*. № 17. С. 342.
- Акульшина Е. Ю. 2020. Проблема содержания саратовского воскресенского кладбища в последней трети XIX – начале XX в. // *Город и городская жизнь в России XVI–XXI веков: материалы всероссийской научной конференции, посвященной 430-летию Саратова (Саратов, 26 сентября 2020 г.)* / под ред. М. В. Зайцева. Саратов: Саратовский источник. С. 161–173.
- Андрюнина М. А. 2015. Символика пространства в славянской похоронно-поминальной обрядности: этнолингвистический аспект (украинская, белорусская, западнорусская и польская традиции): дис. ... кандидата филологических наук. Москва. 355 с.
- Антоний, епископ Тобольский и Сибирский. 1901. Воззвание к ревнующим о христианской жизни жителям Тобольской епархии // *Тобольские епархиальные ведомости*. № 21. Отдел офиц. С. 369–371.
- Берегите могилки. 1896 // *Пермские епархиальные ведомости*. № 12. С. 278–281.
- Брянчанинов Игнатий. 1848. Кладбище // Библиотека «Святоотеческое наследие». 20 мая. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/ignatij_br/tom_1/txt_23.html (дата обращения: 22. 10.2022).
- Васильева А. В. 2015. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Омск. 261 с.
- Верещагин Г. Е. // Елабуга литературная. URL: <https://lkelabuga.jimdofree.com/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B8/%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D0%BD-%D0%B3-%D0%B5/> (дата обращения: 22.10.2022).
- Верещагин Гр. 1909а. Прикамские юродивые // *Вятские епархиальные ведомости*. № 11. С. 281–288.
- Верещагин Гр. 1909б. Прикамские юродивые // *Вятские епархиальные ведомости*. № 12. С. 300–307.
- Воззвание. 1905 // *Рязанские епархиальные ведомости*. № 2. С. 60–61.

- Володин П. А. 1898. К вопросу о благоустройстве кладбищ // Пермские епархиальные ведомости. № 7. С. 127–129.
- Вырыпаев Ст. 1903. Из села Исетского Ялуторовского уезда // Тобольские епархиальные ведомости. № 3. С. 66–67.
- Грозное вразумление. 1892 // Пермские епархиальные ведомости. № 5. С. 180–181.
- Д. Н. Р. 1899. О сельских кладбищах // Тобольские епархиальные ведомости. № 17. С. 320–325.
- Егоров Алексей, священник. 1915. Памяти о С. Веселовского // Тобольские епархиальные ведомости. № 10. С. 127.
- Елистратов И., священник. 1916. Похороны // Тобольские епархиальные ведомости. № 22. С. 387–389.
- Епархиальная хроника. Служения Архипастыря. 1914 // Тобольские епархиальные ведомости. № 19. С. 313–320.
- Загваздин Е. П. 2017. «Похороните меня в ограде»: отражение экстраординарной погребальной практики в материалах Тобольской духовной консистории // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 3. № 4. С. 150–162. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2017-3-4-150-162>
- Из впечатлений сельского священника. 1911 // Омские епархиальные ведомости. № 14. Отдел неофиц. С. 18–37.
- Изгородь для кладбищ // Вятские епархиальные ведомости. 1891. № 12. С. 339–340.
- Конюченко А. И. 2006. Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX – начало XX века). Челябинск: ЦНТИ. 210 с.
- Леонтьева Т. Г. 2002. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф. 272 с.
- Лепехин И., священник. 1893. Некролог // Тобольские епархиальные ведомости. № 9–10. С. 171–174.
- М. К., священник. 1902. Некролог // Тобольские епархиальные ведомости. № 23. С. 445–446.
- Меньщиков Павел. 1888. На кладбище // Тобольские епархиальные ведомости. № 9–10. С. 223.
- Мерридейл К. 2019. Каменная ночь. Смерть и память в России XX века. АСТ.
- Миронова Е. В. 2018. Архангельское кладбище Казани: опыт исторического исследования // Историческая этнология. Т. 3. № 1. С. 137–148.
- Не нужно забывать родных могилочек // Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 13. С. 412–413.
- Невский Н., священник. 1891. Об охранении и украшении кладбищ // Курские епархиальные ведомости. № 2. Отдел неофиц. С. 22–27.
- Некролог. 1913 // Тобольские епархиальные ведомости. № 20. С. 410–412.
- Протопопов Н., священник. 1913. Некролог // Тобольские епархиальные ведомости. № 18. С. 367–368.
- С. С., священник. 1910. Слово в пяток 4-й седмицы по Пасхе и в день священного коронования Их Императорских Величеств // Рязанские епархиальные ведомости. № 12. С. 418–424.

- С. О., свящ. 1916. Андрей Родионов // Тобольские епархиальные ведомости. № 20. С. 331–332.
- Священник Василий Гаврилович Серков // Тобольские епархиальные ведомости. 1903. № 7. С. 179–182.
- Седакова О. А. 2004. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: «Индрик». 320 с.
- Скиталец. 1915. О надмогильных крестах-памятниках // Вятские епархиальные ведомости. № 21. Отдел неофиц. С. 711–712.
- Служения Архипастыря // Тобольские епархиальные ведомости. 1915. № 14. С. 190–196.
- Соболев Георгий, свящ. 1913. Некролог // Тобольские епархиальные ведомости. № 9. С. 179–180.
- Успенский Б. А. 2014. Русская духовность и иконопочитание // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории / под ред. Ф. Б. Успенского, Б. А. Успенского. М.; СПб: Нестор-История. 1913. Вып. 3. С. 38–71.
- Филиппова С. В. 2009. Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. № 4. С. 80–96.
- Фот А. Г. 2017. Повседневная жизнь православного приходского духовенства Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX века: дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург. 325 с.
- Хоротевский П., свящ. 1908. Язычники и Христиане. (Параллель) // Рязанские епархиальные ведомости. № 12. С. 451–454.
- Шорец Герасим, свящ. 1915. Сектанство в Тюкалинском уезде, Тобольской губернии // Тобольские епархиальные ведомости. № 44. С. 698–706.

References

- A. M. (1913). Proest Valentin Serebrennikov. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (17), 342. [In Russian]
- Akulshina, E. Yu. (2020). The problem of the maintaining the Saratov Voskresenskoe Cemetery in the last third of the 19th – early 20th c. *Proceedings of the Research Conference "Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XVI–XXI vekov (September 26, Saratov)", Russia*, 161–173. [In Russian]
- Andryunina, M. A. (2015). *Space symbolism in slavic funeral and memorial rituals: ethnolinguistic aspect (ukrainian, belarusian, western russian and polish traditions)* [dissertation, Moscow]. [In Russian]
- Antoniy, episkop Tobol'skiy i Sibirskiy. (1901). Appeal to those who are zealous for the Christian life in the Tobolsk diocese. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (21), 369–371. [In Russian]
- Look after graves. (1896). *Permskie eparkhial'nye vedomosti*, (12), 278–281. [In Russian]
- Bryanchaninov, Ignatij. (1848). Cemetery. *Biblioteka Svyatootecheskoe nasledie*. Retrieved October 22, 2022, from http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/ignatij_br/tom_1/txt_23.html [In Russian]
- Vasilyeva, A. V. (2015). *Sociocultural Image of the Orthodox Clergy in Western Siberia at the late 19th–early 20th c.* [dissertation, Omsk]. [In Russian]

- Vereshchagin G. E. (n.d.). *Elabuga literaturnaya*. Retrieved October 22, 2022, from <https://lkelabuga.jimdofree.com/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B8/%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D0%BD-%D0%B3-%D0%B5/> [In Russian]
- Vereshchagin, Gr. (1909). Prikamsky yurodivye. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*, (11), 281–288. [In Russian]
- Vereshchagin, Gr. (1909). Prikamsky yurodivye. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*, (12), 300–307. [In Russian]
- Vozzvanie. (1905). *Ryazanskie eparkhial'nye vedomosti*, (2), 60–61. [In Russian]
- Vologdin, P. A. (1898). On the improvement of cemeteries. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*, (7), 127–129. [In Russian]
- Vyrypaev, St. (1903). From the village of Isetsky, Yalutorovsky uyezd. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (3), 66–67. [In Russian]
- A formidable admonition. (1892). *Permskie eparkhial'nye vedomosti*, (5), 180–181. [In Russian]
- D. N. R. (1899). About rural cemeteries. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (17), 320–325. [In Russian]
- Egorov, Aleksey. (1915). To the memory of priest S. Veselovsky. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (10), 127. [In Russian]
- Elistratov, I. (1916). Funerals. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (22), 387–389. [In Russian]
- Diocesan Chronicle. Services of the Archpastor. (1914). *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (19), 313–320. [In Russian]
- Zagvazdin, E. P. (2017). “Bury me in the enclosure”: reflection of the extraordinary grave practice in the materials of the Tobolsk Spiritual Consistory. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 3(4), 150–162. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2017-3-4-150-162> [In Russian]
- A country priest's impressions. (1911). *Omskie eparkhial'nye vedomosti*, (14), 18–37. [In Russian]
- Cemetery fencing. (1891). *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*, (12), 339–340. [In Russian]
- Konyuchenko, A. I. (2006). *Tones and Semitones of the Orthodox White Clergy of Russia (second half of the 19th–early 20th century)*. TsNTI. [In Russian]
- Leontyeva, T. G. (2002). *Faith and Progress: Russian Orthodox Rural Clergy in the second half of the 19th–early 20th centuries*. Novyy khronograf. [In Russian]
- Lepkhin, I. (1893). Necrologue. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (9–10), 171–174. [In Russian]
- M. K. 1902. Necrologue. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (23), 445–446. [In Russian]
- Menshchikov, Pavel. (1888). On the cemerety. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (9–10), 223. [In Russian]
- Merridale, C. (2019). *Night of Stone: Death and Memory in Twentieth-Century Russia*. AST. [In Russian]
- Mironova, E. V. (2018). Arkhangelsk cemetery of Kazan: experience of historical research. *Istoricheskaya etnologiya*, 3(1), 137–148. [In Russian]
- Do not forget family graves. (1915). *Permskie eparkhial'nye vedomosti*, (13), 412–413. [In Russian]
- Nevskiy, N. (1891). On the protection and decoration of cemeteries. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*, (2), 22–27. [In Russian]
- Necrologue. (1913). *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (20), 410–412. [In Russian]

- Protopopov, N. (1913). Necrologue. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (18), 367–368. [In Russian]
- S. S. (1910). Word on the fifth of the fourth week after Easter and on the day of the coronation of Their Imperial Majesties. *Ryazanskie eparkhial'nye vedomosti*, (12), 418–424. [In Russian]
- S. O. (1916). Andrey Rodionov. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (20), 331–332. [In Russian]
- Priest Vasiliy Gavriilovich Serkov. (1903). *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (7), 179–182. [In Russian]
- Sedakova, O. A. (2004). *The Poetics of Rite. Funeral Rituals of the Eastern and Southern Slavs*. Indrik. [In Russian]
- Skitalets. (1915). On grave crosses-monuments. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*, (21), 711–712. [In Russian]
- Archpastoral services. (1915). *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (14), 190–196. [In Russian]
- Sobolev, Georgiy. (1913). Necrologue. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (9), 179–180. [In Russian]
- Uspenskiy, B. A. (2014). Russian spirituality and icon veneration. In F. B. Uspenskiy and B. A. Uspenskiy (Eds.), *Fakty i znaki: Issledovaniya po semiotike istorii* (Vol. 3, pp. 38–71). Nestor-Istoriya. [In Russian]
- Filippova, S. V. (2009). Cemetery as a symbolic space of social stratification. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, (4), 80–96. [In Russian]
- Fot, A. G. (2017). *Daily Life of the Orthodox Parish Clergy of the Orenburg diocese in the second half of the 19th–early 20th c.* [dissertation]. Orenburg. [In Russian]
- Khorotevskiy, P. (1908). Pagans and Christians. (Parallel). *Ryazanskie eparkhial'nye vedomosti*, (12), 451–454. [In Russian]
- Shorets, Gerasim. (1915). Sectarianism in Tyukalinsky Uyezd, Tobolsk Province. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, (44), 698–706. [In Russian]

Информация об авторе

Анна Андреевна Бушуева, магистр исторических наук, аспирантка 4 курса, Курганский государственный университет, Курган, Россия
anna_b2022@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1100-8561>

Information about the author

Anna A. Bushueva, M. A. in History, 4th year Ph. D. student, Kurgan State University, Kurgan, Russia
anna_b2022@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1100-8561>

Микрорайон как элемент визуальной репрезентации города на примере Тюменской области

Дмитрий Олегович Бубнов

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
E-mail для переписки: d.o.bubnov@utmn.ru

Аннотация. Цель статьи — показать процесс формирования визуальной репрезентации западносибирского города позднесоветского периода в условиях промышленного освоения в период с 1960-х по начало 1990-х гг. Объект исследования — образ микрорайона как центрального элемента репрезентации городского пространства в позднесоветский период. Данные города во второй половине XX в. получили свое активное развитие благодаря освоению Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, что во многом позволило превратить эти города в экспериментальную площадку для смелых решений в области повседневности. Это определило новые подходы к визуальной репрезентации позднесоветского города, где в центре внимания оказывались не только парадные площади, заводы в городе и «передовые социалистические кварталы», как это было в 1930-е гг. Изменения, в частности, прослеживаются с появлением новых элементов визуального образа города. Одним из таких элементов визуального образа позднесоветского города в Западной Сибири стал появившийся в условиях начавшегося в 1950-е гг. перехода к массовому и типовому стандартизированному жилищному строительству микрорайон, который был своеобразным «городом в миниатюре» со своей социальной или социокультурной инфраструктурой, улицами, но в целом еще отражающий старую идею об «особом коллективном общежитии советского общества». Это и предопределило специфику визуального образа позднесоветского города, который являлся промышленным, экономическим, научным и культурным центром.

Ключевые слова: визуальная репрезентация, визуальность, 1960–1990-е гг., микрорайон, Западная Сибирь, фотография, образ города

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Цитирование: Бубнов Д. О. 2023. Микрорайон как элемент визуальной репрезентации города на примере Тюменской области // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 1 (33). С. 114–127. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-114-127>

Поступила 05.10.2022; одобрена 21.02.2023; принята 24.02.2023

Microdistrict as an element of a city's visual representation the Tyumen region

Dmitry O. Bubnov

University of Tyumen, Tyumen, Russia
d.o.bubnov@utmn.ru

Abstract. This article studies the formation of the visual image of the late Soviet city in 1960s – early 1990s in Western Siberia, approaches to representation and some of its elements. The author aims to show the process of formation of the visual representation of the Western Siberian city of the late Soviet period during the industrial development. The object of the study is an image of the microdistrict as a central element of urban space in late Soviet era. These cities actively developed during the development of the West Siberian oil and gas complex, which allowed to turn these cities into an experimental platform for bold everyday life solutions. This defined new approaches to the visual representation of the late-Soviet city, where the focus was not only on squares, factories and “advanced socialist districts”, like the 1930s. These changes can be traced to the emergence of new elements of the visual image of the city. One of such elements of the visual image of the late Soviet West Siberian city was a microdistrict that appeared during the transition to standardized housing construction that began in the 1950s. It was a “city in miniature” with its own social infrastructure, streets, but it was still reflecting the old idea of a “collective community of Soviet society” in general. These factors predetermined the specificity of the visual image of the late Soviet city, which was an industrial, economic, scientific and cultural center.

Keywords: visual representation, visibility, 1960-1990s, microdistrict, Western Siberia, photography, the image of the city

Acknowledgements: the research was supported by a grant from the Government of the Russian Federation, project No. 075-15-2021-611 “Human in the changing space of the Urals and Siberia.”

Citation: Bubnov, D. O. (2023). Microdistrict as an element of a city's visual representation the Tyumen region. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanities, 9(1), 114–127. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-114-127>

Received Oct. 5, 2022; Reviewed Feb. 21, 2023; Accepted Feb. 24, 2023

Введение

Визуальные источники, включая фотографии, являются не менее важным источником по репрезентации города Тюмени, чем нарративные, которые отражают лишь текстовый, литературный образ. Современная Тюмень является городом, являющимся своеобразным «лицом» западносибирского индустриального проекта, начавшего свою историю на рубеже 1950–1960-х гг. Это предопределило специфику изучения проблемы визуальных образов. Данная проблема в настоящее время изучается весьма и весьма широко в силу значительного интереса к ним у исследователей в разных областях гуманитарных наук, в том числе и истории. Изучение визуальной репрезентации города представляет собой множество аспектов, что требует привлечения методов из разных наук, в том числе и исторических, включая те методы, которые можно наблюдать в источниковедении.

Следует отметить, что феномен «образа города» является многослойным и в целом весьма сложным явлением. Под образом города каждый человек, живущий в нем или посещающий его видит подчас совершенно разные вещи. В контексте проблемы визуального образа следует отметить некоторые факторы, отмечаемые разными исследователями. Знаменитый американский урбанист К. Линч [Линч, 1982, с. 15–17] понимал образ города как совокупность таких элементов как восприятие, опыт, окружение, ассоциации и воспоминания. Ключевое значение в конструировании образа города он придавал обобщенной мысленной картине окружающего мира в сознании человека. Важность его теории в контексте рассмотрения визуальных образов города заключается и в том, что под образом города Линч подразумевал не только описания, сделанные устно или письменно, но и описания, сделанные «в графической форме». То есть, визуализация образов города все же имеет решающее значение. Важно понимать, что образ является не только инструментом, но и формой репрезентации города. Многими исследователями репрезентация определяется как способ воспроизведения реальности. И здесь стоит сказать, что изображение — это один из способов придания образу видимости. По мнению немецкого философа В. Беньямина, известного своим многолетним исследованием проблемы фланера на примере произведений Ш. Бодлера, в восприятии образа городской среды в сознании человека, живущего в городе, роль играет перевес «активности зрения над активностью слуха» [Беньямин, 2015, с. 40], и поэтому визуальные материалы, включая фотографию, являются здесь очень важным источником. Новизна исследования состоит в оценке тюменского визуального текста как особого феномена, связанного со спецификой Тюмени и Западной Сибири в целом, что позволяет рассмотреть фотографию как элемент визуальной репрезентации региона.

Хронологически статья охватывает период с 1960-х по начало 1990-х гг., т. к. именно начиная с 1960-х гг. происходит активный процесс урбанизации Западной Сибири на фоне

освоения Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. При этом, визуальный текст Тюмени и Западной Сибири рассматривается как феномен, связанный с промышленным освоением Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и урбанизацией региона.

Здесь также необходимо прояснить еще одно важное обстоятельство. С появлением и развитием такого широко распространенного исторического источника, как фотография, меняется многое, в том числе и подходы к образу города. Политики репрезентации с появлением и дальнейшим развитием фотографии меняются существенным образом. Это характерно и для советского города, и фотография здесь является важным источником.

Если рассматривать историографию городской фотографии и визуальной репрезентации в данном контексте, то можно отметить ряд вещей. Исследование городских фотографий стало одной из важных траекторий в плане рассмотрения феномена визуализации и образа города. Однако необходимо здесь отдать отчет в том, что в отечественной науке как правило довольно много исследований было посвящено именно визуальному образу современного города, в то время как советский город затрагивался меньше, а если говорить о примере Западной Сибири, то специализированных исследований по городской фотографии на примере Тюмени, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов практически не найти. Но стоит заметить, что эта проблема является весьма и весьма острой, в особенности в контексте проблемы городских брендов Тюмени и других городов Западной Сибири. Кроме того, городской фотографии советского периода уделяется не так много внимания, как городской фотографии XIX – начала XX в. При этом стоит сказать, что даже здесь рассматривалось историческое и художественное значение городской видовой фотографии. Кроме того, здесь стоит рассматривать и исследования, связанные со сменой урбанистических парадигм. Например, этому одно из своих исследований посвятил В. С. Вахштайн¹ [Вахштайн, 2014]. Кроме того, можно рассмотреть и историю Западной Сибири второй половины XX в., что, несомненно, включает в себя и историю градостроительства. В частности, известны работы И. Н. Стася [Стась, 2016], В. П. Карпова, Н. Ю. Гавриловой, Г. Ю. Колевой. Для анализа истории советского градостроительства и жилищной политики в целом, интересными можно назвать работы В. Л. Глазычева [Глазычев, 2011], М. Г. Мееровича [Меерович, 2017], Е. В. Коньшевой [Коньшева, 2008], К. Д. Бугрова [Бугров, 2018] и Е. А. Калемановой [Калеманова, 2019]. Эти авторы на примерах из разных регионов представили обширные изменения в советской градостроительной политике за огромный период существования советского строя. Данное исследование в свою очередь добавляет еще один аспект — изучение изменений визуального образа города Тюмени и других городов Западной Сибири на примере некоторых элементов, а также добавляет сведения, касающиеся градостроительной политики в Тюмени и области.

Методы

В процессе исследования использованы такие методы как исторический и феноменологический, а также несколько других. Кроме упомянутой теории и методологии образа города К. Линча, стоит упомянуть теорию «visual studies», которая была впервые предложена австралийским теоретиком медиа С. МакКуайром и изложена в книге

---

¹ выполняет функции иностранного агента.

«Медийный город» [МакКуайр, 2014.]. МакКуайр отмечает, что начиная с первых дагерротипов, сделанных во Франции 1830-е гг., городская фотография продолжала развиваться под влиянием процессов, связанных с активным ростом городов. С тех пор фотография продолжала развиваться, выйдя «на улицу».

Отдельно при исследовании фотографий можно сказать и о методе Э. Панофского [Панофский, 1999], который неоднократно применялся в его работах. Он предполагает три уровня: доиконографическое описание, иконографический анализ и иконологическую интерпретацию. При этом Панофский называет уровень интерпретации самым сложным, т. к. он требует оценки изображения на фоне общего социокультурного контекста. Данный метод при анализе позднесоветских фотографий городов становится важным в силу того, что фотография не только является визуальным источником, но и элементом сложного городского визуального текста. Поэтому «прочтение» городской фотографии, включая видовую, как визуального текста, становится задачей, сравнимой с «прочтением» картины.

Результаты исследования и их обсуждение

Эволюция градостроительной политики в СССР: вехи и этапы

Среди визуальных материалов можно выделить как профессиональные, которые делятся на газетные и художественные, так и любительские фотографии, количество которых весьма и весьма огромно и их можно найти в оцифрованном виде в глобальной сети Интернет. Специфика каждого из видов визуальных источников состоит в совершенно разных чертах. Газетные фотографии как правило публиковались в периодической печати и предназначались для репрезентации отдельного региона в средствах массовой информации. Художественные фотографии создаются с целью показать творческое видение фотографа. Особым источником являются любительские фотографии, большой массив которых можно найти в сообществе «Тюмень до нашей эры» [Тюмень до нашей эры] и других площадках. Специфика любительских фотографий заключается в том, что на них как правило могут быть запечатлены быт и повседневность города. Также здесь важны и фотооткрытки. Любительская фотография здесь также оказывается важна, так как она является одним из источников, который подходит под тезисы теории К. Линча.

Собственно, гипотеза исследования состоит в том, чтобы проанализировать ряд элементов визуального образа города. Одним из таких элементов является микрорайон. Идея микрорайона, как отмечал В. Л. Глазычев [Глазычев, 1969], изначально была выдвинута американскими прагмутописцами, а затем взята советскими градостроителями в 1950-е гг. Тюмень эти процессы, связанные с изменениями в сфере градостроительства, не обошли. Поэтому в городе, как и во многих других регионах, создавались «города в миниатюре» со своей социальной инфраструктурой — школы, библиотеки, поликлиники и магазины, что было продиктовано нормативными требованиями [Глазычев, 2008]. И для полного анализа необходимо вкратце рассмотреть историю советского градостроительства начиная с эпохи первых пятилеток. В период советской урбани-

зации и индустриализации, когда формировался тот советский город, который знают многие исследователи, путь к индустриальному «городу-новостройке» был проделан в несколько этапов.

В этом контексте, необходимо проследить эволюцию советского города и урбанизационных процессов. Еще в 1920-е гг., до появления концепции «социалистического города», господствовала идея «города-сада», предложенная еще английским социологом-утопистом Э. Говардом, который предлагал создать такие города, которые бы совместили в себе черты города и деревни, хотя она трактовалась в различных источниках и научных трудах по-разному, что, как отмечал М. Г. Меерович, не имело отношения к настоящей концепции Говарда. Актуальна эта концепция особенно оказалась в годы «новой экономической политики» (НЭП) в СССР. Однако, с началом первых пятилеток, многое изменилось. Теперь, начал происходить переход к социалистическому городу. Чтобы проанализировать данный аспект, сначала необходимо обратиться к трудам М. Г. Мееровича и К. Д. Бутрова, которые изучали проблему «социалистического города» эпохи первых пятилеток [Меерович, 2017; Бутров, 2018]. И поворотным событием стал спор между сторонниками концепций М. А. Охитовича и Л. М. Сабсовича, где победу в конечном счете одержали сторонники последнего. Показательным примером соцгорода начала 1930-х гг. являлся г. Магнитогорск, который строился по проекту немецкого архитектора Э. Мая, прибывшего со своей группой единомышленников в СССР в 1930 г. Отдельно можно сказать, что на формирование советской градостроительной политики также повлияло и привнесение новшеств из Соединенных Штатов Америки. Как отмечал В. Л. Глазычев, американские инженеры привнесли в советское градостроительство схему, которая была создана еще Г. Фордом [Глазычев, 2011, с. 342]. Поэтому, на советской почве стала закрепляться практика создания «фабричных городов».

Со временем градостроительная политика в СССР стала меняться. По мнению М. Г. Мееровича, сначала произошел переход к идее «советского рабочего поселка», а затем — к идее соцгорода, ставшей во многом определяющей в конце 1920-х — начале 1930-х гг., когда жилищно-гражданское строительство становилось «промышленным» [Меерович, 2017]. Тем более, начиная с периода первых пятилеток, ставилась задача: создать такой город, который бы отвечал идее города при промышленном производстве. До определенного времени ставилась идея создать «новый быт», который бы был без всяких намеков на индивидуализм. В частности, создавались дома-коммуны, а также отказывались от кухонь — им на замену должны были прийти фабрики-кухни, которые строились в начале 1930-х годов. Однако со временем произошли очередные изменения. В частности, с середины 1930-х, когда определяющим в советском градостроительстве стал генеральный план Москвы 1935 г., изменилась и градостроительная парадигма. Произошел отказ от «домов-коммун», а от конструктивистского стиля и смелых экспериментов в архитектуре повернули в сторону создания своеобразных «дворцов для рабочих», что выразилось в сталинской архитектуре.

Фактически, промышленность стала во многом тем определяющим фактором, который напрямую влиял на развитие советских городов. Кроме того, свою роль сыграла политика партии и правительства в целом. Поначалу практика создания «фабричных

городов» в советском градостроительстве выглядела следующим образом: в то время как огромное количество населения проживало в бараках, строились кварталы для элиты, или же «дома специалистов». Так называемые «сталинские дома», или «сталинки», фактически делились на дома для элит и дома для рабочих, которые отличались гораздо меньшим комфортом.

С 1950-х гг. также начались изменения в застройке советского города, когда в жилищной политике советского руководства начинается поворот в сторону массового индустриального жилищного строительства, которое должно было обеспечить каждую советскую семью отдельными квартирами. В частности, это индивидуализировало повседневную жизнь и быт советских граждан. Кроме того, индустриальное жилищное строительство решало и задачи, которые были поставлены при развитии таких крупных индустриальных проектов как Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. Старые населенные пункты перестраивались, а новые создавались с нуля.

Поэтому, в Советском Союзе создается иной тип застройки, который предполагал появление жилых массивов. Кроме того, заимствуется модернистская концепция свободной планировки. Однако начался ряд изменений — в частности, со временем стала повышаться этажность. Строительство микрорайонов стало во многом определяющим. Не обошли стороной эти процессы Тюмень и Тюменскую область. Следует отметить, что начиная с процесса освоения Западно-Сибирского нефтегазового комплекса началась фактическая индустриализация региона, практически не затронутого процессами сталинской индустриализации и долгое время остававшегося сельским. Еще в 1960-е гг. велись споры каким же путем пройдет освоение ЗСНГК, что непременно включало в себя развитие градостроения в регионе. Кроме того, под руководством специалистов из Гипрогора, Башнефтепроекта и ЛенЗНИИЭП начали разрабатываться генеральные планы западносибирских городов, таких как Сургут, Нижневартовск, Урай, Нефтеюганск в рамках системы «базовых городов». Этот подход был воплощен на практике, но, как отмечает И. Н. Стась, не был построен город Южный Балык [Стась, 2016, с. 124].

Если рассматривать Тюмень как областной центр, то в Тюмени до 1969 г. не было единого генерального плана, по которому была бы развернута полноценная градостроительная политика тюменского городского и областного руководства. Генеральный план 1959 г., созданный Ленгипрогором, долгое время не был утвержден, и утверждение он получили лишь через десять лет. Стоит заметить, что активно новые районы стали застраиваться лишь со второй половины 1960-х гг. Начинается проведение реконструкции исторического центра Тюмени, а также строятся новые кварталы и микрорайоны, которые поначалу являлись пятиэтажными. В частности, новые кварталы строились с учетом этажности и размеров старых. По застройке тюменские типовые микрорайоны являлись довольно аскетичными. В этом контексте, микрорайон как элемент визуального образа Тюмени и других западносибирских городов, стал базовым. Это является одним из несомненных достижений советского градостроительства. С конца 1970-х гг. повышается этажность кварталов до девяти этажей. Аналогичные процессы коснулись и городов в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. В частности, самым ярким примером является Сургут, который

стал одним из крупных центров освоения ЗСНГК. Как пишет И. Н. Стась, Гипрогором был разработан проект планировки Сургут-Ханты-Мансийского промышленного района, утвержденный Тюменским облисполкомом в 1967 г. [Стась, 2016, с. 77]. Тремя основными узлами расселения стали Сургут, Нижневартовск и предполагаемый город Южный Балык, проект которого не был реализован. Кроме того, происходил переход от какое-то время существовавших «деревянных городов» в сторону городов, застроенных крупнопанельными и кирпичными домами. Это неизбежно предполагало создание новых генеральных планов. Как отмечает А. И. Прищепа, Сургут начал застраиваться по генеральным планам, спроектированным московским Гипрогором [Прищепа, 2014, с. 66]. Однако ни один из двух планов не удовлетворил сургутян, поэтому новые генеральные планы создавались инженерами ЛенНИИПргудоостроительства и ЛенЗНИИЭПа.

Отдельно следует отметить и то обстоятельство, что некоторое количество фотографий было посвящено и строительству микрорайонов в Тюмени и отдельных жилых домов в них. Поэтому следует отметить, что советские фотографы стремились зафиксировать и некий образ будущего города, который будет в итоге построен. Важно отметить еще ряд вещей. На примере Сургута И. Н. Стасем отмечалась особая роль ведомственных микрорайонов как фактора формирования городской идентичности. Нельзя не заметить, что фотографии городов здесь позднее также сыграли свою роль.

Здесь можно обратиться к теории «visual studies» австралийского теоретика медиа С. МакКуайра, который уделил особое внимание уличной фотографии. В частности, он вводит понятие «меню изображений», которое относится к тем объектам, которые традиционно становятся элементами изображений на городской фотографии. На примере фотографии советского провинциального города, а в особенности областного центра, к элементам такого меню обычно относятся центр города с его площадями, некоторые важные объекты социальной инфраструктуры, вроде школ и главных городских больниц, жилые районы, а также их строительство. Если говорить о конкретно городских микрорайонах, то здесь можно рассмотреть несколько типов изображений — фотографиистроек микрорайонов, фотографии с птичьего полета, фотографии жилых домов, построенных в микрорайонах, а также некоторые фотографии социальной инфраструктуры. В частности, таким источником можно назвать панорамы микрорайонов.

Специфика фотографии как источника: зритель как «сверхчеловек»

В ходе исследования была проведена работа как в архивах, так и глобальной сети Интернет. В этом плане важно сказать, что довольно много визуальных источников находится именно в Сети, поэтому довольно много фотографий хранится на площадках городских сообществ, которые так или иначе посвящены истории городов и их современному развитию. В данном случае интересными оказываются фотографии панорам, фотографии с высоты птичьего полета и другие фотографии с разных ракурсов. Встает вопрос: «В чем же специфика фотографий?». Ответ на этот вопрос можно найти в разных

исследовательских материалах. В этом контексте стоит обратиться к следующей идее. Фотографии имеют совершенно разную специфику — будь то фотография, сделанная панорамно, с высоты птичьего полета или в непосредственной близости от объекта. Зритель предстает здесь своего рода «Богом». Кроме того, видовая фотография позволяет установить и увидеть то, что зритель не может своим обычным невооруженным взглядом. Обычно зритель ходит по плохим дорогам, грязи, песку, цементу, но фотография позволяет увидеть город совсем другим — вместо наблюдаемых им в обычной жизни плохих дорог, грязи и пейзажа стройки, человек видит успехи социалистического строительства и процесса превращения глухой тайги в советский «город-сад».

Например, если обратиться к архивным источникам, найденным в Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО), то можно обнаружить следующие примеры. Одним из этих примеров являются фотографии сургутских микрорайонов.

В частности, таким примером можно назвать фотографии, хранящиеся в фотоальбоме, посвященном работе объединения «Сибжилстрой». Например, можно увидеть панораму построенного этим объединением микрорайона, датируемую 1977 г. [ГБУТО ГАСПИТО, ФФ, оп. 5, д. 54 (5)]. На данной панораме видны как уже построенные дома, так и те дома, которые еще строятся. Но они находятся в дальней перспективе. Данная панорама примечательна тем, что дома на ней построены по проекту ЛенЗНИИЭП, которые являются наиболее распространенными в Сургуте и ряде других городов Ханты-Мансийского автономного округа. Кроме того, можно обнаружить пример фотографии строительства домов в микрорайоне. На одной из таких фотографий, датированной 1977 г., изображена стройка панельных домов в новом по тем временам микрорайоне города Сургута. Здесь можно выдвинуть следующую гипотезу. Данные фотографии делались не только с чисто технической точки зрения. В 1970-е гг. города Тюменской области активно застраивались, и нужно было показать, каким же является новый город и подчеркнуть его визуальный образ. На примере Сургута можно увидеть, что данные фотографии делались с целью не только показать результаты деятельности «Сибжилстроя», но и показать образ нового Сургута, который пришел на смену глухому городку в северной глуши.

Кроме того, можно рассмотреть и фотографии из Тюмени, которые можно найти как в архивах, так и в оцифрованном виде. Например, весьма широко распространены фотографии строительства будущих микрорайонов, датируемые концом 1970-х — серединой 1980-х гг. Одной из задач здесь является и поиск общего между фотографиями городов и местом микрорайонов в визуальной репрезентации Тюмени и других городов Западной Сибири. Например, это могут быть фотографии, сделанные при строительстве этих микрорайонов. В частности, одна из фотографий, размещенных в сообществе «Тюмень до нашей эры» датируется 1980 г., когда строился 3-й микрорайон города Тюмени и начинала застраиваться будущая улица Широкая. Видно, что часть жилых домов в данном районе уже построена. Таким же примером является фотография строительства 1-го микрорайона, датируемая февралем 1982 г.

Особое место занимают и фотографии с высоты птичьего полета. Например, на одной из таких фотографий был изображен строящийся 1-й микрорайон. Уже был построен

ряд домов, включая известные в народной топонимике как «китайская стена» и «пентагон». Вообще, фотографий из района современных улицы Широкая и Восточного административного округа, которые датируются 1980-ми гг. можно найти довольно много.

Аналогичные фотографии можно рассматривать на примере других западносибирских городов, которые замышлялись как крупные центры освоения нефти и газа. Примером тому является панорама строительства жилых домов в городе Надым, датируемая 1975 г. [ГБУТО ГАТО, Ф. Р., 1861, оп. 1, д. 1272]. На данной панораме видны дома достаточной этажности, а также строительство новых домов. Некоторые дома на этой панораме пятиэтажные. Однако панорама строительства жилых домов в Надыме также несет репрезентационный смысл, который заключается в том, что на севере строится город, который будет базовым для промышленного освоения Ямала наряду с такими как Новый Уренгой или Ноябрьск, где также можно найти примеры фотографий. В частности, таким примером может послужить общий вид жилых кварталов Ноябрьска, снятый в апреле 1991 г. на излете существования СССР. Еще одна фотография, сделанная в Надыме, датируется 1982 г., и на ней изображены пятиэтажные дома и автобус [ГБУТО ГАТО, Ф. Ф. 1. оп. 1, д. 2137]. Это можно сравнить с изображением трамвая, которые были распространены на Урале в 1930-е гг. в рамках трамвайной сети, создаваемой специально для рабочих районов, что, как отмечал К. Д. Бугров в своей монографии «Соцгорода Большого Урала», являлось для них жизненной необходимостью [Бугров, 2018, с. 145]. Но если сравнивать Урал 1930-х гг. и Западную Сибирь второй половины XX в., то можно увидеть, что во втором случае автобус не стал чем-то новым для советского города, а фактически продолжал тенденцию к изображению общественного транспорта как неперемного элемента советского города. Также, на одной из фотографий, сделанных в Сургуте в 1977 г., можно увидеть автомобиль [ГБУТО ГАТО, Ф. Ф. 1, оп. 1, д. 866]. Но, опять же, по сравнению с Уралом 1930-х гг., личный автомобиль для жителя советского микрорайона второй половины XX в. не был чем-то новым. Однако автомобилизация стала уже одним из показателей урбанизации севера.

Отдельно стоит отметить и тенденцию к повышению этажности в микрорайонах. В частности, это можно увидеть и на примере фотографий жилых кварталов Нового Уренгоя, микрорайонов Тюмени и других городов. В частности, на одной из фотографий, сделанных в Новом Уренгое в 1982 г., можно увидеть девятиэтажные дома [ГБУТО ГАТО, Ф. Ф. 1, оп. 1, д. 2268], что говорит об этой тенденции, характерной не только для Западной Сибири, но и всего Советского Союза. В визуальной репрезентации советского города здесь появляется элемент, связанный с тем, что он растет не только вширь, но и ввысь.

Отдельно можно сказать и о своеобразном «меню изображений». Если переносить тезис об этом на почву советских микрорайонов и городов в целом, то можно сказать следующее. Как правило, в него входили изображения строительства микрорайонов, благоустройства, социальной и культурно-досуговой инфраструктуры, вроде школ, поликлиник, магазинов, домов культуры, библиотек и кинотеатров, а также изображений, которые включают в себя общественный транспорт как элемент репрезентации. В частности, здесь можно найти и некоторые контрасты. В то время как строились

новые жилые микрорайоны, существовало огромное количество пустырей. Это можно рассмотреть и на картах Тюмени 1981, 1986 и 1991 гг. По сравнению с современным состоянием восточных районов Тюмени всё еще сохранялись пустующие земли, что опять же касается южных и юго-восточных районов. В этом плане стоит сказать, что фотографии строящихся микрорайонов 1980-х гг. являются одним из примеров того, какой же в дальнейшем должна быть будущая советская Тюмень. Фотографии новостроек в новых на тот момент советских микрорайонах, включая виды с птичьего полета, стали показателем того, что эти микрорайоны, будучи новыми, имели большое будущее. И контраст между пока еще пустующими территориями и новыми домами здесь очевиден. Также можно и увидеть контраст между уже построенными домами и домами строящимися, а также между новыми домами и старой деревянной застройкой, а также временками, которые были предназначены для рабочих.

По сути, здесь видно, что фактически создавался новый город и новый крупный промышленный, экономический и научный центр, где ставилась задача обеспечить многих, как местных жителей, так и приезжих жильем. И поэтому, микрорайоны были одним из знаковых решений жилищной проблемы. Микрорайон, будучи «молекулой» советского города, превратился в элемент репрезентации, совмещавший в себе идею о «будущем советском городе», которая прошла путь от «города-сада» и «соцгорода» к тому, что можно видеть в позднем СССР.

Однако, важно понимать, что фактически советский микрорайон воспринял довольно много западных модернистских черт. Отказ от классического квартала в пользу микрорайона, с одной стороны, был одним из тех решений, которые были приняты с благими намерениями — обеспечить народ жильем. С другой стороны, наметились и некоторые проблемы. Нельзя не согласиться с В. А. Глазычевым в том, что идея развития местной социальной жизни вокруг школы была отвергнута как противоречащая производственно-коллективной системе, но социальную инфраструктуру все же развивали — требования по постройке школ, детских садов, библиотек, магазинов и поликлиник здесь соблюдались с характерной тщательностью. Однако можно найти немало советских фотографий объектов социальной инфраструктуры в советских микрорайонах. В качестве примеров можно назвать фотографии школ и поликлиник, что говорит и о важности социальной инфраструктуры для этого типа застройки.

Здесь опять же стоит сказать, что фотографии строительства микрорайонов занимают здесь не последнее место, и поэтому важно отметить такую вещь, как образ «города будущего», который в советской идеологии опять же перекликается с западными концепциями «модернистского» и «левого» урбанизма, которые, в частности, в своей статье рассматривал В. С. Вахштайн, отмечая победу «левого» урбанизма в 1960-е гг. [Вахштайн, 2014, с. 14]. В этом плане нельзя сказать, что каким-то образом советский урбанизм был чисто «модернистским» или чисто «левым». Если рассматривать советский город, и в особенности микрорайон, то можно обнаружить черты обеих концепций. Например, от «высокой», или модернистской концепции в советском городе можно обнаружить ту самую идею «города как машины развития». В Советском Союзе такая идея господствовала еще начиная с развития концепции «соцгорода» и продолжилась

фактически до 1991 г. С другой стороны, активно развивалась и социальная инфраструктура, а также благоустройство, что можно увидеть на примере активного строительства объектов социальной инфраструктуры и развития общественного транспорта.

Заключение

Если говорить о том, что из себя представляет советский микрорайон как элемент визуального образа советского города, следует отметить, что в связи с изменениями в градостроительной политике советского руководства в целом, возникла ситуация, когда с одной стороны, советский «типовой город» превратился в однообразную массу, но с другой стороны, в нем закладывались и некоторые идеи того, каким же будет «город будущего». Хотя западносибирский город застраивался стандартизированными типовыми панельными, кирпичными и блочными домами, развивается и социальная инфраструктура. В частности, изменилась парадигма «города будущего», которая впитала на советской почве как «модернистские», так и «левые» элементы. Изменения эти связаны с переходом от одной концепции к другой. Так, на смену «городу-саду» в годы первых пятилеток пришел «соцгород», а затем советская урбанистическая концепция менялась под влиянием времени. Огромные массивы «хрущевок» и «брежневок» вписались в концепцию микрорайона, созданную советскими градостроителем под влиянием идей американских планировщиков.

Микрорайон также является не только элементом советского прошлого, но и настоящего времени постсоветской России и стран бывшего Советского Союза. Труженики получили свое, отдельное жилье, которое с одной стороны дало окончательную свободу от разного рода экспериментов с бытом советских граждан и индивидуализировало его, но с другой стороны, создало и ряд проблем, связанных с атомизацией городских сообществ.

В целом, стоит отметить следующие обстоятельства. На примере Тюмени фотография действительно является важным визуальным источником по истории советского, в особенности позднесоветского города, что требует развития имеющихся подходов к изучению фотографии как источника и внедрения новых. Микрорайон как базовый элемент визуального образа советского города сопровождал его долгое время и продолжает сопровождать уже российский город, что связано с сохранением данной концепции, а также разницей между подходами отечественного и зарубежного градостроительства.

Список источников

- Беньямин В. 2015. Бодлер / пер. с нем. С. Ромашко. М.: Ад Маргинем Пресс. 224 с.
- Бугров К. Д. 2018. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 472 с.
- Вахштайн В. С. 2014. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. №2. С. 9–38.
- ГБУТО ГАСПИТО. Ф. Ф. Оп. 5. Д. 54(5).
- ГБУТО ГАТО. Ф. Ф.1. Оп. 1. Д. 866.
- ГБУТО ГАТО. Ф. Ф.1. Оп. 1. Д. 2137.
- ГБУТО ГАТО. Ф. Ф.1. Оп. 1. Д. 2268.

- ГБУТО ГАТО. Ф. Ф.1. Оп. 1. Д. 5579.
- ГБУТО ГАТО. Ф. Р. 1861. Оп. 1. Д. 1272.
- Глазычев В. Л. 1969. Размышление о микрорайоне // Сайт памяти В. Л. Глазычева. URL: http://www.glazychhev.ru/publications/articles/1971_ramz_o_mikrorayone.htm (дата обращения: 22.04.2022).
- Глазычев В. Л. 2008. Урбанистика. М.: Европа. Часть 1. 220 с.
- Глазычев В. Л. 2011. Город без границ. М.: Издательский дом «Территория будущего». 400 с.
- Калеменева Е. А. 2019. «Поворот к человеку» в проектах и практике урбанизации Крайнего Севера СССР в 1950—1960-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: ВШЭ. 195 с.
- Коньшева Е. В. 2008. Генеральные планы советского Челябинска (1936, 1947, 1967): Диалог сквозь десятилетия // Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII–XXI вв. Челябинск: Издательство ЧГПУ. С. 223–253.
- Линч К. 1982. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат. 328 с.
- МакКуайр С. 2014. Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство / пер. с англ. М. Коробочкин. М.: Strelka Press. 388 с.
- Меерович М. Г. 2017. Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: Новое литературное обозрение. 346 с.
- Панофский Э. 1999. Смысл и толкование изобразительного искусства: статьи об истории искусства / Э. Панофский; пер. с англ. В. В. Симонова. СПб: Академический проект, 393 с.
- Прищепа А. И. 2014. Еще раз о первом генеральном плане застройки Сургута // Вестник Нижневарттовского государственного университета. №2. С. 65–68.
- Прищепа А. И. Формирование дислокационного и архитектурного образа Сургута в начале 1970-х - начале 2000-х гг. // Манускрипт. 2017. №9 (83). С. 148–150.
- Стась И. Н. 2016. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е - начало 1990-х гг.). Сургут: Дефис. 258 с.
- Тюмень до нашей эры // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/tyumengrad> (дата обращения: 21.04.2022).
- Формирование городской среды Тюмени в сер. 1950–сер. 1960-х гг. URL: <https://tyumen.livejournal.com/954647.html> (дата обращения: 21.04.2022).

References

- Benjamin, W. (2015). *Baudelaire* (S. Romashko, Trans.). Ad Marginem Press. [In Russian]
- Bugrov, K. D. (2018). *Socialist Cities of Greater Urals*. Ural Federal University Printing House. [In Russian]
- Vakhshayn, V. S. (2014). Rebuilding the city: between language and space. *Sociology of Power*, (2), 9–38. [In Russian]
- The State Archive of the Social and Political History of The Tyumen Region*. (n.d.). FF, op. 5, d. 54(5). [In Russian]
- The State Archive of the Tyumen Region*. (n.d.). F. F.1. Op. 1. D. 866. [In Russian]
- The State Archive of the Tyumen Region*. (n.d.). F. F.1, op. 1, d. 2137. [In Russian]

- The State Archive of the Tyumen Region.* (n.d.). F. F.1, op. 1, d. 2268. [In Russian]
- The State Archive of the Tyumen Region.* (n.d.). F. F.1, op. 1, d. 5579. [In Russian]
- The State Archive of the Tyumen Region.* (n.d.). F.R. 1861, op. 1, d. 1272. [In Russian]
- Glazychev, V. L. (1969). *Thinking about Microdistrict*. Retrieved April 22, 2022, from http://www.glazychev.ru/publications/articles/1971_ramz_o_mikrorayone.htm [In Russian]
- Glazychev, V. L. (2008). *Urbanism: Part 1*. Moscow: Evropa. 220 p. [In Russian]
- Glazychev, V. L. (2011). *City Without Borders*. Territoriya budushhego. [In Russian]
- Kaleneva, E. A. (2019). "Turn to a Human" in *Projects and Practices of Urbanization of the Soviet Far North in the 1950–1960s*. [dissertation, Higher School of Economics]. [In Russian]
- Konysheva, E. V. (2008). General plans of the Soviet Chelyabinsk (1936, 1947, 1967): Dialogue through decades. In *City in the Mirror of the General Plan: Panorama of Urban Planning Projects in the Russian Regions in the 18th–21st c.* (pp. 223–253). Chelyabinsk State Pedagogical University Publishing House. [In Russian]
- Lynch, K. (1982). *The Image of the City*. Stroizdat. [In Russian]
- McQuire, S. (2014). *The Medis City. Media, Architecture and Urban Space*. Strelka Press. [In Russian]
- Meerovich, M. G. (2017). *Urban Development Policy in the USSR in 1917–1929: From a Garden City to a Departmental Workers' Settlement*. New Literary Observer. [In Russian]
- Panofsky, E. (1999). *Meaning of the Visual Arts. Papers in and on Art History*. Akademicheskiy proekt. [In Russian]
- Prischepa, A. I. (2014). Once again about the first general plan for the development of Surgut. *Bulletin of Nizhneartovsk State University*, (2), 65–68. [In Russian]
- Prischepa, A. I. (2017). Formation of the Dislocation and Architectural image of Surgut in the early 1970s – early 2000s. *Manuskript*, (9), 148–150. [In Russian]
- Stas, I. N. (2016). *From Settlements to Cities and back: the History of Urban Planning Policy in the Khanty-Mansiysk Area (1960s – early 1990s)*. Defis. [In Russian]
- Tyumen BCE. (n.d.). Retrieved April 21, 2022, from <https://vk.com/tyumengrad> [In Russian]
- Formation of the urban environment of Tyumen in the mid-1950s–mid-1960s.* (n.d.). Retrieved April 21, 2022, from <https://tyumen.livejournal.com/954647.html> [In Russian]

Информация об авторе

Дмитрий Олегович Бубнов, аспирант, Кафедра истории и мировой политики; лаборант-исследователь, Лаборатория междисциплинарных исследований пространства, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
d.o.bubnov@utmn.ru

Information about the author

Dmitry O. Bubnov, Postgraduate Student, Department of History and World Politics; research laboratory assistant, Laboratory for Interdisciplinary Research of Space, University of Tyumen
d.o.bubnov@utmn.ru

Содержание за 2022 год

Том 8. № 1 (29)

Языкознание

- 6 К трактовке модели «качество эталонного научного текста»
Котюрова М. П.
- 19 Особенности передачи функций русского тире при переводе на турецкий язык (на примере рассказа «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого)
Тэтик К., Айдын О.
- 38 Смена языкового кода и креативный процесс. Пушкинские планы «Гости съезжались на дачу...», «Русский пелам» и «На кавказских водах»
Холтер Ю., Чепига В. П.
- 62 Как далеко может зайти умерший автор?
Белозёрова Н. Н.

Литературоведение

- 76 О полифонии смыслов «Евгения Онегина»
Шильцев В. Д.
- 108 Сборник как форма творческой репрезентации в культуре Серебряного века
Едошина И. А., Осипова Е. А.
- 123 Поэтика сновидения в лирике Ивана Жданова. Статья первая
Чижов Н. С.
- 145 Развитие джойсовского принципа коллажно-монтажной техники в романе М. Шишкина «Венерин волос»
Марков А. В., Мыслина Ю. Н.
- 162 И. А. Крылов-баснописец в аспекте самосознания
Шипов С. О., Комаров С. А.

История

- 179 Меняльные лавки Кафы XIII–XIV века
Еманов А. Г.
- 206 Людовик XIV и банкир Бернар, или история одной прогулки
Сидоренко М. А.
- 224 Становление и развитие полиции в уездных городах Урала в 60–80-е годы XIX века
Рязанов С. М.
- 241 К проблеме развития скотоводства и земледелия среди казахского населения Западно-Казахстанского региона на рубеже XIX–XX веков
Фризен Д. Я.
- 253 Города Тюменской области в 1970-е гг.: сравнительный анализ тенденций рождаемости и смертности
Дашинамжилов О. Б.

Рецензии

- 271 Современная русская поэзия глазами французов
Маньшиев С. С.

Том 8. № 2 (30)

Языкознание

- 6 Адаптация устного переводчика к работе в гибридной среде
(на примере пусконаладочных работ с удаленным участником)
Краснопегва Е. С., Краева С. С.
- 43 Кросс-культурные аспекты русских и латиноамериканских идиом
Родригес Эрнандес Л. Г.

Литературоведение

- 47 Антропология читательского опыта в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус»
Мартыанова С. А.
- 61 Физическая ненорма как мера природного и социального порядка в повестях
ненецкой писательницы А. П. Неркаги (к специфике этнотерпения)
Лагунова О. К., Маркова В. В.
- 79 Поэзия серебряного века на французском языке: к проблеме поэтического перевода
Чепига В. П.

История

- 94 Listenwissenschaft Вольфрама фон Зодена и проблема
интерпретации шумерских лексических списков
Григоршин С. В.

Том 8. № 3 (31)

Языкознание

- 6 Непрямая коммуникация: речевой жанр скрытой просьбы
Багирова Е. П., Гаврикова Э. О.
- 23 Лексические репрезентации сенсорных образов в лирике Осипа Мандельштама
Разумкова Н. В.

Литературоведение

- 45 Марсель Пруст в «большом времени» исторической поэтики
(по работам С. Н. Бройтмана и А. В. Михайлова)
Данилина Г. И.
- 59 Биографический канон и его преодоление в автобиографической
прозе Осипа Мандельштама «Шум времени»
Кшондзер М. К.

- 69 Затекст как система (случай Анны Ахматовой)
Меньщикова А. М.
- 90 Книжная топка в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»
Бондарчук Е. М.

История

- 108 Тобольский арсенал ручного огнестрельного оружия в эпоху Петра I (1680-1720)
Балюнов И. В.
- 125 Заговор Габриэля 1800 г.: история несостоявшегося восстания
Шумаков А. А.

Юбилей, научные события, рецензии

- 143 Лингвистическая терминология в лексикографии: опыт гизаурского описания
Майоров А. П.

Том 8. № 4 (32)

Языкознание

- 6 Виртуальный образ арктического города на примере Салехарда
Долгих А И.

Литературоведение

- 22 Образ Сибири как российского колониального Востока в травелогe И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“»
Курило С. А., Новикова Е. Г.
- 41 Правдивые сны Андрея Аржиловского из расстрельного дневника 1936–1937 годов
Никулина Н. А.
- 60 Мандрагора в райском саду: растительные образы в повести В. Набокова «Волшебник»
Дроздова А. О.

История

- 77 «Феодоръ Грекъ митрополичь отъ папы из Рима». К истории отношений Руси с папским престолом в конце XI века
Хрусталёв Д. Г.
- 110 Образ Другого: отличительный знак евреев в средневековой Германии (XIII–XVI века)
Байдуж Д. В., Медведева В. О.
- 134 Пространственная характеристика системы расселения русских первопоселенцев Сибири XVII–XVIII вв. бассейна р. Тобол в контексте ландшафта (оптика ГИС)
Костомаров В. М., Крестьянников К. Ю.

Contents for 2022

Vol. 1, no. 1 (29)

Linguistics

- 6 Interpretation of quality of model scientific text
Kotyurova, M. P.
- 19 Transferring the functions of the Russian dash in translation into Turkish
(on the example of the story “Caucasus prisoner” by L. N. Tolstoy)
Tetik, K. & Aydin, O.
- 38 Code-switching and Creative Process: Pushkin’s Plans “The Guests Were Arriving
at the Dacha”, “The Russian Pelham” and “In the Waters of the Caucasus”
Holter, Ju. & Chepiga, V. P.
- 62 How far can a dead author go?
Belozeroва, N. N.

Literature Studies

- 76 On the polyphony of meanings in “Eugene Onegin”
Shiltsev, V. D.
- 108 Collection of essays as a form of creative representation in the culture of the Silver Age
Edoshina, I. A. & Osipova, E. A.
- 123 Dream poetics in the lyrics of Ivan Zhdanov. Article one
Chizhov, N. S.
- 145 Development of the Joyce’s principle of collage-editing
technique in M. Shishkin’s novel “Maidenhair”
Markov, A. V. & Myslina, Ju. N.
- 162 I. A. Krylov — the fabulist in the aspect of self-consciousness
Shipov, S. O. & Komarov, S. A.

History

- 179 Kafa’s money-changing hole in the 13th–14th centuries
Emanov, A. G.
- 206 Louis XIV and the banker Bernard: a story of a walk
Sidorenko, M. A.
- 224 Formation and development of the police in the country cities
of the Urals in the 60s and 80s of the 19th century
Ryazanov, S. M.
- 241 On the problem of the development of cattle breeding and agriculture among
the Kazakhs in the Western Kazakhstan at the turn of the XIX–XX centuries
Frizen, D. Ya.

- 253 Cities of the Tyumen region in the 1970s: comparative analysis of trends in fertility and mortality
Dashinamzhilov, O. B.

Reviews

- 271 Modern Russian poetry through the eyes of the French
Manyshev, S. S.

Vol. 8, no. 2 (30)

Linguistics

- 6 Interpreter adaptation in hybrid ecology: the case of video-mediated commissioning of equipment
Krasnopeyeva, E. S. & Kraeva, S. S.
- 43 Cross-cultural aspects of Russian and Latin American idioms
Rodríguez Hernández, L. G.

Literature Studies

- 47 The anthropology of the reader's experience in the story *Cancer Ward* by A. I. Solzhenitsyn
Martyanova, S. A.
- 61 Physical abnormality as a measure of natural and social order in the stories of the nenets writer A. P. Nerkaġi: to the specificity of ethno-patience
Lagunova, O. K. & Markova, V. V.
- 79 Silver age of Russian poetry into French: towards the problem of poetic translation
Chepiga, V. P.

History

- 94 Wolfram von Soden's *Listenwissenschaft* and the problem of interpreting Sumerian lexical lists
Grigorishyn, S. V.

Vol. 8, no. 3 (31)

Linguistics

- 6 Indirect speech acts of modern communication: speech genre of hidden request
Bagirova, E. P. & Gavrikova, E. O.
- 23 Lexical representations of sensory images in Osip Mandelstam's lyrics
Razumkova, N. V.

Literature Studies

- 45 Marcel Proust in the "great time" of historical poetics (based on the works of S. N. Broitman and A. V. Mikhailov)
Danilina, G. I.

- 59 The biographical canon and its overcoming in Osip Mandelstam's autobiographical prose "The Noise of Time"
Kshondzer, M. K.
- 69 Aftertext as a system (case of Anna Akhmatova)
Menshchikova, A. M.
- 90 Book topic in the novel by F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"
Bondarchuk, E. M.

History

- 108 Tobol arsenal of hand frearms during Peter I' reign (1680–1720)
Balyunov, I. V.
- 125 Gabriel's plot of 1800: the story of the failed uprising
Shumakov, A. A.

Anniversaries, Scientific Events, Reviews

- 143 Linguistic terminology in lexicography: the experience of the gizaurus description
Mayorov, A. P.

Vol. 8, no. 4 (32)

Linguistics

- 6 A virtual image of an Arctic town (the case study of Salekhard)
Dolgikh, A. I.

Literature Studies

- 22 Image of Siberia as Russian Colonial Orient in Ivan Goncharov's Travelogue the Frigate Pallada
Kurilo, S. A. & Novikova, E. G.
- 41 Truthful dreams of Andrey Arzhilovskiy: from a 1936–1937 diary of a man sentenced to death
Nikulina, N. A.
- 60 Mandrake in the Paradise Garden: plant images in V. Nabokov's story "The Enchanter"
Drozдова, A. O.

History

- 77 Theodorus the Greek, the Pope's mitropolich' of Rome. Revisiting the relations between Rus and the Papacy in the late 11th century
Khrustalev, D. G.
- 110 The image of the Other: the distinctive sign of the Jews in medieval Germany (XIII–XVI centuries)
Baiduzh, D. V. & Medvedeva, V. O.
- 134 Spatial characteristics of Russian pioneers' settlement system in Siberia of the 17th–18th centuries of Tobol river basin in the context of landscape (GIS optics)
Kostomarov, V. M. & Krestyannikov, K. Yu.

Научное издание

ВЕСТНИК ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные исследования. Humanitates

2023. Том 9. № 1 (33)

Редактор	<i>Т. А. Протасов</i>
Перевод	<i>Т. А. Протасов</i>
Компьютерная верстка	<i>И. А. Штоль</i>
Дизайн обложки	<i>Г. Ф. Бикмулина</i>
Печать	<i>А. В. Башкиров</i>

Подписано в печать 14.04.2023
Формат 70 × 108/16. Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard LI. Гарнитура Arno Pro
Печать цифровая. 11,73 усл. печ. л., 9,38 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 218